

ISSN 2073-6304

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Экономика.
Управление. Право»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Economics.
Management. Law”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
2019

RSUH/RGGU BULLETIN. “Economics. Management. Law” Series

Academic Journal

There are 4 issues of the printed version of the journal a year.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Economics. Management. Law” Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

08.00.00 Economics:

08.00.01 Economic theory

08.00.05 Economics and management of national economy

08.00.10 Finance, money circulation and credit

08.00.14 World economics

12.00.00 Jurisprudence:

12.00.03 Civil law, Business law, Family law

12.00.04 Financial law, Tax law, Budget law International private law

12.00.10 International law, European law

Objectives and scope

The purpose of the journal is the dissemination and popularization of modern economic and legal knowledge, the publication of the results of relevant scientific research in the field of management, economics and law.

The main task of the journal is to become an effective means of communication between university and academic science, education and the professional community on a wide range of the most important socio-economic and legal problems of the development of regions, the country and the world.

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61880 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – reg. No. FS77-73407 of 03.08.2018

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993

tel: +7 (499) 973-40-96

e-mail: ynic2010@mail.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

08.00.00 Экономика:

08.00.01 Экономическая теория

08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством

08.00.10 Финансы, денежное обращение и кредит

08.00.14 Мировая экономика

12.00.00 Юриспруденция:

12.00.03 Гражданское право, Предпринимательское право, Семейное право

12.00.04 Финансовое право, Налоговое право, Бюджетное право,
Международное частное право

12.00.10 Международное право, Европейское право

Цели и область

Цель журнала – распространение и популяризация современных экономических и юридических знаний, публикация результатов актуальных научных исследований в области управления, экономики и права.

Главная задача журнала – стать эффективным средством коммуникации между университетской и академической наукой, образованием и профессиональным сообществом по широкому кругу важнейших социально-экономических и правовых проблем развития регионов, страны и мира.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61880 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73407 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Тел: +7 (499) 973-40-96

электронный адрес: unis2010@mail.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

N.I. Arkhipova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

N.I. Ovchinnikova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy chief editor*)

V.A. Umnov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy chief editor*)

S.V. Timofeev, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy chief editor*)

Joachim Foltys, Dr. of Sci. (Economics), professor, Opole University of Technology, Opole, Poland

Veliko I. Zhekov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Institute of Stimulation of Economics, Varna, Bulgaria

L.I. Glukhareva, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Ilyushina, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University of Jurisprudence, Moscow, Russian Federation

O.A. Rouzakova, Dr. of Sci. (Law), professor, Committee apparatus of State Duma of the Russian Federation for state building and legislature, Moscow, Russian Federation

I.I. Rodionov, Dr. of Sci. (Economics), professor, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation

K.V. Ekimova, Dr. of Sci. (Economics), professor, State University of Management, Moscow, Russian Federation

T.M. Alieva, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary of the series*)

Executive editors

E.V. Zenkina, Dr. of Sci. (Economics), associate professor (RSUH)

T.M. Alieva, Cand. of Sci. (Economics), associate professor (RSUH)
(*executive secretary of the series*)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Н.И. Архипова, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Н.В. Овчинникова, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

В.А. Уминов, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.В. Тимофеев, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Фолтыс Иоахим Петр, доктор экономических наук, профессор, Опольский политехнический институт, Ополе, Польша

Жеков Велико Иванов, доктор экономических наук, профессор, Институт стимулирования экономики, Варна, Болгария

Л.И. Глухарева, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Илюшина, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный университет юстиции, Москва, Российская Федерация

О.А. Рузакова, доктор юридических наук, профессор, Комитет Государственной Думы РФ по государственному строительству и законодательству, Москва, Российская Федерация

И.И. Родионов, доктор экономических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

К.В. Екимова, доктор экономических наук, профессор, Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

Т.М. Алиева, кандидат экономических наук, доцент, Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь серии*)

Ответственные за выпуск

Е.В. Зенкина, доктор экономических наук, доцент (РГГУ)

Т.М. Алиева, кандидат экономических наук, доцент (РГГУ)
(*ответственный секретарь серии*)

СОДЕРЖАНИЕ

Управление	
<hr/>	
<i>Владимир И. Голованов, Ирина В. Положенцева</i> Роль профессиональных и образовательных стандартов при реализации национального проекта «Цифровая экономика»	8
<i>Анастасия С. Зарецкая, Ольга П. Иванова, Михаил М. Козырев</i> Исследование конкурентоспособности вуза и факторов ее повышения	21
<i>Олег Ю. Артемов, Станислав А. Овчинников</i> Особенности использования клиентоориентированного подхода в управлении современными музеями	36
Экономика	
<hr/>	
<i>Иван А. Копытин</i> Превратят ли крупнейшие мировые нефтегазовые компании блокчейн в свое конкурентное преимущество?	52
<i>Наталья В. Федорова, Ольга Ю. Минченкова, Виктория Г. Макеева</i> Преимущества и риски международного инвестирования социальных проектов государственно-частного партнерства	67
<i>Татьяна И. Кузьмина, Наталья П. Савина</i> Методологический подход к оценке эффективности экономической интеграции стран-членов СНГ	78
<i>Дарья В. Лебедева</i> Состояние инновационной деятельности Российской Федерации: основные препятствия развития	93
<i>Наталья Ю. Сопилко, Андрей В. Кулаков</i> Перспективы развития интеграционных процессов государств Евразийского экономического союза	105
<i>Евгений Ф. Авдокушин</i> 70 лет КНР: от «большого скачка» к технологическому «прорыву»	116
Право	
<hr/>	
<i>Светлана В. Львова</i> Квалифицированный инвестор: международный опыт	133
Книжная полка	
<hr/>	
<i>Ирина В. Воробьева</i> Рецензия на монографию: Ю.М. Антонян. «Тоталитарная преступность». М.: Юрлитинформ, 2020. 312 с.	143

CONTENTS

Management

- Vladimir I. Golovanov, Irina V. Polozhentseva*
Role of professional and educational standards in the implementation
of the national project “Digital economy” 8
- Anastasiya S. Zaretskaya, Olga P. Ivanova, Michail M. Kozyrev*
Research of the university competitiveness
and factors of its improvement 21
- Oleg Yu. Artemov, Stanislav A. Ovchinnikov*
Features of the client-oriented approach
in the management of modern museums 36

Economy

- Ivan A. Kopytin*
Will the major oil and gas corporations make blockchain
their competitive advantage? 52
- Natalia V. Fedorova, Olga Yu. Minchenkova, Viktoria G. Makeeva*
Advantages and risks of international investment
in public-private partnership social projects 67
- Tatiana I. Kuzmina, Natalia P. Savina*
Methodological approach to evaluating the effectiveness
of economic integration of CIS member states 78
- Daria V. Lebedeva*
Innovation activity in the Russian Federation:
obstacles to development 93
- Natalya Yu. Sopilko, Andrey V. Kulakov*
Developing integration processes for the Eurasian Economic Union 105
- Evgenii F. Avdokushin*
70 Years of China: from “Big leap” to technological “breakthrough” 116

Law

- Svetlana V. Lvova*
A qualified investor: the international experience 133

Bookshelf

- Irina V. Vorob'eva*
Monograph review: Yu.M. Antonyan. “Totalitarian Crime”.
M.: Yurlitinform, 2020. 312 p. 143

Управление

УДК 378:330.4

DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-8-20

Роль профессиональных и образовательных стандартов при реализации национального проекта «Цифровая экономика»

Владимир И. Голованов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, golovanov52@rambler.ru*

Ирина В. Положенцева

*Московский государственный университет технологий и управления
им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет),
Москва, Россия, vpp@yandex.ru*

Аннотация. Реализация национального проекта «Цифровая экономика» неизбежно изменит структуру спроса на рынке труда, где не только произойдет замена каких-то одних традиционных профессий на новые, но и произойдет трансформация других традиционных профессий, соответственно, возникнет необходимость введения новых профессиональных стандартов и значительной корректировки тех стандартов, которые существуют в настоящее время. Все это уже сейчас выдвигает новые требования не только к стандартам профессионального и высшего образования, но и образовательным стандартам в целом, так как возникает необходимость в том, чтобы выпускники образовательных организаций, входящих в систему профессионального образования, приобретали не только новые профессиональные компетенции (что в принципе очевидно), но и новые универсальные компетенции, которые формируются на всех уровнях образования, необходимые для профессиональной деятельности в условиях цифровой экономики. К таким компетенциям, которые приобретают универсальный характер в условиях цифровой экономики, можно отнести общесоциальные, коммуникативные, информационные, предпринимательские.

Ключевые слова: цифровая экономика, профессиональная структура, профессиональные стандарты, образовательные стандарты, профессиональные компетенции, универсальные компетенции, общесоциальные компетенции, коммуникативные компетенции, информационные компетенции, предпринимательские компетенции, непрерывное образование

Для цитирования: Голованов В.И., Положенцева И.В. Роль профессиональных и образовательных стандартов при реализации национального проекта «Цифровая экономика» // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 8–20. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-8-20

© Голованов В.И., Положенцева И.В., 2019

Role of the professional and educational standards in the implementation of the national project “Digital economy”

Vladimir I. Golovanov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, golovanov52@rambler.ru*

Irina V. Polozhentseva

*Razumovsky Moscow State University of Technology and Management,
Moscow, Russia, vipperh@yandex.ru*

Abstract. An implementation of the National project “Digital economy” will inevitably change the demand structure in the labor market, where not only some traditional professions will be replaced by new ones, but other traditional professions will also be transformed, accordingly, there will be a need to introduce new professional standards and to substantially adjust those standards that currently exist. All that already now puts forward new requirements not only for the standards of the professional and higher education, but also for educational standards in general, since there is a need for graduates of educational organizations that are part of the vocational education system to acquire new professional competencies, which in principle, is obvious, but also new universal competencies, which are formed at all levels of education, and which are necessary for professional activities in the digital economy. Those competencies, which are becoming universal in nature in the context of the digital economy, include the society-wide, communicative, informational, entrepreneurial.

Keywords: digital economy, professional structure, professional standards, educational standards, professional competencies, universal competencies, society-wide competencies, communicative competencies, information competencies, entrepreneurial competencies; continuing education

For citation: Golovanov, V.I. and Polozhentseva, I.V. (2019), “Role of the professional and educational standards in the implementation of the national project ‘Digital economy’”, *RSUH / RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 4, pp. 8-20, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-8-20

Переход современного общества на цифровую экономику ведет к кардинальной перестройке социальных организаций и социальных взаимоотношений. Усиление роли информационных технологий, роли сети Интернет, с одной стороны, создает благоприятные условия для общественного развития за счет упрощения процесса коммуникации, расширения числа доступных для населения товаров и услуг с целью создания более комфортабельных условий

жизнедеятельности и создания дополнительных условий для распространения предпринимательства среди широких слоев населения. А с другой стороны, это переводит киберугрозы из технологического понятия в социальное.

«Цифровая революция» является естественным результатом технического, технологического и экономического развития общества. Она вносит значительные изменения в жизнь человека и общества в целом. Как и любые другие глобальные изменения, «цифровая революция» несет в себе не только возможности для человека и общества, но также и угрозы. Наиболее ярко она проявляется в экономической сфере.

В программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г., цифровая экономика определяется как экономика, в которой «данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, что повышает конкурентоспособность страны, качество жизни граждан, обеспечивает экономический рост и национальный суверенитет»¹.

В соответствии с Программой, цифровая экономика представлена тремя уровнями:

- 1) «рынки и отрасли экономики (сферы деятельности), где осуществляется взаимодействие конкретных субъектов (поставщиков и потребителей товаров, работ и услуг)»;
- 2) «платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики (сфер деятельности)»;
- 3) «среда, которая создает условия для развития платформ и технологий, и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики (сфер деятельности) и охватывает нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, кадры и информационную безопасность».

По мнению О.А. Цирика, развитие данного типа экономики напрямую связано с «умственным потенциалом людей» и быстротой «процесса изменения парадигм мышления в бизнес-среде» [Цирик 2018, с. 276].

Автор работы отмечает, что важнейшим направлением развития цифровой экономики является направление «кадры и образование», основными целями которого является создание необходимых условий для подготовки кадров цифровой экономики. Это может

---

¹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения 03.03.2019).

быть достигнуто за счет совершенствования системы образования, направленной на обеспечения цифровой экономики специалистами в этой сфере, формирования рынка труда для реализации требований цифровой экономики. Кроме того, необходимо создание системы мотивации по овладению требуемыми для развития цифровой экономики компетенциями и привлечению высококлассных специалистов в эту область [Голованов, Латыпов 2017, с. 37].

Н.В. Зубенко и Д.В. Ланская обращают внимание на то, что «важность и потребность формирования цифровой экономики базируется на обновлении и использовании новых знаний, инновационного мировоззрения и профессиональных компетенций специалистов, обладающих этими знаниями» [Зубенко, Ланская 2018, с. 145]. В этой связи главным действующим лицом, исключительным субъектом, драйвером инновационного развития и триггером цифровой экономики становится человек, личность, профессионал, чей интеллектуальный потенциал, мотивация, профессиональная ресурсная база и действия связаны с высокими психологическими, техногенными, информационными и антропогенными рисками, угрозами, затратами и опасностями.

Таким образом, возрастает значимость процесса управления знаниями, все более определяющего развитие современного общества. В свою очередь социальная трансформация, обуславливающая переход к цифровой экономике, изменяет систему профессий и выдвигает новые требования к ним, а это приводит к изменению образовательных стандартов на всех уровнях образования.

Динамизм цифровой экономики требует ориентации на формирование гибкой образовательной системы, способной своевременно реагировать на изменение потребностей общества. В этих условиях общество предъявляет запрос на создание современной образовательной системы, способной обеспечить эффективную реализацию концепции непрерывного образования, предоставить возможности формирования индивидуальных образовательных траекторий обучающихся [Положенцева 2015, с. 71].

Однако при всей важности индивидуального подхода прежде всего необходимо обратить внимание на общие проблемы образования, связанные с изменениями в профессиональных стандартах, а также, как результат, изменениями в образовательных стандартах. Профессии цифровой экономики предъявляют как общие, так и специфические требования к человеку, желающему работать в тех или иных профессиональных направлениях. Не следует забывать, что профессиональная структура общества является только частью социальной структуры в целом, поэтому цифровая эконо-

мика, хотя и преобразует социальные отношения, тем не менее не заменяет, а тем более не уничтожает их. Следовательно, профессиональные требования, как и прежде, остаются частью общих требований социального характера [Рукина, Филатов и др. 2018, с. 122]. Профессиональные стандарты указывают на требования, соблюдение которых способствует тому, чтобы работник выполнял свои профессиональные обязанности на должном уровне. Образовательные стандарты указывают на необходимость усвоения не только профессиональных стандартов, но и на усвоение социальных стандартов. Таким образом, перед современным образованием стоит сложнейшая задача формирования полноценной личности в условиях цифрового общества.

Учитывая вышеизложенное, можно выделить основные компетенции, которые приобретают универсальный в характер в условиях цифровой экономики. К ним можно отнести общесоциальные, коммуникативные, информационные, предпринимательские.

К общесоциальным компетенциям следует отнести способность к социальному взаимодействию в условиях, принятых в обществе этических, правовых, культурных и прочих норм. Важным представляется формирование у обучающего критического мышления, системы философского, логического, исторического, социально-культурологического, социально-экономического и правового знания, способных сформировать личность и сохранить ее самоидентичность.

«Цифра» не может заменить человеку ни его биологическую, ни его психическую, ни его социальную природу, а также потребность в самореализации и социализации. «Цифра» выступает всего лишь в качестве средства, способствующего созданию благоприятных условий для развития человеческой личности и общества. В связи с тем, что «цифра» представляет собой всего лишь средство, а не самоцель, нельзя согласиться с противниками цифровизации экономики, которые фактически выступают с позиции неолуддизма.

Несмотря на естественность опасений, связанных с цифровой экономикой, неолуддизм представляет реальную социальную опасность, так как призывает общество к безальтернативному отказу от мировых экономических и технологических информационных процессов, а человека – к отказу от жизни в современном обществе.

Одновременно следует обратить внимание на сохранение социальных норм, в широком смысле этого слова, как регуляторов взаимодействия между индивидами и социальными группами. «Цифра» не вносит в эту сферу каких-либо новаций, но сама в ка-

ком-то смысле становится объектом социального нормирования и регулирования. В результате она переходит в разряд объектов философского, логического, этического, культурологического, экономического и правового анализа. Будучи включенной в широкий социальный и гуманитарных контекст, «цифра» становится социогуманитарным элементом социума, следовательно, фактором, влияющим на современное содержание общесоциальных компетенций.

Развитие цифровой экономики предполагает развитие логического и критического мышления как основы для эффективной работы с разнообразной и разнородной информацией.

Философское знание в данном контексте прежде всего выполняет методологические, интеграционные и мировоззренческие функции. Первое связано с тем, что оно способствует выработке принципов и методов работы в системе цифровой экономики. В свою очередь их формирование основывается на достижении многовековой философской мысли. Вторая функция реализуется через способность философского знания объединять, синтезировать отдельные явления и процессы, в том числе цифровой экономики, в общую единую динамичную систему. Не менее важным является формирование личностного (субъективного) представления о данном явлении как о единой целостности при учете особенностей ее взаимосвязанных элементов, а также специфики взаимодействия между ними. Важным является использование мировоззренческого потенциала философского знания, которое включает в себя многовековой опыт развития философской, логической, этической и эстетической мысли. Кроме того, сам процесс формирования и развития цифровой экономики, «цифры» как социального явления нуждается в философском осмыслении.

Историческое знание также сохраняет свою актуальность в условиях цифровой экономики. Это обусловлено самой природой исторического знания: целостным и многосторонним ретроспективным анализом общества как единой динамичной системы. Изучение многовекового социального опыта человечества, анализ социальных, экономических, культурных, политических процессов прошлого в своей совокупности позволяет понять как общие закономерности социального (в широком смысле) развития, так и природе современных общественных явлений и процессов. Одновременно знание социального опыта призвано обезопасить общество от социально-деструктивных идей.

Также сохраняет свои позиции культурологическое знание, непосредственно связанное с раскрытием сущности культуры как социального, так и исторического явления. Культурологическое знание создает условия для формирования ответственной позиции

по отношению к материальным достижениям человеческой цивилизации, особенно относящиеся к памятникам культуры, к произведениям искусства.

Особое значение в условиях развития цифровой экономики приобретают экономические и правовые знания. С одной стороны, они должны заложить методологические основы, общее понимание экономических процессов и явлений, правовых отношений, фактов, событий, закономерностей, требований, а с другой – сформировать необходимый инструментарий для эффективной деятельности человека с позиции современных требований экономики и права. Кроме того, они нацелены на формирование высокой экономической и правовой культуры, что определяет общее развитие общества, положение каждого его члена. Роль экономической и правовой культуры в период формирования цифрового общества приобретает особое значение в связи с тем, что протекает еще не до конца известный обществу процесс трансформации социальных отношений и институтов.

В целом общение к социальному и гуманитарному знанию, которое было представлено выше, пройдя методическую обработку, переформируется в общесоциальные компетенции, которые в своей совокупности должны сформировать личность, обладающую и использующую в своей деятельности методологические и практические инструментарии социо-гуманитарного знания в условиях цифровой экономики.

К коммуникативным компетенциям можно отнести способность к непосредственному и опосредованному общению с различными социальными группами, в том числе этническими и религиозными, с учетом требований разных форм общения (повседневного и делового). Кроме того, к коммуникативным компетенциям относится способность общаться на повседневные и профессиональные темы на ведущих иностранных языках.

На современном этапе важнейшее значение имеет английский язык как язык международного общения, язык науки и экономики. Однако для российского общества и государства, несмотря на вышеуказанные обстоятельства, важным является сохранение русского языка как государственного и как языка межнационального общения с учетом интересов языков народов России.

Однако коммуникативные компетенции не сводятся только к лингвистическим умениям, они охватывают весь комплекс умений и навыков, связанных с процессом коммуникации, в том числе психологических, этических и этикетных. Развитие цифровой экономики, формирование цифрового общества вносят качественные и количественные изменения в процесс коммуникации. Он становит-

ся более разветвленным и сложным. Развитие социальных сетей, определенное растворение границ частного и публичного в жизни человека, рост многообразных информационных потоков осложняют как сам процесс общения, так и его стороны (перцептивный, интерактивный и собственно коммуникативный). Следствием данного явления становится также сближение различных культур, народов, обладающих своими самобытными традициями и правилами общения. Психология общения на современном этапе стала психологией межкультурной, также и коммуникация приобрела межкультурный характер.

В данном контексте следует обратить внимание не только на вербальную, но и на невербальную коммуникацию. В ней отражаются особенности коммуникаций отдельных стран и регионов, отдельных субкультур. Неправильное использование средств невербальной коммуникации, как известно, может спровоцировать серьезную конфликтную ситуацию. Также неотъемлемую часть коммуникационного процесса составляет этикет. Несмотря на известность данной нормы, она исполняется далеко не всегда. Более известен ее «бытовой вариант». Однако развитие цифровой экономики, развитие цифрового общества делают необходимым знание и навык в сфере делового этикета с учетом национальных особенностей. Одновременно с развитием социальных сетей возникла необходимость в формировании норм интернет-этикета.

Таким образом, коммуникационная компетенция в условиях цифровой экономики включает в себя не просто знания, навыки и умения письменно и устно общаться на родном и на иностранном языках, но владеть психологией и этикой общения, а также этикета.

Также следует отметить, что развитие данного вида компетенции направлено не просто на развитие навыков повседневного общения, но на формирование знаний, умений и навыков общения профессионального. Оно охватывает не только перцептивные и интерактивные стороны коммуникации, но организационные. Другими словами, не только умение слушать и слышать, но и организовывать общение.

К информационным компетенциям следует отнести способность работать с информационными технологиями и системами с целью решения личных и профессиональных вопросов.

В связи с тем что цифровая экономика способствует развитию предпринимательства, от человека цифровой эпохи требуется владение теоретическими знаниями и практическими навыками в сфере менеджмента и самоменеджмента, экономики и права.

Формирование предпринимателя представляет собой сложный процесс, опирающийся на выше представленные компетенции.

К данной социальной роли человек должен быть готов как психологически, этически, так и теоретико-практически. С одной стороны, предприниматель способен к генерации идей, к самомотивации, к риску, а, с другой, способен давать нравственную оценку своим идеям и действиям, нести моральную ответственность за них. Кроме того, современный предприниматель нуждается в полноценной теоретической и практической подготовке в нескольких областях знания: менеджмент, экономика и право. Распространение предпринимательства в условиях развития цифровой экономики требует популяризации этих областей без снижения их научного теоретического и практического потенциала.

Таким образом, профессиональные и образовательные стандарты, ориентированные на развитие цифровой экономики в своих общих частях, то есть не зависящих от специфики профессии и направления подготовки, должны включать в себя проанализированные общесоциальные, коммуникативные, информационные, а также «предпринимательские» компетенции. Все они должны находиться в тесном взаимодействии между собой и в диалектическом единстве между собой [Положенцева 2015, с. 9]. Их формирование, основанное на теоретической базе и ориентированное на практическое применение, требуется для генерирования человека цифрового общества, способного к сохранению социальной и личностной идентичности. Однако и их особая часть, т. е. непосредственно связанная со спецификой выполняемой профессиональной деятельности, также должна учитывать требования развивающейся цифровой экономики.

Профессиональные и образовательные стандарты по сфере использования представляют собой разные системы требований, но с точки зрения задач и целей являются единой системой требований. Можно вполне утверждать, что они сосуществуют в диалектическом единстве. Однако объективная зависимость, обусловленность образовательного стандарта от стандарта профессионального означает, что если в профессиональном стандарте учтены особенности профессиональной деятельности в условиях цифровой экономики, то это отражено и в образовательном.

Учитывая то, что образовательные стандарты обеспечивают формирование специалистов, которые должны соответствовать принятым профессиональным стандартам, следует обратить на них особое внимание.

Образовательные стандарты в своей основе предполагают формирование как общекультурных (универсальных), так и профессиональных компетенций. Обеспечивается это дисциплинами, которые вносятся в учебный план на основе необходимых для дан-

ной профессиональной деятельности. Соответственно, выбор дисциплин определяется не субъективными представлениями о том, что должны знать обучающиеся, а объективными потребностями профессиональной деятельности. Ориентированность на формирование компетенций в процессе профессионального образования должна способствовать не только формированию системы теоретического знания и практических навыков. В результате система формируемых знаний становится довольно гибкой, что важно в условиях развития цифровой экономики. В свою очередь это способствует формированию профессиональной мобильности, заключающейся в способности специалиста в дальнейшем успешно проходить повышение квалификации и профессиональную переподготовку в случае необходимости.

Формирование компетенций цифровой экономики требует применения в образовательном процессе «общепользовательских и профессиональных инструментов».

В образовательной системе все больше внимания уделяется работе с информационными системами, поиску и обработке информации в сети Интернет. По многим дисциплинам высшего образования необходимо вводить лабораторные работы с применением программ Microsoft Office и с использованием ресурсов сети Интернет. Обучающиеся получают практические навыки по овладению знаниями. В связи с этим разрабатываются «персональные траектории обучения, позволяющие обучаемым выбирать индивидуально способы формирования базовых компетенций цифровой экономики». Поэтому особое внимание уделяется самостоятельной работе студентов. Преподаватель выступает в роли организатора и руководителя самостоятельной работы обучающихся [Положенцева 2016].

В настоящее время студенты имеют возможность получать информацию по дисциплине, выполнять задания и проходить тестирование в электронной информационной среде как своей образовательной организации, так и другой (в случае сетевого обучения). Важно, чтобы задания преподавателя выполнялись с активным использованием программных средств. Можно рассмотреть дополнительные возможности самостоятельной работы на примере таких дисциплин, как «Социальная статистика» и «Стратегическое планирование и прогнозирование». В соответствии со стандартами разработаны задания по каждому разделу с расчетами и выводами. Необходимым условием выполнения заданий надо ставить использование процедур программы Excel или других специальных программ Microsoft Office. Получая знания в процессе выполнения заданий, студенты будут овладевать методами работы со средства-

ми ИКТ, в том числе и в профессиональной области. Для контроля над ходом освоения студентом учебного материала дисциплины преподаватель должен разрабатывать взаимосвязанную систему обучения и контроля с обязательным использованием телекоммуникационных технологий. Интерактивные взаимодействия между самими обучающимися, а не только между преподавателем и студентом, становятся важным моментом в получении и закреплении знаний. Развивая методы самостоятельной работы студентов, можно включать в образовательную деятельность проведение учебных коллективных дискуссий и конференций, где все участники дискуссии могут обмениваться как устными, так и письменными сообщениями, что повышает динамику учебного взаимодействия и стимулирует активность студентов в учебном процессе [Капица, Паластина, Положенцева 2013, с. 119].

На основе профиля компетенций и персональных траекторий развития можно разрабатывать направления и объемы учебной работы на следующей ступени образования – в магистратуре, а далее – в системе дополнительного профессионального образования.

В результате непрерывное образование в условиях цифровой экономики приобретает характер обязательной составляющей профессиональной деятельности. Причем оно может реализовываться как в институциональной форме (курсы повышения квалификации, курсы профессиональной подготовки), так и в неформальной (самообразование). Соответственно, при реализации образовательного стандарта и формировании профессионального стандарта это обстоятельство должно обязательным образом учитываться [Кочкорбаева, Положенцева 2019, с. 69].

Таким образом, образовательные и профессиональные стандарты, основанные на компетенциях, обеспечивающих формирование и развитие специалиста, способного на высоком уровне выполнять свои обязанности, а также менять сферу своей профессиональной деятельности без потери качества, будут соответствовать требованиям цифровой экономики.

Литература

- Голованов, Латыпов 2017 – Голованов В.И., Латыпов Н.А. Основные направления развития городского хозяйства на базе цифровой экономики // Экономические аспекты технологического развития современной промышленности: Материалы Междунар. научно-практич. конф. 23 ноября 2017 г. 2017. № 10. М.: МГПУ, 2017. С. 37–43.
- Зубенко, Ланская 2018 – Зубенко Н.В., Ланская Д.В. Цифровая экономика как комплементарная часть экономики знаний // Проблемы общества и экономики,

- основанных на знании: инновации и неиндустриализация: Сб. научных статей молодых исследователей / Науч. ред. В.В. Ермоленко. Краснодар: КГУ, 2018. С. 139–147.
- Капица, Паластина, Положенцева 2013 – *Капица Г.П., Паластина И.П., Положенцева И.В.* Мотивация учебной деятельности студентов в образовательном процессе // Образовательная среда сегодня и завтра: Материалы VIII Междунар. научно-практич. конф. / Отв. ред. Г.Г. Бубнов. М.: МГИУ, 2013. С. 115–121.
- Кочкорбаева, Положенцева 2019 – *Кочкорбаева Э.Ш., Положенцева И.В.* Влияние цифровой образовательной среды на педагогический процесс в профессиональном образовании // Главный механик. 2019. № 8. С. 68–73.
- Положенцева 2015 – *Положенцева И.В.* Диагностика сформированности компетенций у обучающихся в системе дистанционного образования // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4. С. 1–20.
- Положенцева 2016 – *Положенцева И.В.* Педагогическая среда дистанционного образования в высшей школе России. М.: МГУТУ, 2016.
- Рукина, Филатов, Женжебир 2017 – *Рукина И.М., Филатов В.В., Женжебир В.Н., Положенцева И.В.* Экономическая конвергенция и технологическое предвидение // Микроэкономика. 2018. № 2. С. 120–127.
- Цирик 2018 – *Цирик О.А.* Цифровая экономика – новый вектор развития современной экономики // Современная наука: идеи, которые изменят мир: Материалы Всероссийской научно-практич. конф. 22–23 ноября 2018. Брянск: БГУ им. И.Г. Петровского, 2018. С. 273–277.

References

- Golovanov, V.I. and Latipov, N.A. (2017), “Principal directions of urban economy development on the basis of digital economy”, *Ekonomicheskie aspekty tekhnologicheskogo razvitiya sovremennoi promyshlennosti: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. 23 noyabrya 2017 g. [Economic aspects of technology development of the contemporary industry, Proceedings of the Intern. scientific and practical conf. November 23, 2017], MGPU, Moscow, Russia, pp. 37–43.
- Kapicza, G.P., Palastina, I.P. and Polozhenczeva, I.V. (2013), “Motivation of students educational activity in the educational process”, *Obrazovatel'naya sreda segodnya i zavra: Materialy VIII Mezhdunar. nauchno-praktich. konf.* [Proceedings of the 8th Intern. scientific and practical conf.], ed. by G.G. Bubnov, MGIU, Moscow, Russia, pp. 115–121.
- Kochkorbaeva, E.Sh. and Polozhenczeva, I.V. (2019), “Impact of digital learning environment on pedagogical process in professional training”, *Glavnyi mekhanik*, no. 8. pp. 68-73.
- Polozhenczeva, I.V. (2015), “Diagnostics of the formedness competence in students in the system of distance education”, *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], no. 4, pp. 1–20.
- Polozhenczeva, I.V. (2016), *Pedagogicheskaya sreda distantsionnogo obrazovaniya v vysshei shkole Rossii* [Pedagogical environment of distance education in higher education in Russia], MGUTU, Moscow, Russia.

- Rukina, I.M., Filatov, V.V., Zhenzhebir, V.N. and Polozhenczeva, I.V. (2018), "Economic convergence and technological foresight", *Mikroekonomika*, no. 2, pp. 120-127.
- Tsirik, O.A., (2018), "Digital economy – a new vector of development of modern economy", *Sovremennaya nauka: idei, kotorye izmenyat mir: Materialy Vserossiiskoi nauchno-praktich. konf. 22–23 noyabrya 2018* [Modern science: ideas that will change the world, Proceedings of all-Russian scientific and practical conf., November 22–23, 2018], pp. 273-277.
- Zubenko, N.V. and Lanskaya, D.V. (2018), "Digital economy as a complementary part of the knowledge economy", *Problemy obshchestva i ekonomiki, osnovannykh na znanii: innovatsii i neoindustrializatsiya: Sb. nauchnykh statei molodykh issledovatelei* [Issues of a knowledge-based society and economy. Innovation and neo-industrialization. Coll. scientific articles of young researchers], Sc. ed. V.V. Ermolenko, KGU, Krasnodar, Russia, pp. 139–147.

Информация об авторах

Владимир И. Голованов, доктор экономических наук, профессор, академик РМА, МАИ, РАЕН, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; golovanov52@rambler.ru

Ирина В. Положенцева, кандидат экономических наук, доцент, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва, Россия; 109004, Россия, Москва, ул. Земляной вал, д. 73; vipperh@yandex.ru

Information about the authors

Vladimir I. Golovanov, Dr. of Sci. (Economics), professor, full member of the RMA, MAI, RANS, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; golovanov52@rambler.ru

Irina V. Polozhentseva, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Razumovskii Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University), Moscow, Russia; bld. 73, Zemlyanoy val, Moscow, Russia, 109004; vipperh@yandex.ru

Исследование конкурентоспособности вуза и факторов ее повышения

Анастасия С. Зарецкая

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия, Anastasiya.Zaretskaya@novsu.ru*

Ольга П. Иванова

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия, prof-ivanova@mail.ru*

Михаил М. Козырев

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия, Mikhail.Kozirev@novsu.ru*

Аннотация. В современных экономических условиях при снижении числа мест в высших учебных заведениях, финансируемых за счет ассигнований федерального бюджета, достаточно остро выражена конкуренция на образовательном рынке. Чтобы быть привлекательным для абитуриентов, вузу сегодня недостаточно только предоставлять качественные образовательные услуги, необходимо проводить мониторинг рынка, анализировать предложения конкурентов, формировать положительное отношение к образовательному учреждению у заинтересованных сторон, выстраивать индивидуальную маркетинговую стратегию. Авторами анализируется конкурентоспособность вуза на современном образовательном рынке, отслеживается влияние на данный показатель различных внешних и внутренних факторов. В частности анализируется емкость рынка, выполняется ретроспективный анализ результатов приемных кампаний вуза прошлых лет, выявляются прямые и косвенные конкуренты образовательного учреждения и их преимущества. Выделенные в ходе исследования проблемы легли в основу сформулированных мер по повышению конкурентоспособности вуза, элементов позиционирования его на рынке образовательных услуг региона. Предложены подходы к снижению стоимости образовательных услуг для отдельных категорий абитуриентов, описан процесс перехода высшего учебного заведения на новую образовательную модель, которая включает в себя в образовательных модулях элементы проектной логики.

Ключевые слова: конкурентоспособность вуза, маркетинговая стратегия, новая образовательная модель, устойчивое развитие, позиционирование вуза

Для цитирования: Зарецкая А.С., Иванова О.П., Козырев М.М. Исследование конкурентоспособности вуза и факторов ее повышения // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 21–35. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-21-35

Research of the university competitiveness and factors of its improvement

Anastasiya S. Zaretskaya

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Novgorod the Great,
Russia, Anastasiya.Zaretskaya@novsu.ru*

Olga P. Ivanova

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Novgorod the Great,
Russia, prof-ivanova@mail.ru*

Michail M. Kozyrev

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Novgorod the Great,
Russia, Mikhail.Kozirev@novsu.ru*

Abstract. In modern economic conditions, with a decrease in the number of student places in higher education institutions financed by federal budget allocations, competition in the educational market is quite acutely pronounced. To be attractive for applicants, a university today is not enough just to provide quality educational services, it is necessary to monitor the market, analyze the proposals of competitors, build a positive attitude towards the educational institution among interested parties, and form an individual marketing strategy. The authors analyze the competitiveness of the university in the modern educational market, they track of various external and internal factors upon that index. In particular, the market capacity is analyzed, a retrospective analysis of the results of the university's admission campaigns of past years is carried out, the direct and indirect competitors of the educational institution are identified. The issues highlighted during the study formed the basis of the formulated measures for improving the competitiveness of the university and its positioning in the educational market of the region. Approaches to reducing the cost of educational services for certain categories of applicants are proposed, the process of transition of a higher education institution to a new educational model, which includes elements of project logic in educational modules, is described.

Keywords: university competitiveness, marketing strategy, new educational model, sustainable development, university positioning

For citation: Zaretskaya, A.S., Ivanova, O.P. and Kozyrev, M.M. (2019), "Research of the university competitiveness and factors of its improvement", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 4, pp. 21-35, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-21-35

Введение

В современных социально-экономических условиях конкуренция на рынке образовательных услуг высока. Чтобы обеспечить достаточную численность студентов на первом курсе обучения, преподавателям современного высшего учебного заведения недостаточно только качественно выполнять свою основную деятельность. В борьбе за абитуриентов сегодня используется весь спектр маркетинговых технологий и методов.

В Новгородской области в последние годы отмечается усиление инвестиционной активности субъектов экономики, при этом частные инвестиции увеличивают свою долю относительно бюджетных в структуре региональных финансов [Ерзкян, Иванова 2019]. Это обуславливает рост потребности в регионе в высококвалифицированных кадрах. Спрос на выпускников высших учебных заведений будет увеличиваться в ближайшие годы. При этом меняются и требования к компетенциям последних. Внедрение в практику профессиональных стандартов в значительной степени изменило подходы к подбору персонала организации. Данный документ четко регламентирует знания, навыки, умения и опыт работы сотрудника, необходимый для осуществления конкретного вида профессиональной деятельности [Архипова, Седова 2016]. Специалист нового поколения не только обладает фундаментальными и прикладными знаниями и навыками в сфере своих профессиональных интересов, но и демонстрирует на высоком уровне качества, которые во всем мире сегодня принято называть *soft-skills*. Это умение гибко адаптироваться в изменяющихся внешних условиях, способность быстро принимать корректные управленческие решения, хорошие коммуникативные навыки, умение работать в команде.

Современное высшее учебное заведение должно следовать тренду потребностей на образовательном рынке, реагировать на постоянно меняющиеся запросы от работодателей. Только так вуз способен готовить современных высококвалифицированных специалистов, и, как следствие, быть популярным у абитуриентов [Корчагова 2019].

Конкурентоспособность вуза – многогранное понятие, включающее большое число факторов. Это и качество ресурсов образовательных организаций (профессиональная квалификация профессорско-преподавательского состава, уровень подготовки абитуриентов, качество инфраструктуры и материально-технической базы вуза и др.), и уровень научных и образовательных продуктов вуза (технологии обучения, актуальные образо-

вательные программы, качество научных исследований и др.), и эффективность деятельности высшего учебного заведения (успешность и востребованность выпускников на рынке труда, признание научного авторитета профессорско-преподавательского состава и др.). Немаловажным для увеличения конкурентоспособности вуза будет четкое позиционирование себя на рынке образовательных услуг (понимание своих преимуществ перед конкурентами, проработанная эффективная стратегия развития, наличие бренда вуза, понятного и привлекательного как абитуриентам, так и работодателям и др.) [Сагинова, Кондратьева, Искандарян, Шипунова 2019]. Только обладая всем набором факторов, высшее учебное заведение может рассчитывать на эффективное функционирование на современном образовательном рынке.

Методика исследования

Для прогнозирования спроса на образовательные услуги на договорной основе обучения у абитуриентов в 2019 г. было проведено исследование конкурентоспособности Института экономики, управления и права (ИЭУП) Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. В его рамках выделялись следующие задачи:

- 1) анализ емкости рынка образовательных услуг Великого Новгорода;
- 2) ретроспективный анализ данных приема абитуриентов ИЭУП;
- 3) анализ конкурентов ИЭУП на рынке образовательных услуг;
- 4) формирование мер повышения конкурентоспособности ИЭУП на рынке образовательных услуг региона.

Анализ емкости рынка образовательных услуг позволял оценить то количество абитуриентов, которое Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (далее НовГУ) сможет привлечь в 2019–2020 учебном году. На данный показатель влияет несколько основных факторов [Екшикеев 2009а]:

- 1) демографическая ситуация в регионе;
- 2) профориентационные предпочтения абитуриентов (доля выпускников школ, желающих получить высшее образование, выбор вуза/города, в котором обучаться дальше);
- 3) наличие материальной возможности семьи абитуриента продолжить обучение ребенка в вузе на договорной (платной) основе.

Демографическая ситуация в Новгородской области не способствует росту числа абитуриентов в среднесрочной и долгосрочной перспективе. На протяжении последнего десятилетия число рожденных детей планомерно снижается: с 7203 детей в 2010 г. до 6261 ребенка в 2017 г.¹ Обозначенную тенденцию подтверждают и данные о численности населения Новгородской области в возрасте 16–19 лет, приведенные в табл. 1².

Таблица 1

Данные о численности населения Новгородской области в возрасте 16–19 лет, на начало года, чел.

Год	2001	2006	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Численность	42 748	43 484	24 125	22 242	21 470	20 990	19 991	19 719	22 285

По сравнению с 2001 г. численность населения в возрасте 16–19 лет сократилась на 52,1%. При этом современные коэффициенты рождаемости не позволяют прогнозировать благоприятную тенденцию в будущем. Ориентируясь на данные прогноза численности населения младше трудоспособного возраста (табл. 2)³, можно говорить о дальнейшем снижении численности абитуриентов НовГУ, рожденных на территории Новгородской области.

Таблица 2

Данные прогноза численности населения Новгородской области в возрасте младше трудоспособного, на начало года, чел.

Год	2020	2022	2024	2026	2028	2030	2032	2034	2036
Численность	107 279	106 256	104 339	101 471	98 061	93 554	89 118	86 176	84 724

¹ Данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новгородской области по адресу: <https://novgorodstat.gks.ru/population>

² Там же.

³ Там же.

Прогнозируемое развитие демографической ситуации в Новгородской области не способствует приросту числа абитуриентов на среднесрочную перспективу.

По данным Комитета по образованию администрации Новгородской области в 2018–2019 уч. г., численность выпускников 11-х классов школ и гимназий Великого Новгорода составила 1210 человек.

МАО МООД «Институт образовательного маркетинга и кадровых ресурсов» Великого Новгорода ежегодно проводит мониторинг предпочтений выпускников 11 классов города в сфере дальнейшего обучения⁴.

Ориентируясь на данные мониторинга последних лет (табл. 3), Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого вправе рассчитывать на 40–47% всех выпускников школ и гимназий города в качестве своих будущих абитуриентов. В 2019 г. этот показатель составит не более 570 человек, проживающих в Великом Новгороде.

Таблица 3

Данные мониторинга профориентационных предпочтений выпускников 11-х классов Великого Новгорода

Год	Планируют поступление в вуз, %	Из них в вуз			
		Великого Новгорода	Санкт-Петербурга	Москвы	других городов
2018	84,6	42,1	43,4	5,2	9,3
2017	85,5	43,9	44,6	5,7	5,8
2016	90,8	40,7	41,1	2,6	15,6
2015	94,1	46	36,4	2,6	15,0

По результатам исследования (табл. 4) 59,1% опрошенных выпускников 9-х классов Великого Новгорода в 2018 г. планируют поступление в 10-й класс, 6,8% опрошенных выпускников не определились с выбором дальнейшего жизненного пути, 34,1% опрошенных выбрали учреждения СПО. Популярность среднего профессионального образования постоянно увеличивается в последние годы.

⁴ Данные МАО МООД «Институт образовательного маркетинга и кадровых ресурсов» по адресу: http://iem.natm.ru/doc_downl.php

Таблица 4

Данные мониторинга профориентационных предпочтений выпускников 9-х классов Великого Новгорода, %

Предпочтение	Год			
	2015	2016	2017	2018
Поступление в 10-й класс	63,0	65,6	60,0	59,1
Поступление в учреждения СПО	31,6	28,3	32,1	34,1
Не определились	5,4	6,1	6,9	6,8

Проведенный анализ показал, что Новгородскому государственному университету имени Ярослава Мудрого следует принять меры по стимулированию заинтересованности выпускников школ и гимназий Великого Новгорода продолжить свое образование на территории региона.

Анализ реальных денежных доходов населения Новгородской области (табл. 5) также не прогнозирует рост числа абитуриентов на платной основе обучения.

Таблица 5

Реальные денежные доходы населения Новгородской области (в % к предыдущему году)

Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Реальные денежные доходы	101,9	107,9	100,4	109,8	101,8	102,2	94,0	91,2	96,7	92,1

Проведенный анализ емкости рынка образовательных услуг Великого Новгорода не выявил факторы, способствующие увеличению данного показателя в среднесрочной перспективе. Чтобы обеспечить достаточный набор абитуриентов, образовательному учреждению следует принимать меры по повышению своей конкурентоспособности, разрабатывать свою уникальную стратегию и траекторию развития [Стародубцева 2011].

Ретроспективный анализ

В 2019–2020 уч. г. ИЭУП ведет прием абитуриентов по семи направлениям подготовки, на четыре из которых осуществляется прием полностью на договорной основе обучения.

За последние 10 лет число мест, финансируемых за счет средств федерального бюджета, по очной форме обучения по направлениям подготовки укрупненной группы «Экономика и управление» снизилось более чем в 3 раза (рис. 1).

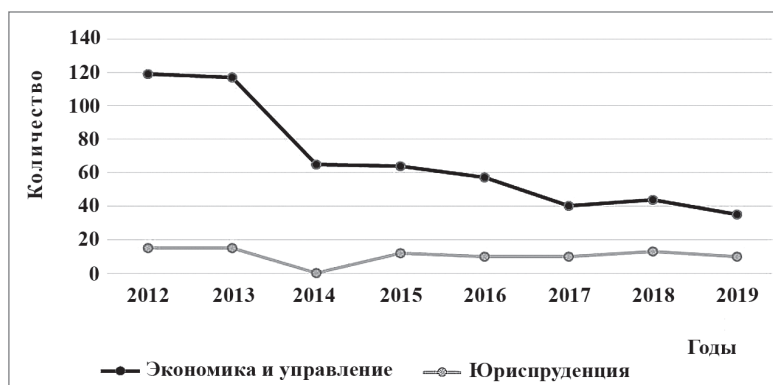

Рис. 1. Количество мест приема, финансируемых за счет ассигнований бюджета

Аналогичная ситуация прослеживается и в магистратуре (рис. 2).

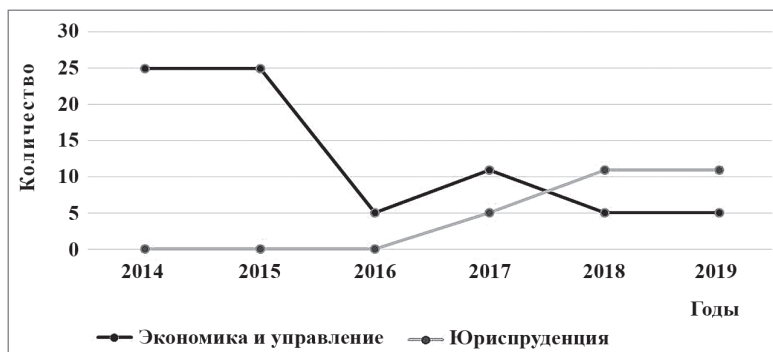

Рис. 2. Количество мест приема в магистратуру ИЭУП, финансируемых за счет ассигнований бюджета

Сокращение числа бюджетных мест, уменьшение емкости рынка образовательных услуг Великого Новгорода, а также снижение реальных доходов населения частично находят свое отражение и в количестве поданных заявлений на направления подготовки ИЭУП (табл. 6).

Таблица 6

Количество поданных заявлений от абитуриентов на места, финансируемые из ассигнований государственного бюджета, на очную форму обучения

Год	Направление подготовки		
	экономика	менеджмент	юриспруденция
2015	296	412	221
2016	238	305	191
2017	219	287	193
2018	210	264	179
2018/2015	70,9%	64,1%	80,9%

На места по договорной основе обучения конкурс снижается стремительнее. За анализируемые четыре года число желающих обучаться платно на очной форме обучения сократилось почти в два раза практически по всем направлениям подготовки ИЭУП (табл. 7).

Таблица 7

Количество поданных заявлений от абитуриентов на места на договорной основе (платно) на очную форму обучения

Год	Направление подготовки				
	Экономика	Менеджмент	Государственное и муниципальное управление	Управление персоналом	Юриспруденция
2015	147	163	59	–	126
2016	126	152	42	42	131
2017	99	135	37	42	118
2018	81	99	31	25	95
2018/2015	55,1%	60,7%	52,5%	59,5% (к 2016)	75,4%

Так как в среднесрочной перспективе основной акцент в образовательной деятельности ИЭУП делается именно на договорную основу обучения, то необходимо обеспечить конкурентоспособность ИЭУП на рынке образовательных услуг.

Анализ конкурентов

Прямыми конкурентами ИЭУП можно признать:

- Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Новгородский филиал);
- Псковский государственный университет.

Это определяется близким территориальным расположением вузов, однотипными направлениями и профилями подготовки, стоимостью платных образовательных услуг одной ценовой категории [Екшикеев 2009b].

Косвенными конкурентами – высшие учебные заведения Санкт-Петербурга.

Анализ стоимости платных образовательных услуг показал, что ИЭУП НовГУ является «лидером» по данному показателю среди вузов – прямых конкурентов (табл. 8).

Стоимость обучения по очной форме в ИЭУП НовГУ имени Ярослава Мудрого выше, нежели в двух других анализируемых высших учебных заведениях. Это объясняется наличием системы снижения стоимости платных образовательных услуг для отдельных категорий абитуриентов у прямых конкурентов.

Представленная стоимость обучения в вузах Санкт-Петербурга выше (табл. 9). Поэтому те абитуриенты, семьи которых располагают возможностью учить детей платно в Санкт-Петербурге, выбирают вузы Северной столицы (по результатам мониторинга это не менее 35% всех выпускников 11-х классов Великого Новгорода).

Чтобы быть конкурентоспособным на рынке платных образовательных услуг и привлекать большее число абитуриентов, ИЭУП необходимо выстроить эффективную и гибкую систему формирования стоимости обучения.

Таблица 8

Сравнительная характеристика стоимости обучения на 1-м курсе бакалавриата по очной форме за 2018/19 уч. г.

Направление подготовки	Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Институт экономики, управления и права		Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Новгородский филиал)		Псковский государственный университет	
	План приема бюджет/платно	Стоимость обучения на 1-м курсе, руб. в год	План приема бюджет/платно	Стоимость обучения на 1-м курсе, руб. в год	План приема бюджет/платно	Стоимость обучения на 1-м курсе, руб. в год
Экономика	16/15	111 000	-/20	79 000	4/40	89 000*
Менеджмент	19/15	111 000	-	-	3/25	89 000*
Управление персоналом	-/10	111 000	15/15	121 780 (97 424 с учетом скидки**)	-	-
Государственное и муниципальное управление	-/10	111 000	10/20	121 780 (97 424 с учетом скидки**)	3/25	89 000*
Юриспруденция	10/30	125 000	-	-	10/60	96 000

* Стоимость приведена без учета скидок. Снижение стоимости платных образовательных услуг для студентов на 1-м курсе обучения рассчитывается в соответствии с результатами вступительных испытаний абитуриента.

** Снижение стоимости платных образовательных услуг на 20% выполнялось для абитуриентов, имеющих средний бал по ЕГЭ 47 баллов и выше.

Таблица 9

Сравнительная характеристика стоимости обучения на 1-м курсе бакалавриата по очной форме за 2018/19 уч. г.

Направление подготовки	Санкт-Петербургский государственный экономический университет	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Экономика	198 000	168 000
Менеджмент	198 000	168 000
Управление персоналом	188 000	168 000
Государственное и муниципальное управление	188 000	168 000
Юриспруденция	198 000	168 000

Меры обеспечения конкурентоспособности

Для обеспечения конкурентоспособности вуза на рынке образовательных услуг региона и СЗФО предприняты следующие меры:

1. Разработан гибкий подход к формированию стоимости образовательных услуг для отдельных категорий абитуриентов. Потенциальный студент вуза может рассчитывать на снижение данного показателя, если он:

- а) демонстрирует хорошие знания по предметам в ходе вступительных испытаний;
- б) проживает в сельской местности, а следовательно, имеет более низкие реальные доходы семьи, нежели жители городов;
- в) является призером или победителем регионального этапа всероссийских олимпиад школьников.
- г) решил продолжить свое обучение в НовГУ имени Ярослава Мудрого.

2. С сентября 2019 г. Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого перешел на новую модель образования. Студенту кроме изучения базовых дисциплин образовательного плана предлагается функционировать в проектной логике. Данная проектно-ориентированная модель позволит сформировать у будущего выпускника Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого ряд уникальных компетенций, таких как: критическое и творческое мышление, решение нестандартных задач, умение и практические навыки работы в команде, хорошая адаптация к быстро изменяющимся внешним условиям среды и др. Это позволит ему в будущем стать более конкурентоспособным на рынке труда.

Заключение

Региональный рынок труда диктует свои условия для учебных заведений по уровню подготовки выпускников. Несбалансированность спроса и предложения на рынке труда Российской Федерации ведет сегодня к увеличению внутренней миграции [Архипова, Назайкинский, Седова 2016]. Часто специалисты способны подобрать удовлетворяющее всем их требованиям место трудоустройства лишь в соседнем регионе. Данная тенденция актуальна и для Новгородской области. С увеличением инвестиционного потока в регион, с ростом темпов промышленного производства неизбежно возникает потребность в дополнительных высококвалифицированных кадрах, подготовку которых Новгородский государственный университет должен начать уже сегодня.

Обеспечение конкурентоспособности в современных экономических условиях должно стать приоритетной целью для любого вуза. Выбор корректной стратегии управления конкурентоспособностью высшего учебного заведения – это одна из основных задач в компетенциях руководства [Антонов, Иванова, Тумин 2012]. Трансформация образовательного процесса в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого, введение принципов проектной логики, гибкие маркетинговые предложения для абитуриентов, желающих обучаться на договорной основе – все это наряду с предоставлением качественных образовательных услуг может послужить базисом для высокого уровня его конкурентоспособности на рынке и стать «фундаментом» для дальнейшего эффективного функционирования и устойчивого развития [Баталова 2010].

Литература

- Антонов, Иванова, Тумин 2012 – Антонов Г.Д., Иванова О.П., Тумин В.М. Управление конкурентоспособностью организации. М.: Инфра-М, 2012. 300 с.
- Архипова, Назайкинский, Седова 2016 – Архипова Н.И., Назайкинский С.В., Седова О.Л. Влияние рынка труда на трансформацию управления персоналом в современных условиях // Вестник ВГУ. Серия «Экономика и управление». 2016. № 4. С. 72–76.
- Архипова, Седова 2016 – Архипова Н.И., Седова О.Л. Управление персоналом в контексте внедрения профессиональных стандартов // Вестник МГУУ. 2016. № 4. С. 6–11.
- Баталова 2010 – Баталова О.С. Конкурентоспособность вуза на рынке образовательных услуг // Молодой ученый. 2010. № 10. С. 53–59.

- Ерзнкян, Иванова 2019 – *Ерзнкян Б.А., Иванова О.П.* Новгородская область: возможности и результаты реагирования на стратегические риски и вызовы развития // *Инновации и инвестиции*. 2019. № 8. С. 197–204.
- Екшикеев 2009а – *Екшикеев Т.К.* Конкурентоспособность и конкурентные преимущества вуза // *Проблемы современной экономики*. 2009. № 4. С. 392–395.
- Екшикеев 2009б – *Екшикеев Т.К.* Стейкхолдеры рынка образовательных услуг // *Сибирский торгово-экономический журнал*. 2009. № 9. С. 106–109.
- Корчагова 2019 – *Корчагова Л.А.* Анализ продвижения вузов в социальных сетях // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2019. № 1. С. 31–43.
- Сагинова, Кондратьева, Искандарян, Шипунова 2019 – *Сагинова О.В., Кондратьева А.А., Искандарян Р.А., Шипунова Т.С.* Показатели конкурентоспособности в программах развития вузов // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2019. № 1. С. 44–55.
- Стародубцева 2011 – *Стародубцева Е.Л.* От понятия «конкурентоспособность организации» к понятию «конкурентоспособность вуза» // *Вестник инновационного евразийского университета*. 2011. № 2. С. 84–85.

References

- Antonov, G.D., Ivanova, O.P. and Tumin, V.N. (2012), *Upravlenie konkurentosposobnost'yu organizatsii* [Organization competitiveness management], INFRA-M, Moscow, Russia
- Arkipova, N.I., Nazaikinskii, S.V. and Sedova, O.L. (2016), “The impact of the labor market on the transformation of personnel management in modern conditions”, *Vestnik VGU. Seriya “Ekonomika i upravlenie”*, no. 4, pp. 72-76.
- Arkipova, N.I. and Sedova, O.L. (2016), “HR management in the context of the implementation of professional standards”, *Vestnik MGUU*, no. 4, pp. 6-11.
- Batalova, O.S. (2010), “University competitiveness in the educational services market”, *Molodoi uchenyi*, no. 10, pp. 53-59.
- Erznkyan, B.A. and Ivanova, O.P. (2019), “Novgorod region: opportunities and results of response to strategic risks and development challenges”, *Innovation & Investment*, no. 8, pp. 197-204.
- Ekshikeev, T.K. (2009a), “Competitiveness and competitive advantages of the university”, *Problemy sovremennoi ekonomiki*, no. 4, pp. 392-395.
- Ekshikeev, T.K. (2009b), “Educational Market Stakeholders”, *Sibirskii torгово-ekonomicheskii zhurnal*, no. 9, pp. 106-109.
- Korchagova, L.A. (2019), “An analysis of the universities promotion in social networks”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law”*, no. 1, pp. 31-43.
- Saginova, O.V., Kondratieva, A.A., Iskandaryan, R.A. and Shipunova, T.S., (2019), “Competitiveness indicators in the university development programs”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 1, pp. 44-55.
- Starodubceva, E.L. (2011), “From the concept of ‘competitiveness of an organization’ to the concept of ‘competitiveness of a university’”, *Vestnic innovatsionogo evraziiskogo universiteta*, no. 2, pp. 84-85.

Информация об авторах

Анастасия С. Зарецкая, кандидат экономических наук, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; 173000, Россия, Великий Новгород, Большая Санкт-Петербургская, д. 41; Anastasiya.Zaretskaya@novsu.ru

Ольга П. Иванова, доктор экономических наук, профессор, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; 173000, Россия, Великий Новгород, Большая Санкт-Петербургская, д. 41; prof-ivanova@mail.ru

Михаил М. Козырев, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; 173000, Россия, Великий Новгород, Большая Санкт-Петербургская, д. 41; Mikhail.Kozirev@novsu.ru

Information about the authors

Anastasiya S. Zaretskaya, Cand. of Sci. (Economics), Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Novgorod the Great, Russia; bld. 41, Bol'shaya Sankt-Peterburgskaya Street, Novgorod the Great, Russia, 173000; Anastasiya.Zaretskaya@novsu.ru

Olga P. Ivanova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Novgorod the Great, Russia; bld. 41, Bol'shaya Sankt-Peterburgskaya Street, Novgorod the Great, Russia, 173000; prof-ivanova@mail.ru

Michail M. Kozyrev, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Novgorod the Great, Russia; bld. 41, Bol'shaya Sankt-Peterburgskaya Street, Novgorod the Great, Russia, 173000; Mikhail.Kozirev@novsu.ru

Особенности использования клиентоориентированного подхода в управлении современными музеями

Олег Ю. Артемов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, upr-kafedra@yandex.ru*

Станислав А. Овчинников

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, upr-kafedra@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию организации деятельности современных музеев с учетом новых подходов в менеджменте и маркетинге, способствующих активизации их отношений с клиентами, а также другими контактными аудиториями на долгосрочной и взаимовыгодной основе. Авторы особо подчеркивают, что клиентоориентированность – это не просто слова, а соответствующая архитектура отношений, направленных на создание реальной, а не какой-то абстрактной потребительской ценности. Ее целью является отношение к клиенту как к целостному человеческому существу, обладающему телом, разумом, эмоциями и душой. Такая трактовка в новых условиях предполагает ориентацию на пожизненную ценность потребителя и долгосрочную работу с ним, состоящую из последовательных этапов – привлечения, удержания и формирования приверженности, в результате чего отношения должны приобрести более устойчивый и стабильный характер. В статье доказывается, что конечная задача приверженности предполагает не только регулярное использование продукта или услуги, но, прежде всего, эмоциональную лояльность, когда приверженные клиенты становятся по собственной воле промоутерами различных «полюбившихся» им рыночных брендов. В этой связи авторы дают собственную, оригинальную трактовку термина «маркетинг менеджмента музея», под которым понимается процесс управления учреждением культуры, направленный на создание и донесение ценностей материального и нематериального наследия человечества и окружающей среды с целью удовлетворения духовных, эстетических, образовательных и иных потребностей посетителей, различного рода стейкхолдеров и общества в целом. Практическая значимость статьи состоит в том, что предлагаются базовые критерии отнесения музея к клиентоориентированной организации, среди которых: ориентация в качестве главной стратегической

цели на долгосрочные и устойчивые отношения с клиентами; выявление мотивации целевых аудиторий к взаимодействию на основе анализа их реальных и потенциальных потребностей; обучение сотрудников музея технологиям и приемам маркетинга взаимодействия; современный регулярно обновляющийся сайт; развитие коммуникаций в масс-медиа; активизация работы в социальных сетях; поддержка движения волонтеров и других инициативных сообществ, пропагандирующих национальное и мировое культурное наследие; сотрудничество с другими музеями, выставочными центрами, профильными учебными заведениями; фандрайзинг; создание доступной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья; систематическое стимулирование лояльности клиентов; комфортность физического пространства музея; расширение перечня дополнительных услуг; формирование «фирменного» стиля; организация работы с обратной связью, включающей анализ причин неудовлетворенности посетителей и принятие соответствующих корректирующих управленческих решений.

Ключевые слова: бренд, взаимовыгодный диалог, клиентоориентированность, клиентоцентричная организация, культурное наследие, маркетинг менеджмента, маркетинг сотрудничества, музейный продукт, потребительский опыт, спонсорство, фандрайзинг, экономика впечатлений

Для цитирования: Артемов О.Ю., Овчинников С.А. Особенности использования клиентоориентированного подхода в управлении современными музеями // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 36–51. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-36-51

Features of the client-oriented approach in the management of modern museums

Oleg Yu. Artemov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
upr-kafedra @yandex.ru*

Stanislav A. Ovchinnikov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
upr-kafedra @yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the organization of modern museums, with regard to new approaches in the management and marketing, contributing to the activation of their relations with customers and other contact audiences on a long-term and mutually beneficial basis. The authors emphasize that customer focus is not just words, but the relevant architecture of relations aimed at creating an actual and not an abstract consumer value. Its purpose is to treat the customer as a complete human being with the body, mind, emotions and soul. Such interpretation in new conditions assumes orientation to lifelong value of the consumer and long-term work with him consisting of consecutive stages – the attraction, retention and formation of commitment therefore the

relations have to get more steady and stable character. The article proves that the ultimate goal of commitment involves not only regular use of a product or service, but, above all, emotional loyalty, when committed customers become promoters of various “favorite” market brands of their own free will. In this regard, the authors give their own, original interpretation of the term “marketing of the museum management”, which refers to the management process of the cultural institution aimed at creating and communicating the values of the material and intangible heritage of mankind and the environment in order to meet the spiritual, aesthetic, educational and other needs of visitors, various stakeholders and society as a whole. The practical significance of the article lies in the fact that it offers basic criteria of the museum as a customer-oriented organization, including: an orientation as a key strategic goal for the long-term and sustainable relationships with clients; identifying the motivations of target audiences for cooperation on the basis of their real and potential needs; training of the museum staff for the technology and marketing methods of interaction; modern, regularly updated website; communication in media; intensification of work in social networks; support of the movement of volunteers and other initiative communities promoting the national and world cultural heritage; cooperation with other museums, exhibition centers, specialized educational institutions; fundraising; creation of an accessible environment for persons with disabilities; systematic stimulation of customer loyalty; comfort of the physical space of the museum; expansion of the list of additional services; formation of corporate style; organization of work with feedback, including the analysis of causes of dissatisfaction of visitors and the adoption of appropriate corrective management decisions.

Keywords: brand, co-paying dialogue, client orientation, client-centering organization, cultural legacy, marketing management, co-operate marketing, museum product, consumer's experience, sponsoring, fundraising, economics of impressions

For citation: Artemov, O.Yu. and Ovchinnikov, S.A. “Features of the client-oriented approach in the management of modern museums”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 4, pp. 36-51, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-36-51

Почти каждая организация сегодня заявляет об ориентации на клиента в том или ином формате, но это, как показывает практика, весьма часто не соответствует действительности. Клиентоориентированность – это не просто слова, а соответствующая архитектура отношений, направленных на создание реальной, а не какой-то абстрактной потребительской ценности.

Первый шаг к клиентоцентричной компании состоит в формировании адекватной корпоративной культуры, транслирующей нормы и убеждения, которые неукоснительно поддерживаются

в поведении каждого ее сотрудника, работающего с теми или иными контактными аудиториями. Необходимы и самые серьезные преобразования в организационной структуре, подразумевающие планирование и разработку бизнес-процессов, нацеленных на удовлетворение рыночных потребностей, имеющих сегодня явно выраженный приоритет в сравнении с внутренней жизнью предприятия. При таком подходе его менеджерскому корпусу следует формировать ценности посредством горизонтальных технологий, когда объектом управления становятся не подразделения, а составляющие процесса: входы, цели, этапы и результаты. Для этого организациям требуется кардинально изменить ключевые моменты работы со своими целевыми потребителями, перейдя с принципа вертикального управления («на руководителя») на горизонтальное («на клиента»), что позволит добиться гармоничности и прозрачности в выстраиваемых между ними отношениях.

Филипп Котлер, пожалуй, самый известный сегодня американский специалист в области маркетинга и автор весьма популярной на Западе интегрированной концепции «маркетинг менеджмента», советует относиться к клиенту как «к целостному человеческому существу, обладающему телом, разумом, эмоциями и душой» [Котлер, Картаджайя, Сетиаван 2012, с. 59]. Такая оригинальная трактовка предполагает ориентацию на пожизненную ценность потребителя и долгосрочную работу с ним, состоящую из последовательных этапов – привлечения, удержания и формирования приверженности, в результате чего отношения должны приобрести более устойчивый и стабильный характер. Конечная цель приверженности предполагает не только регулярное использование продукта или услуги компании, но, прежде всего, эмоциональную лояльность, когда приверженные клиенты становятся по собственной воле промоутерами различных «полюбившихся» им рыночных брендов.

Потребителю необходимо разобраться, в чем именно заключается получаемая им ценность. Под ней, как правило, понимается разность между тем, что он приобретает, и тем, что отдает. В традиционной экономике ценность в первую очередь является осязаемой выгодой, которую можно измерить количественно. Сегодня впечатления также представляют существенный, но еще недостаточно хорошо изученный вид экономического предложения. Однако уже понятно, что они открывают перед организациями большие возможности для дальнейшего роста.

В этой связи Дж.Б. Пайн II и Дж.Х. Гилмор предложили новый термин – «экономика впечатлений», описав ее как следующий этап в ряду последовательно сменявших в истории человечества свою удельную значимость аграрного, промышленного и сервисно-

го секторов. По мнению ученых, в фокусе экономики впечатлений должен находиться уникальный потребительский опыт, управление которым основывается на его понимании, измерении и улучшении в каждой точке контакта, где организация соприкасается с клиентом: ситуации, предметы, интерфейсы. В ней последнему требуется ощущать заботу и комфорт, а также по возможности удивляться эксклюзивным решениям со стороны обслуживающей его компании. Вот почему в новой реальности организациям рекомендуется все больше переходить от агрессивной стратегии вталкивания к более мягкой стратегии втягивания. Ведь люди, как пишут Дж. Пайн II и Дж. Гилмор, «сами определяют, что им необходимо, и как они хотят получать информацию, а коммуникации должны наводить их на соответствующие ассоциации рыночных брендов с конкретными предметами, местами, событиями, впечатлениями и чувствами» [Пайн, Гилмор 2018, с. 195].

В 1990-е гг. стала развиваться еще одна интересная концепция «маркетинга совместного творчества», переставшая рассматривать потребителей как пассивных получателей ценности. М.С. Кришман, К.К. Прахалад и В. Рамасвами, индийские независимые консультанты в области менеджмента и стратегического планирования, определяют данное явление как процесс взаимодействия организации и клиентов, в ходе которого происходит обмен знаниями и ресурсами с целью создания дополнительных взаимовыгодных преимуществ [Кришман, Прахалд 2012, с. 27].

Переходя к социально-культурной сфере, следует отметить, что и она также становится принципиально иным смыслообразующим институтом, идущим на смену эпохе потребления и выступающим агентом новых изменений, связанных с экономической и духовной жизнью современного общества. Данная сфера и рынок тесно переплетаются друг с другом, несмотря на то что постоянно стремятся друг от друга оттолкнуться. Их взаимоотношения можно описать как диалектическое единство противоположностей, как оппозицию, полюса которой в действительности образуют единый предмет [Чистякова, Овчинников 2018].

К сожалению, в нашей стране социально-культурную сферу долгое время не пытались рассматривать в контексте рынка, даже в условиях перехода к нему в конце XX – начале XXI в. Между тем в бизнесе и культуре можно выделить общие качества – социальную природу, направленность на удовлетворение важных потребностей человека, инициативность, высокую степень рисков, стремление к самовыражению и самореализации. Ключевое же различие заключается в стратегическом целеполагании, поскольку указанные выше сферы ориентируются на разные ценности и

потребности: бизнес – на материальные, прагматические, а культура – на духовные, социальные. Иначе – неявные экономические выгоды, поскольку сам факт существования культурных институций направлен на преумножение человеческого капитала, создание платформы для личностного, морального, духовного развития как отдельного человека, так и всего общества, формирование у людей ответственной гражданской позиции, снижение уровня социальной напряженности и преступности, решение других глобальных вызовов [Архипова, Гуриева 2019].

Следовательно, синергия экономики и культуры представляет собой следующий этап,двигающий человечество вперед. В связи с этим Союз музеев России разработал и опубликовал в ноябре 2018 г. проект «Стратегии развития деятельности музеев в Российской Федерации на период до 2030 года»¹, учитывающий глобальные и отраслевые тенденции, в том числе: развитие экономики, основанной на творчестве и интеллектуальном капитале; расширение социокультурных функций музеев, способствующих развитию регионов; внедрение цифровых технологий, пришедших на смену традиционным информационно-коммуникативным и позволяющих значительно активизировать глобальный межкультурный диалог; увеличение интереса в мире к культурно-познавательному туризму; широкую популяризацию национального культурного наследия и пр.

Согласно Федеральному закону от 26.05.1996 № 54 (ред. от 03.07.2016) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», музей – это «некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций»².

Вместе с тем Международный совет музеев (*International Council of Museums*) дает более полное определение данному термину, трактуя его как «действующую на постоянной основе некоммерческую организацию, которая служит обществу, заботится о его развитии, выступает открытой для публики, в целях обучения и развлечения собирает, хранит, изучает, демонстрирует и популя-

---

¹ О Стратегии развития деятельности музеев в Российской Федерации на период до 2030 года (Проект Союза музеев России от 14.11.2018) [Электронный ресурс]. URL: https://www.mkrf.ru/about/departments/departament_kulturnogo_naslediya/news/o-strategii-razvitiya-deyatelnosti-muzeev-v-rossiyskoj-federatsii-na-period-do-2030-goda/ (дата обращения 19 авг. 2019).

² Федеральный Закон от 26.05.1996 № 54 (в ред. от 03.07.2016) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // Информационно-поисковая система «КонсультантПлюс».

ризирует материальное и нематериальное наследие человечества и окружающей среды»³.

Еще в конце XX в. Розалинда Краусс, крупнейший американский аналитик современного искусства, писала, что музеи в своем развитии будут опираться на опыт коммерческих организаций формата «Диснейленда» [Краусс 2007]. Метафора «башня из слоновой кости» хорошо отражает музейную суть до их интеграции в мировую экономику. Влияние рынка при недостаточном щедром государственном финансировании все больше подталкивает к зарождению коммерциализации в данной сфере. Среди них, к примеру, социальный маркетинг, или маркетинг культуры, являющийся для коммерческих организаций инструментом извлечения большей прибыли, а некоммерческих – достижения социальных эффектов. Хотя в соответствии с законодательством музей также наделен правом ведения предпринимательской деятельности, но при условии, что полученная прибыль будет направлена только на его развитие и не иначе. Таким образом, музейный маркетинг необходимо рассматривать как самостоятельное понятие ввиду сложности структуры создаваемого им продукта – впечатлений, остающихся у посетителей, которые появляются в контексте здания музея, его архитектуры и интерьера, хранящимся в нем фондам и выставочным коллекциям, инструментам интерпретации (экспликациям, этикеткам, каталогам, навигации), программам, экскурсиям и прочим дополнительным услугам.

В этой связи представляется полезным дать авторскую трактовку термина «маркетинг менеджмента музея», под которым мы будем понимать процесс управления данным учреждением культуры, направленный на создание и донесение ценностей материального и нематериального наследия человечества и окружающей среды с целью удовлетворения духовных, эстетических, образовательных и иных потребностей посетителей, различного рода стейкхолдеров и общества в целом.

Как уже было отмечено выше, музейный маркетинг менеджмента сочетает в себе несколько видов маркетинга – некоммерческого, услуг, взаимоотношений, территории. Так, к примеру, социальный эффект некоммерческого маркетинга может выражаться в повышении образовательного уровня посетителей, их ориентации на самопознание, творчество, личную свободу; в создании зон активного общения; в формировании положительной мотивации познания искусства. Маркетинг услуг отвечает за выгодную рыночную позицию музея и продвижение его услуг с помощью вовлечения посетителя в

---

³ Этический кодекс ИКОМ для музеев, ICOM, 2013. URL: https://icom.museum/wp-content/uploads/2018/07/code_russia2013-1.pdf (дата обращения 20 авг. 2019).

процессы их оказания. Маркетинг взаимоотношений позволяет выстраивать процессы выявления и создания совместно с клиентами новых ценностей, получать и распределять выгоды от этой деятельности между ключевыми заинтересованными сторонами (стейкхолдерами) – спонсорами, попечителями, фондами, партнерами, посетителями, сотрудниками, экспертным сообществом, государством.

Музеи сегодня во многом используют и инструменты территориального маркетинга, поскольку в полной мере участвуют в городском развитии. Образ современного мегаполиса формируется совместными усилиями урбанистов, историков, краеведов, археологов, дизайнеров, социологов, экономистов, кураторов, да и просто всех заинтересованных в этом горожан. Благоустройство улиц, набережных, площадей, наполнение их пешеходами, велосипедистами и формирование необходимой инфраструктуры – все это, к примеру, подтолкнуло к созданию в Москве так называемой «музейной мили» – проекта, объединяющего пешеходным маршрутом несколько объектов культуры: Третьяковскую галерею, Государственный музей изящных искусств им. А.С. Пушкина, музей современного искусства «Гараж» и фонд “V-A-C”, который занимается новым культурным производством с художниками и публикой. Подобные маршруты, как нам кажется, позволят сконструировать новые городские конфигурации со своей неповторимой идентичностью, которые впоследствии могут стать самостоятельными национальными и международными брендами.

Не стоит забывать и о том, что в системе маркетинг менеджмента музеев основополагающее значение имеет среда, которая образуется из совокупности факторов на макро- и микроуровнях. Первый определяет вектор развития сферы культуры в целом и состоит из политических, правовых, экономических, технологических, социально-демографических, этнических, природных и других факторов, а второй предполагает поддержание и развитие связей с различными контактными аудиториями, с которыми непосредственно взаимодействует то или иное учреждение культуры.

При этом важное место в микросреде музея занимают его конкуренты, с которыми он соперничает не только за посетителей, но за спонсоров и государственное финансирование. По классификации Ф. Котлера, первый тип конкурентов – различные виды домашнего досуга (Интернет, просмотр телевидения, чтение, отдых с друзьями и т. д.). Второй тип – активный отдых, включающий посещение ресторанов, торговых центров, тематических парков, кинотеатров, спортивных мероприятий, прогулки на природе. Третий тип – культурные и образовательные мероприятия, организованные не на базе музеев. Четвертый тип – другие музеи [Kotler 2009].

Алена Агапиева, руководитель отдела по связям с общественностью Третьяковской галереи, подчеркивает значение третьего типа конкурентов, объясняя это тем, что «музеи не конкурируют между собой за уже лояльную аудиторию. К примеру, для Третьяковки в конкурентной борьбе важнее перенять редкого гостя, который приходит на выставку Репина раз в год»⁴.

В музейном деле все чаще склоняются к партнерству, а не конкурентным формам классического рынка. Поскольку сегодня существует тяга к регулярному потреблению культурного продукта, то появляются механизмы, которые все более действенно передают посетителя от музея к музею. Известно, что культурное потребление основывается на длительном привыкании, а следовательно, с помощью контактов подобного рода можно не только выработать, но и закрепить его у целевой аудитории в качестве регулярной привычки.

Еще одна проблема – это ограниченность источников финансирования. Ведь полагаться только на бюджетные средства или доход от входных билетов – ненадежно и недальновидно. Выходом из данного сложного положения, на наш взгляд, должен стать фандрайзинг (от англ. *fund* – денежные средства и *raise* – добывать), появившийся в зарубежной практике с начала 1980-х гг. и означающий комплекс работ по привлечению финансовых средств для реализации некоммерческих проектов. Инициатива здесь принадлежит государству, которое напрямую поддерживая фандрайзинг, создает для его развития благоприятные правовой и налоговый режимы, стимулирующие перераспределение ресурсов в социально-культурную сферу. Россия также заимствует опыт других стран в создании внебюджетной поддержки музеев. У нас активно проводятся специальные правительственные, региональные и муниципальные программы, объявляются конкурсы на получение грантов, в том числе президентских.

Наиболее активная форма – это спонсорство, предполагающее коммерческую сделку между бизнесом и учреждением культуры, в котором задача музея состоит в выявлении интересов потенциального инвестора и использовании их в своих целях. А раз так, то поиск бизнес-партнеров не может происходить случайным образом. Традиционный менеджмент в таких случаях настоятельно рекомендует организовывать соответствующие службы, профессионально занимающиеся решением данного вопроса.

Анастасия Елаева, руководитель направления креативных партнерств международного PR-агентства “Grayling”, выделяет ряд трендов, определяющих партнерства музеев с брендами:

---

⁴ Агапиева А. О «стыдливом» маркетинге [Электронный ресурс] // Телеграм-канал «Маркетинг культуры», 2018. URL: <http://marketingofculture.art/tretyakovka> (дата обращения 23 июня 2019).

- *креативность*, поскольку учреждения культуры в последнее время проявляют все больше творческих подходов к работе с заинтересованными сторонами;
- *вовлеченность*, когда возрастают ожидания со стороны брендов относительно результатов сотрудничества, обратной связи и возврата инвестиций;
- *разнообразие*, предполагающее создание партнерств вокруг различных программ, а не только в организации выставок и представлении коллекций;
- *возможности*, позволяющие музеям расширять перечень своих услуг за счет активного использования стратегий дифференцирования и диверсификации;
- *интеграция*, ведущая к тому, что учреждения культуры ищут способы соединения своего и продукта партнера на территории музея, хотя ранее максимально этого избегали;
- *конкуренция*, свидетельствующая о том, что в новой экономике впечатлений музейный сектор также должен активно соперничать с другими способами проведения досуга;
- *ценность*, означающая, что партнерство с музеями эффективно не только для усиления рыночных брендов, оно также помогает компаниям в организации внутренних бизнес-процессов, взаимодействии с собственными сотрудниками и реализации программ корпоративной социальной ответственности [Elaeva 2019].

Преимущества партнерств в сфере культуры для обеих сторон отражены в таблице ниже.

Преимущества партнерств в сфере культуры

Музеи	Бренды
Финансовая стабильность	Социальная ответственность – вклад в развитие местного сообщества
Вовлечение новой аудитории	Положительный эффект ассоциации на репутацию
Взаимодействие с сообществом	Тестирование технологий и демонстрация продукта
Реализация социально-культурной миссии	Взаимодействие с внешними стейкхолдерами – потребителями, партнерами, представителями власти
Обмен навыками в области технологий, ритейла, бизнеса, создания впечатлений	Внутренние коммуникации

Следовательно, партнерство музейного сектора и бизнеса ведет к взаимовыгодному обмену различными ценностями, которые имеются у каждой из сторон. Согласно исследованию Rotterdam School of Management, проведенному в 2017 г., музеям доверяют больше, чем корпорациям: средний репутационный индекс музеев – 79, а у компаний 64,⁵. Вот почему коммерческим структурам становится не только модным, но и выгодным сотрудничество с креативными институциями для повышения собственной репутации.

Важную роль в современном музейном менеджменте имеет и комплекс маркетинга, который применительно к данной сфере имеет существенные особенности. Его классические компоненты (*product* – продукт, *price* – ценообразование, *place* – распределение и *promotion* – коммуникации) дополняются новыми (*personnel* – человеческие ресурсы, *processes* – бизнес-процессы и *physicalevidence* – материальная среда). Рассмотрим кратко содержание каждого из них.

Продукт. В маркетинговом смысле его можно назвать результатом всех направлений деятельности музея, направленных на обмен с целью создания социального эффекта, а также получение прибыли, служащей инструментом развития данной институции. Несмотря на неоднородность структуры, музейный продукт сохраняет свои важнейшие характеристики – качество, потребительскую ценность, конкурентоспособность, а в его «ядре», как мы уже неоднократно отмечали, находятся культурно-познавательный опыт и впечатления посетителя.

Ценообразование. Как известно, учреждениям культуры сложно в полной мере действовать в соответствии с рыночной ценовой политикой, поскольку люди должны иметь финансовую возможность для их посещения. В связи с этим цены чаще всего устанавливаются ниже рыночной стоимости услуги, что обуславливает острую необходимость в качественной маркетинговой деятельности для привлечения дополнительного дохода. Ценообразование формируется исходя из следующих аспектов: наличия или отсутствия входной платы, условий программ лояльности, сдачи свободных помещений в аренду под специальные мероприятия, фандрайзинга и т. д.

Распределение. Физическое распространение предполагает материальное и техническое обеспечение, т. е. все, что касается

---

⁵ Rotterdam School of Management [Электронный ресурс]. URL: <https://discovery.rsm.nl/articles/detail/297-what-businesses-can-learn-from-the-high-reputations-of-museums> / (дата обращения 22 апреля 2019).

покупки или заказа билетов, выбора помещений для передвижных выставок с учетом удобства для посетителей, открытия новых филиалов. Среди наиболее популярных каналов распределения – сайт музея, интернет-представительство его магазина, оцифрованные коллекции, мобильные приложения с аудиогидами и путеводителями, страницы в социальных сетях, интерактивные панели и т. п.

Рассмотрим в качестве подтверждения несколько наиболее ярких инициатив мировых музеев.

Проект “Open GLAM” (аббревиатура GLAM – от англ. слов *galleries, libraries, archives, museums*, означающих галереи, библиотеки, архивы и музеи), будучи частью глобального движения открытых данных, побудил многие музеи предоставить неограниченный доступ к своим архивам на основе цифровых технологий.

Одна из самых масштабных инициатив в области виртуальных туров – Google Art&Culture. Платформа предоставляет доступ к 32 тыс. произведений искусства из 46 музеев по всему миру.

Получил общественный резонанс проект музея искусств “Gallery One” в Кливленде. В 2019 г. там была открыта модернизированная выставка “Art Lens”, где центральным объектом стала сенсорная стена размером 12 м, демонстрирующая все доступные экспонаты – более 4 тыс. ед. Контент обновляется каждые 10 минут. Одновременно изучать коллекции, создавать свои собственные и сохранять понравившиеся могут до 20-ти пользователей. Подключение к панели осуществляется через Bluetooth.

Агентство ООН по борьбе с использованием мин с помощью iBeacon имитировало виртуальное минное поле для того, чтобы посетители хотя бы отдаленно могли почувствовать мощь данного вида оружия.

Как видим, зарубежный опыт в использовании digital-инструментов достаточно разнообразен, и российские институции постепенно начинают его перенимать. Например, платформа дополненной реальности «Артефакт», разработанная в Министерстве культуры Российской Федерации, позволяет сотрудникам национальных музеев самостоятельно создавать AR-гиды и виртуальные выставочные проекты, ничем не хуже иностранных аналогов.

Продвижение. Зачастую учреждения культуры воспринимают маркетинг только со стороны именно этого одного элемента. Однако следует напомнить, что продвижение является всего лишь составной всего комплекса инструментов по обработке рынка. Дж. Виссер, автор книги «Интегрированные медиа-стратегии для музеев. Музей будущего», разделил каналы музейной коммуникации на несколько категорий, дополняющих друг друга: новые и

традиционные медиа (сайт музея, социальные сети, виртуальные туры, приложения для гаджетов и др.), музейные мероприятия (образовательные программы, мастер-классы, экскурсии, спецпроекты) и коммуникации внутри музея (коллекции, дизайн выставок, пространство музея в целом, персонал) [Viser 2017].

Для того чтобы всеми этими инструментами эффективно управлять, предполагается использование медиа-модели “PESO”, которая основывается на четырех типах медиа-контента: *Paid* (проплаченные размещения), *Earned* (контент, заработанный с помощью классических PR-инструментов), *Shared* (общий контент) и *Owned* (собственный контент). В мировой практике также существуют две модели организации продвижения музейного продукта – французская и американская. Первая ориентируется непосредственно на посетителей и их стимулирование, а вторая – на поиск потенциальных спонсоров и выстраивание с ними взаимовыгодного диалога [Тульчинский, Шекова, 2016].

Персонал. Человеческие ресурсы – важное конкурентное преимущество музея, а их влияние на музейный продукт неопределимо, поскольку персонал неотделим от предоставляемых услуг. В музейной практике можно выделить несколько групп сотрудников: 1) непрерывно контактирующие с посетителями (экскурсоводы, смотрители, охранники); 2) периодически контактирующие (кураторы, сотрудники информационных центров); 3) влияющие (менеджеры по маркетингу, рекламе, стимулированию продаж, PR-деятельности) и 4) изолированные (научные исследователи, реставраторы). Воспринимаемое качество музейной услуги зависит от их квалификации и клиентоориентированности, в связи с чем рекомендуется по-новому настроить работу кадровых служб, переключив их внимание на обучение персонала приемам CRM (*Client Relationship Management*).

Процессы. Также обеспечивают качество посещения и включают: стандарты взаимодействия с постоянной аудиторией; процессы привлечения посетителей на специальные мероприятия; планы и программы работ с экспертным сообществом; обеспечение информационной открытости для медиа; регламенты взаимодействия со спонсорами и государственными органами.

Материальная среда. Именно она окружает посетителя во время его пребывания в музее и влияет на восприятие выставленных в нем экспонатов. Среда образуется зданием, прилегающими территориями, архитектурными и световыми решениями, спецификой презентации коллекций, дополнительными пространствами, включающими кафе, магазины, библиотеки, зоны отдыха и т. п.

Таким образом, подводя окончательные итоги, можно сформулировать базовые критерии отнесения музея к клиентоориентированной организации, среди которых, на наш взгляд, обязательно должны быть следующие: переход на прогрессивные концепции «маркетинг менеджмента» и «маркетинг сотрудничества»; отражение ценности потребительского опыта клиентов в своей миссии; ориентация в качестве главной стратегической цели на долгосрочные и устойчивые отношения с ними; исследования целевых аудиторий; выявление мотивации клиентов к взаимодействию на основе анализа их реальных и потенциальных потребностей; обучение сотрудников музея технологиям и приемам взаимодействия с ключевыми клиентами; более широкое использование в управленческой практике горизонтальных связей, благодаря переориентации классических иерархических структур в сторону проектных групп и матричных моделей; выделение лиц, отвечающих за фандрайзинг; цифровизация основной и обслуживающей деятельности; современный регулярно обновляющийся сайт; развитие коммуникаций в масс-медиа; активизация работы в социальных сетях; поддержка движения волонтеров и других инициативных сообществ, пропагандирующих национальное и мировое культурное наследие; сотрудничество с другими музеями, выставочными центрами, профильными учебными заведениями; открытие на собственной базе кружков и школ искусств; создание доступной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья; систематическое стимулирование лояльности клиентов; комфортность физического пространства музея; расширение перечня дополнительных услуг; формирование «фирменного» стиля; организация работы с обратной связью, включающей анализ причин неудовлетворенности посетителей и принятие соответствующих корректирующих управленческих решений.

Как представляется, если активно внедрять в управление российскими музеями клиентоориентированный подход и связанные с ним технологии маркетинг менеджмента, которые предполагают знание современных рыночных трендов, потребностей клиентов, ожиданий бизнес-структур и адекватное на них реагирование со стороны администрации и сотрудников данных учреждений, то можно добиться решения многих важных для современного общества задач, включающих объединение людей, развитие их духовного потенциала, повышение культурного уровня, приумножение этических ценностей, воспитание социальной ответственности как в личной, так и трудовой жизни.

Литература

- Архипова, Гуриева 2019 – *Архипова Н.И., Гуриева М.Т.* Предпосылки к развитию гуманистического маркетинга в современных условиях // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 1. С. 8–18.
- Котлер, Картаджайя, Сетиаван 2012 – *Котлер Ф., Картаджайя Х., Сетиаван А.* Маркетинг 3.0: от продуктов к потребителю и далее – к человеческой душе. М.: Эксмо, 2012. 240 с.
- Кришнан, Прахалд 2012 – *Кришнан М.С., Прахалд К.К.* Пространство бизнес-инноваций. Создание ценности совместно с потребителем. М.: Альпина Паблишер, 2012. 258 с.
- Пайн, Гилмор 2018 – *Пайн П. Дж.Б., Гилмор Дж.Х.* Экономика впечатлений. Как превратить покупку в захватывающее действие. М.: Альпина Паблишер, 2018. 384 с.
- Тульчинский, Шекова 2016 – *Тульчинский Г.Л., Шекова Е.Л.* Менеджмент в сфере культуры. СПб.: Лань: Планета музыки, 2016. 448 с.
- Чистякова, Овчинников 2019 – *Чистякова К.А., Овчинников С.А.* Россия на пути модернизации: ограничения и возможности развития // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 4. С. 7–23.
- Elaeva 2019 – *Elaeva A.* Museums at the crossroads // White paper by grayling. 2019. February. P. 30–36.
- Kotler 2009 – *Kotler P.* Museum marketing and strategy: Designing missions, building audiences, generating revenue and resources. N-Y: Jossey-Bass, 2009. 620 p.
- Krauss 2007 – *Krauss R.* The cultural logic of the late capitalist museum [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/778666?uid=3738032&uid=2&uid=4&sid=21104081119021> (дата обращения 25 июля 2019).
- Viser 2017 – *Viser J.* Integrated media strategies for museums. The museum of the future. [Электронный ресурс]. URL: <http://themuseumofthefuture.com/2011/05/29/integrated-media-strategies-for-museums/#!> (дата обращения 04 сентября 2019).

References

- Arkhipova, N.I. and Gurieva, M.T. (2019), “The preconditions for the development of humanistic marketing in the nowadays context”, *RGGU / RSUH Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 1, pp. 15-23.
- Chistyakova, K.A. and Ovchinnikov, S.A. (2018), “Russia on the way of modernization: Limitations and opportunities for development”, *RGGU / RSUH Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 4, pp. 4-10.
- Elaeva, A. (2019), “Museums at the crossroads”, *White paper by grayling*. February, London, UK.
- Kotler, P. (2009), *Museum marketing and strategy: Designing missions, building audiences, generating revenue and resources*. Jossey-Bass, N-Y, USA.
- Kotler, F., Kartajaya, H. and Setiawan, A. (2012), *Marketing 3.0: Customers and further to the Human Spirit*, Eksmo, Moscow, Russia.

- Krauss, R. (2007), "The cultural logic of the late capitalist museum" available at: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/778666?uid=3738032&uid=2&uid=4&sid=21104081119021> (Accessed 25 August 2019).
- Krishnan, M.S. and Prahalad, K.K. (2012), *The space of business innovation. Creating value together with the consumer*, Alpina Publisher, Moscow, Russia.
- Pyne II, J.B. and Gilmore, J.H. (2018), *The economics of impressions. How to turn a purchase into an exciting action*, Alpina Publisher, Moscow, Russia.
- Tulchinsky, G.L. and Shekova, E.L. (2016), *Management v sfere kulture* ["Management in the sphere of culture"], Lan, Planet of music, Saint Petersburg, Russia.
- Viser, J. (2017), "Integrated media strategies for museums. The museum of the future" available at: <http://www.themuseumofthefuture.com/integrated-media-strategies-for-museums/#1> (Accessed 4 September 2019).

Информация об авторах

Олег Ю. Артемов, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; upr-kafedra@yandex.ru

Станислав А. Овчинников, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; upr-kafedra@yandex.ru

Information about the authors

Oleg Yu. Artemov, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; upr-kafedra@yandex.ru

Stanislav A. Ovchinnikov, Cand. of Sci (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; upr-kafedra@yandex.ru

Превратят ли крупнейшие мировые нефтегазовые компании блокчейн в свое конкурентное преимущество?

Иван А. Копытин

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН,
Москва, Россия, kopytin@imeto.ru*

Аннотация. В настоящей статье проанализирована политика крупнейших мировых нефтегазовых компаний по интеграции блокчейна в структуру бизнеса. Установлено, что главные усилия супермейджеры и мейджеры сконцентрировали на цифровизации торговли углеводородами и торгового финансирования. Для реализации этой цели созданы многосторонние альянсы, включающие нефтегазовые компании, банки и нефтяных трейдеров. В последнее время начали формироваться партнерства для тестирования применения блокчейн технологий для сравнительно легко цифровизируемых нефтегазовых операций и активов. Европейские супермейджеры BP и Royal Dutch Shell в рамках своих корпоративных стратегий активно экспериментируют с возможностями повышения за счет блокчейна прибыльности бизнеса на всех стадиях создания добавленной стоимости. Проведенный анализ позволил сделать вывод, что проекты по встраиванию блокчейн-технологий в бизнес модели нефтегазовых компаний остаются пока в переходной фазе от стадии подтверждения концепции (proof-of-concept) до стадии рыночной реализации. Массового корпоративного применения блокчейна следует ожидать с середины 2020-х гг. Нефтегазовые компании, первыми внедрившие блокчейн-решения, могут получить критические конкурентные преимущества.

Ключевые слова: блокчейн, нефтегазовые компании, конкурентные преимущества, цифровизация, торговля нефтью и газом, умные контракты

Для цитирования: Копытин И.А. Превратят ли крупнейшие мировые нефтегазовые компании блокчейн в свое конкурентное преимущество? // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 52–66. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-52-66

© Копытин И.А., 2019

Статья выполнена в рамках НИР «Формирование полицентричного миропорядка: риски и возможности для России» программы Российской академии наук КП19-268 «Большие вызовы и научные основы прогнозирования и стратегического планирования».

Will the major oil and gas corporations make blockchain their competitive advantage?

Ivan A. Kopytin

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS, Moscow, Russia; kopytin@imemo.ru

Abstract. The article analyses policies of the world largest oil and gas companies to integrate blockchain into their business structure. It is revealed that super-majors and majors concentrate mainly on digitalization of the hydrocarbons trade and trade financing. The multilateral alliances, involving the oil and gas companies, banks and oil traders, have been established in order to implement that goal. Recently partnerships for testing blockchain use in the relatively easily digitalized oil operations and actives were launched. European supermajors BP и Royal Dutch Shell within their strategies actively experiment with possibility to increase the business profitability through using blockchain at all stages of value added creation. The analyses allowed to conclude that projects to inbuilt blockchain into the business models of oil and gas companies remain so far at the transitional phase from the proof-of-concept stage to that of the market implementation. Large scale enterprise use of blockchain one has to expect from the middle of the 2020-s. Oil and gas companies who will be the first to implement blockchain applications could attain critical competitive advantages.

Keywords: blockchain, oil and gas companies, competitive advantages, digitalization, oil and gas trade, smart contracts

For citation: Kopytin, I.A. (2019), "Will the major oil and gas corporations make blockchain their competitive advantage?", *RSUH / RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 4, pp. 52-66, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-52-66

Введение

Современная мировая экономика развивается в потоке и под определяющим влиянием непрерывных технологических новаций [Глобальная 2010, Зенкина 2014]. Одной из универсальных технологий цифровой экономики может стать и уже становится блокчейн¹. Глобальные расходы компаний всех секторов и отраслей на блокчейн выросли, по оценкам, с 0,95 млрд долл. в 2017 г. до 2,1 млрд долл. в 2018 г. и ожидаются на уровне 8,1 млрд долл. в 2021 г. При этом только малая их часть направляется пока

---

¹ В концентрированном виде технологические и экономические характеристики блокчейна представлены в [Pilkington 2016].

в энергетику, на середину 2018 г. корпоративные расходы энергетических компаний на блокчейн-решения оценивались в пределах 100–300 млн долл. [Energy Futures Initiative 2018, pp. 7, 9, EY 2017].

В теории экономические преимущества блокчейна очевидны [Dutsch, Steinebecke 2017, Lakhanpal, Samuel 2018, Lu, Huang, Azimi, Guo 2019]. Распределенный цифровой реестр позволяет рыночным игрокам взаимодействовать без посредников, что в свою очередь позволяет через спрямление и ускорение производственных процессов снизить издержки на труд и капитал. Также участники общей блокчейн-площадки могут разделить между собой транзакционные издержки, сохраняя при этом с помощью криптотехнологий приватность своих баз данных и клиентской сети [Energy Futures Initiative 2018, p. 22]. Нефтегазовый бизнес представляет собой сложную экосистему, состоящую из огромного числа игроков и разнородных активов, включая разнообразные базы данных. Традиционно в производственных цепочках и покупках товаров и активов значительные финансовые и временные ресурсы требуются для проверки и подтверждения релевантности информации. Включение в цифровую систему блокчейна существенно облегчает и удешевляет эти проверки.

Крупнейшие мировые нефтегазовые компании активно тестируют возможности повышения эффективности своих бизнес-моделей за счет блокчейн-решений. BP через свою венчурную технологическую компанию BP Technology Ventures Inc. является одним из учредителей созданного весной 2017 г. Enterprise Ethereum Alliance, цель которого состоит в доведении блокчейн-площадки ethereum до стадии рыночного блокчейна². Royal Dutch Shell, Equinor и Total участвуют в работе консорциума Energy Web Foundation (EWF), развивающего отраслевые стандарты использования блокчейна в энергетике³.

BP экспериментирует с блокчейном для ускорения финансовых процессов и снижения издержек бэк-офиса⁴. В 2017 г. Royal Dutch Shell создала подразделение блокчейна для изучения и создания

---

² The Enterprise Ethereum Alliance, [Online], available at: <https://entethalliance.org/members/> (Accessed 1 June 2019).

³ The Energy Web Foundation, [Online], available at: <https://www.energyweb.org/work-with-us/our-affiliate-ecosystem/> (Accessed 1 June 2019).

⁴ Ward, A. (2017) BP experiments with blockchain for oil and gas trading, [Online], available at: <https://www.ft.com/content/100622d0-a680-11e7-93c5-648314d2c72c> (Accessed 1 January 2018).

аппликаций технологии для всех стадий в создании добавленной стоимости. В частности, компания анализирует возможности блокчейн-платформы для мониторинга торговли своими нефтепродуктами, что позволит бороться с подделками. Royal Dutch Shell стала акционером лондонского стартапа Applied Blockchain, который помог ей реализовать внутреннюю торговую блокчейн-систему, позволяющую видеть цены в режиме реального времени. В ноябре 2018 г. на базе этой платформы была проведена первая сделка с нефтепродуктами⁵.

Особый интерес представляют проекты компаний по цифровизации торговли нефтью и газом, включая торговое финансирование, прежде всего потому, что такие проекты имеют самые высокие шансы на опережающую реализацию [S&P Global Platts 2018].

Блокчейн проекты по торговле нефтью и природным газом

Современная глобальная торговля сырьем в значительной мере продолжает опираться на ручной режим работы. В подготовку, проверку и перепроверку документов, установление и подтверждение их подлинности и соответствия надлежащим требованиям вовлечены десятки тысяч работников. Преимущественно ручной режим работы используется и в сфере финансирования мировой торговли сырьем. По оценкам швейцарского трейдера Mercuria, в 2015 г. на примерно 2 трлн долл. торгового оборота сырьевыми товарами было выдано более 4,5 млн кредитных писем, только за счет сокращения документооборота издержки на поддержание торговли сырьем могут быть снижены на 30%⁶.

Если говорить о торговле нефтью, в настоящее время наибольшую известность получили два международных проекта VAKT Global и Komgo, цель которых заключается в переводе торговли нефтью и торгового финансирования на блокчейн-технологии (табл. 1).

---

⁵ Blockchain: hype or hope? [Online], available at: <https://www.shell.com/inside-energy/blockchain.html> (Accessed 10 August 2019).

⁶ Blockchain is a hard sell for commodity traders (2017), [Online], available at: <https://disruptive.asia/blockchain-changing-game-banks-commodity-traders/> (Accessed 20 May 2019).

Блокчейн-проекты по торговле нефтью и торговому финансированию

Проект	Разработчик блокчейн-платформы	Тип блокчейна	Нефтегазовые компании	Банки и трейдеры
Торговля нефтью				
Vakt Global (2017)	ThoughtWorks	Quorum, разработанный JPMorgan на базе Ethereum	BP, Royal Dutch Shell, Equinor, Total, Chevron, Reliance Industries	Банки: ABN Amro, ING, Societe Generale Трейдеры: Gunvor, Koch Supply & Trading, Mercuria
Торговое финансирование				
Komgo (2018)		Блокчейн на базе Ethereum		Банки: ABN Amro, ING, Societe Generale, Cooperative Rabobank, Masquarie Group Ltd., Mitsubishi UFJ Financial Group Inc., Natixis, BNP Paribas, Citigroup, Credit Agricole Трейдеры: Gunvor, Koch Supply & Trading, Mercuria

Источники: Hoffman, A. (2018) These Oil Traders Are Trying to Overhaul the Industry With a Blockchain Venture, [Online], available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-09-19/oil-traders-create-blockchain-venture-for-trade-finance-overhaul> (Accessed 15 August 2019); Komgo SA: Industry players and banks join forces to launch blockchain platform to transform commodities trade finance (2018), [Online], available at: <https://www.societegenerale.com/en/content/komgo-blockchain-platform-to-transform-commodities-trade-finance> (Accessed 15 July 2019); Oil Enterprise Blockchain VAKT Outlines Roadmap to Success (2019), [Online], available at: <https://www.vakt.com/oil-enterprise-blockchain-vakt-outlines-roadmap-to-success/> (Accessed 10 August 2019).

Консорциум Vakt был образован в ноябре 2017 г. европейскими супермейджорами BP и Royal Dutch Shell и норвежской Equinor (ранее – Statoil), банками ABN Amro, ING и Societe Generale и нефтетрейдерами. В начале 2019 г. в состав консорциума вошли Total и Chevron. Изначально цель консорциума заключалась в создании безопасного умного контракта (smart contract) и авторизованного перевода электронных документов, с тем чтобы отказаться от бумажных контрактов и сопровождающей эти контракты документации. Успешная реализация этой задачи позволит перейти к прямому режиму работы между участниками сделки без посредничества третьих сторон в лице брокеров⁷.

Площадка Vakt остается частной, в ее работе принимают участие только участники консорциума. Блокчейн отражает реальные сделки, но функционирует параллельно с традиционной системой торговли. Сама торговля на платформе не осуществляется, Vakt фактически обеспечивает посттрейдинговую деятельность – помогает осуществлять транзакции, подтверждать контракты и обеспечивать логистику⁸.

Консорциум рассчитывает в 2019/2020 г. расширить функционал за счет начала торговли нефтяными баржами в районе Амстердам–Роттердам–Антверпен, торговли бензином и торговли на отобранных точках системы нефтепроводов в США⁹.

Созданный в 2018 г. консорциум Komgo позволяет представлять в цифровом режиме данные и документы в финансовые организации для получения финансирования и получать кредит прямо на блокчейн платформе¹⁰. С середины 2019 г. участники платформы могут получить от банков три финансовых продукта: одобрение

---

⁷ Overwhelming market interest for blockchain-powered oil trading platform VAKT: Gunvor (2018), [Online], available at: <https://blogs.platts.com/2018/04/16/blockchain-oil-trading-vakt-gunvor/> (Accessed 15 May 2018).

⁸ Khatri, Y. (2018) Shell, BP Back Blockchain Platform to Modernize Commodities Trading, [Online], available at: <https://www.coindesk.com/shell-bp-back-blockchain-platform-to-modernize-commodities-trading> (Accessed 15 May 2019).

⁹ Insight: Energy-trading blockchains edge closer to reality, but market remains cautious (2019), [Online], available at: <https://blogs.platts.com/2019/01/02/energy-trading-blockchains-edge-closer-reality/> (Accessed 21 February 2019); Terazono, E. (2019) Oil blockchain platform signs up most North Sea traders, [Online], available at: <https://www.ft.com/content/c130d906-36bc-11e9-bb0c-42459962a812> (Accessed 10 August 2019).

¹⁰ Patel, D. (2019) DLT, Blockchain and International Trade – Where Are We At Today?, [Online], available at: <https://www.vakt.com/dlt-blockchain-and-international-trade-where-are-we-at-today/> (Accessed 20 June 2019).

финансирования, выпуск письма о кредите и приостановке письма о кредите.

В планах Komgo запустить на блокчейн-площадке услугу по цифровому сервису «знай своего клиента» (know your client) и верификации любого документа¹¹.

Площадки Vakt и Komgo планируют работать в тандеме¹², так как они образованы практически одними и теми же акционерами.

В сходном алгоритме развиваются блокчейн-проекты по торговле природным газом (табл. 2). Учитывая нарастающую интеграцию секторов электроэнергетики и природного газа, участниками этих проектов являются также крупные электроэнергетические компании.

В 2017 г. европейские нефтяные компании BP и Eni в партнерстве с австрийской электроэнергетической компанией Wien Energie провели ряд тестовых испытаний по торговле природным газом через блокчейн платформу Interbit. Поддержку испытаниям осуществляла глобальная консалтинговая компания EY¹³. Платформу Interbit развивает канадская BTL Group. Торговля через блокчейн шла параллельно обычной торговле газом. В 2018 г. участники тестовых испытаний сформировали консорциум OneOffice с тем, чтобы ускорить разработку и внедрение блокчейн-решений.

Также в 2017 г. более двадцати крупнейших электроэнергетических компаний Европы и французская Total провели тестовые испытания по торговле природным газом через блокчейн Enerchain, который развивает Ponton GmbH¹⁴. В 2018 г. число компаний-участниц на площадке Enerchain возросло до 45, и 38 из них провели торги в тестовом режиме. Площадка объявила о намерении протестировать торговлю спотовым газом, а также форвардными контрактами на природный газ и электроэнергию.

---

¹¹ Was, S. (2019) Blockchain platform for commodity trade finance has released two new products, [Online], available at: <https://www.gtreview.com/news/fintech/komgo-releases-two-new-blockchain-based-products-reveals-future-plans/> (Accessed 20 September 2019).

¹² Rathod A. Oil Giants BP and Shell Launch Oil-Trading Blockchain Platform, [Online], available at: <https://toshitimes.com/oil-giants-launch-oil-trading-blockchain-platform/> (Accessed 20 September 2019).

¹³ BP, Eni deepen blockchain trading in European gas (2017) [Online], available at: <http://www.reuters.com/article/us-bp-eni-blockchain-idUSKBN18W1N2> (Accessed 20 September 2019).

¹⁴ Zha, W. (2017) Europe's Biggest Utilities Join Blockchain Energy Trading Trial, [Online], available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-05-29/europe-s-biggest-utilities-join-blockchain-energy-trading-trial> (Accessed 20 September 2019).

Таблица 2

Блокчейн-тесты и проекты по торговле природным газом

Проект	Разработчик блокчейн-платформы	Тип блокчейна	Нефтегазовые и электроэнергетические компании	Банки и трейдеры
Предварительное тестирование (2017)	BTL Group (Канада)	Interbit на базе JavaScript	BP, Eni и Wien Energie (Австрия)	
Предварительное тестирование (2017)	Ronpon GmbH (Германия)	Enerchain	Total и более 40 европейских электроэнергетических компаний	
Консорциум OneOffice (2018)	Interbit Ltd. (бывшая BTL Group)	Interbit на базе JavaScript	Total, Eni и электроэнергетические компании	Gazprom Marketing & Trading, Mercuria

Источники: BP, Eni deepen blockchain trading in European gas (2017), [Online], available at: <http://www.reuters.com/article/us-bp-eni-blockchain-idUSKBN18W1N2> (Accessed 1 August 2019); Zha, W. (2017) Europe's Biggest Utilities Join Blockchain Energy Trading Trial, [Online], available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-05-29/europe-s-biggest-utilities-join-blockchain-energy-trading-trial> (Accessed 1 August 2019); Sharma, G. (2018) Total And Several Energy Traders Join TSX Venture Exchange-Listed BTL's Blockchain Drive, [Online], available at: <https://www.forbes.com/sites/gauravsharma/2018/01/22/total-and-several-energy-traders-join-tsx-venture-exchange-listed-btls-blockchain-drive/#22f7a8f24f5b> (Accessed 14 February 2018); Elliott, S. (2018) European blockchain natural gas trading service provider BTL moves to second phase, [Online], available at: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/natural-gas/012218-european-blockchain-natural-gas-trading-service-provider-btl-moves-to-second-phase> (Accessed 10 May 2019).

В настоящее время идут переговоры о переформатировании бизнес-схемы проекта. До последнего времени развитием и координацией работ занималась германская технологическая компания Ponton GmbH, теперь права на интеллектуальную собственность хотят получить компании-участницы, а Ponton – остаться поставщиком услуг. Без такой трансформации коммерциализация проекта невозможна¹⁵.

Следует ожидать, что число блокчейн-проектов по торговле нефтью и газом будет расти. В июле 2019 г. Royal Dutch Shell, Macquarie и Sinochem Energy Technology, дочерняя компания китайского химического холдинга Sinochem Group, подписали соглашение о создании блокчейн-площадки Gateway по торговле нефтью. Площадка должна позволить повысить эффективность сделок по торговле нефтью, обеспечить прозрачность и снизить риск для контрагентов¹⁶.

Блокчейн-проекты для сравнительно легко цифровизируемых операций и активов

Вторым после торговли направлением тестирования блокчейн-решений в нефтегазовом секторе стали проекты со сравнительно легко цифровизируемыми операциями и активами.

В начале 2019 г. группа крупнейших американских нефтяных компаний, включая Chevron, ConocoPhillips, Equinor, ExxonMobil, Hess, Pioneer Natural Resources и Repsol, создала в форме неприбыльной организации консорциум Offshore Operators Committee (ООС) Oil & Gas Blockchain Consortium с целью предварительного тестирования возможностей блокчейна в нефтегазовой промышленности¹⁷.

---

¹⁵ Insight: Energy-trading blockchains edge closer to reality, but market remains cautious (2019), [Online], available at: <https://blogs.platts.com/2019/01/02/energy-trading-blockchains-edge-closer-reality/> (Accessed 20 September 2019).

¹⁶ Sinochem unit discussing blockchain platform with Shell, Macquarie: sources (2019), [Online], available at: <https://www.reuters.com/article/us-china-sinochem-blockchain/sinochem-unit-discussing-blockchain-platform-with-shell-macquarie-sources-idUSKCN1VQ16N> (Accessed 10 September 2019).

¹⁷ U.S. Blockchain Consortium Launches to Lead Blockchain Adoption in the Oil and Gas Industry (2019), [Online], available at: <https://www.businesswire.com/news/home/20190226005320/en/> (Accessed 1 March 2019).

Консорциум тестирует несколько пилотных проектов по использованию блокчейна для производственных операций, в том числе: цифровая маршрутизация грузовых цистерн с водой и мониторинг процесса заливки жидкости в скважины; цифровизация баллотировки и процесса окончательного одобрения; интеграция выдачи единых счетов-фактур и оплаты услуг¹⁸. Цифровизация этих стандартных процессов и операций позволит резко сократить объем работы с документами, упростить и ускорить координацию работ многочисленных фирм-исполнителей, а также облегчить решение хозяйственных споров.

В сентябре 2019 г. ООС вместе с технологической компанией Data Gumbo начал тестирование цифрового сопровождения доставки воды и закачки ее в скважины. Для этого используется универсальная блокчейн-площадка JumboNet, которая работает по принципу блокчейн как услуга и может использоваться в самых разных отраслях бизнеса¹⁹.

Наряду с этим консорциум ООС пытается запустить пилотный проект цифрового учета нефтегазовых активов – торговлю автоматическими цифровыми правами на сейсмические данные по запасам углеводородов²⁰.

Похожие проекты реализуют и другие нефтяные компании. В июле 2019 г. «дочка» ВР американская ВРХ Energy в сотрудничестве с блокчейн-платформой Ondiflo и тремя компаниями-поставщиками воды провели в штате Техас коммерчески успешное тестирование цифрового сопровождения закачки жидкости в скважины. В ходе тестирования синтезировались возможности Интернета вещей, мобильной связи и блокчейна²¹.

---

¹⁸ ООС Oil & Gas Blockchain Consortium, [Online], available at: <https://www.oocblockchain.com/use-cases> (Accessed 20 September 2019).

¹⁹ ООС Oil & Gas Blockchain Consortium Awards Data Gumbo First Contract to Implement a Blockchain Pilot in Water Haulage (2019), [Online], available at: <https://www.businesswire.com/news/home/20190912005015/en/OOC-Oil-Gas-Blockchain-Consortium-Awards-Data> (Accessed 20 September 2019).

²⁰ ООС Oil & Gas Blockchain Consortium, [Online], available at: <https://www.oocblockchain.com/use-cases> (Accessed 20 September 2019).

²¹ Ondiflo Completes Blockchain-Based Pilot Project with BPX Energy (2019), [Online], available at: <https://www.ondiflo.com/news073019> (Accessed 5 August 2019).

Заклучение

В какой фазе находятся реализуемые нефтегазовыми компаниями проекты? Вычленив из информационного потока убедительные подтверждения тому, что рассматриваемые блокчейн-проекты прошли пилотную стадию и реализуются уже как полноценные коммерческие корпоративные решения крайне сложно. Не только потому, что участники этих проектов, рассчитывая на получение конкурентных преимуществ, предпочитают не распространять широко информацию о полученных результатах. Не секрет, что многие проекты финтеха, в том числе и в торговле сырьем, запущены исключительно с целью привлечения внешних инвестиций.

Хотя разработчики Vakt и OneOffice заявили, что завершили стадию подтверждения (proof-of-concept) и перешли к ее рыночному применению²², выше отмечалось, что блокчейн-технологии на площадке Vakt работают параллельно традиционным бизнес-процессам. Опубликованные создателями Vakt выводы и рекомендации сформулированы более чем расплывчато. Привлекает внимание рекомендация не стремиться к масштабному внедрению умных контрактов, что первоначально было заявлено в качестве стратегической цели проекта. Управление бизнес-процессом, целиком построенном на умных контрактах, довольно сложно, такой процесс требует дополнительного внимания (и от себя добавим – дополнительных расходов) на безопасность, сложность системы может помешать реализации простых бизнес решений [Baritt, Sheth, Vile 2019, p. 13]. Также интересно, что разработчики Vakt дают совет минимизировать открытость к инновациям, так как такая открытость необязательно оборачивается экономическими преимуществами [Baritt, Sheth, Vile 2019, p.15].

Дополнительную пищу для размышления дают более четко сформулированные позиции относительно коммерческой эффективности блокчейн-технологий, протестированных в других секторах экономики. Центральный банк Германии объявил в мае 2019 г. о том, что его пилотный проект с Deutsche Bourse, реализуемый с 2016 г., не показал преимуществ блокчейна в сравнении с традиционными способами реализации транзакций и сделок с ценными бумагами и наличными деньгами. Блокчейн проиграл по всем параметрам – потребовал большего времени и большего объема расче-

---

²² Hall, J. and Hall, S. (2018) Huge market interest in BP, Shell blockchain energy trading project: Gunvor, [Online], available at: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/oil/041618-huge-market-interest-in-bp-shell-blockchain-energy-trading-project-gunvor> (Accessed 15 May 2019).

тов. Bundesbank отметил, что аналогичные результаты показали и другие тестовые испытания прототипов промышленного блокчейна в финансовом секторе²³. Не доказали свои экономические преимущества блокчейн-технологии и при проведении трансграничных платежей в системе SWIFT²⁴.

Внедрение блокчейн-технологий не только позволяет решить некоторые проблемы, но и порождает новые. Для крупнейших нефтегазовых компаний (как, впрочем, и любых рыночных игроков) особое значение имеет то, что даже самые продвинутые блокчейн-системы могут быть взломаны. Самым наглядным примером в этом отношении является хакерская атака на Ethereum Classic, в ходе которой электронный реестр был переписан²⁵. Расходы нефтегазовых компаний на кибербезопасность могут оказаться достаточно высокими [Mittal, Slaughter, Zonneveld 2017] и пока не могут быть точно квантифицированы.

Недостаточно внимания пока уделяется тому, что переход на блокчейн-технологии в торговле сырьем порождает острый конфликт интересов. Нефтегазовые компании и трейдеры обладают эксклюзивной информацией о клиентах, локальных рынках. Передача такой информации пусть даже в закрытый частный блокчейн сделает ее доступной для всех его участников. При переходе на цифровой режим операций прибыль перераспределится от компаний, банков, трейдеров и брокеров в пользу компаний финтех, что не может не вызывать сопротивления.

Не решены и проблемы с государственным регулированием блокчейн-транзакций, которые к тому же должны осуществляться между рыночными игроками, находящимися в разных регуляторных и правовых юрисдикциях [Giancaspro 2017].

Эти и другие моменты заставляют согласиться с результатами опроса участников Глобального саммита Platts по цифровому сырью, проведенного в ноябре 2018 г. Почти четыре пятых респондентов опроса ожидают, что массовая коммерциализация блокчейна

---

²³ Look, C. (2019) Blockchain Settlement Was Slow, Costly in Trial, Weidmann Says, [Online], available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-05-29/blockchain-settlement-was-slow-costly-in-trial-weidmann-says> (Accessed 10 May 2019).

²⁴ Martin, A. (2018) Swift says blockchain not ready for mainstream use, [Online], available at: <https://www.ft.com/content/966f5694-22c6-11e8-ae48-60d3531b7d11> (Accessed 10 May 2019).

²⁵ Clarke, G. (2019) After Ethereum Classic Suffers 51% Hack, Experts Consider – Will Bitcoin Be Next? [Online], available at: <https://www.forbes.com/sites/ginaclarke/2019/01/09/after-ethereum-classic-suffers-51-hack-experts-consider-will-bitcoin-be-next/#27c55a18a56b> (Accessed 10 May 2019).

произойдет не ранее 2025 г.²⁶ Главным мотивом для нефтегазовых компаний реального сектора остается получение прибыли, поэтому они предпочитают развивать блокчейн-проекты в эволюционном, а не революционном режиме, приспособливая цифровизацию к своим нуждам [World Economic Forum 2017; World Energy Council 2018]. Сохраняется высокий уровень неопределенности относительно того, насколько широкое использование блокчейна окажется коммерчески выгодным [Koeppen, Shrier, Bazilian 2017]. Очевидно при этом, что компании, первыми внедрившие блокчейн-решения, получают критические конкурентные преимущества.

Литература

- Глобальная 2010 – Глобальная трансформация инновационных систем / Ред. Н.И. Иванова. М: ИМЭМО РАН, 2010. 163 с.
- Зенкина 2014 – *Зенкина Е.В.* Развитие международного бизнеса в постиндустриальной экономике // Известия МГТУ «МАМИ». Серия «Экономика и управление». 2014. № 1 (19). Т. 5. С. 34–36.
- Baritt, Sheth, Vile 2019 – *Baritt J., Sheth S., Vile A.* From PoC to Production: Implementing an enterprise blockchain solution // Thought Works/Vakt. 2019. July.
- Dutsch, Steinebecke 2017 – *Dutsch, G. and Steinebecke, N.* Use Cases for Blockchain Technology in Energy & Commodity Trading // PWC. 2017. July. 20 p.
- Energy Futures Initiative 2018 – Energy Futures Initiative. Promising Blockchain Applications for Energy: Separating the Signal from the Noise // Energy futures initiative. 2018. July. Washington D.C. 35 p.
- EY 2017 – EY. Overview of blockchain for energy and commodity trading. Ernst & Young LLP. 2017. 8 p.
- Giancaspro 2017 – *Giancaspro M.* Is a “smart contract” really a smart idea? Insights from a legal perspective // Computer Law and Security Review. 2017. Vol. 33. Issue 6. P. 825–835.
- Koeppen, Shrier, Bazilian 2017 – *Koeppen M., Shrier D., Bazilian M.* Is Blockchain’s Future in Oil and Gas Transformative or Transient? // Deloitte Development LLC. 2017. 11 p.
- Lakhanpal, Samuel 2018 – *Lakhanpal V., Samuel R.* Implementing Blockchain Technology in Oil and Gas Industry: A Review // SPE Annual Technical Conference and Exhibition. Dallas, Texas. 2018. 12 p.

---

²⁶ Insight: Energy-trading blockchains edge closer to reality, but market remains cautious (2019) [Online], available at: <https://blogs.platts.com/2019/01/02/energy-trading-blockchains-edge-closer-reality/> (Accessed 21 February 2019).

- Lu, Huang, Azimi, Guo 2019 – Lu H., Huang K., Azimi M., Guo L. Blockchain Technology in the Oil and Gas Industry: A Review of applications, opportunities, challenges, and risks // IEEE Access. 2019. Vol. 7. P. 41426–41444.
- Mittal, Slaughter, Zonneveld 2017 – Mittal A., Slaughter A., Zonneveld P. Protecting the connected barrels: Cybersecurity for upstream oil and gas // Deloitte Insights. London. U.K., Tech. Rep. 2017. 24 p.
- Pilkington 2016 – Pilkington M. Blockchain technology: Principles and applications // Research Handbook on Digital Transformations / Ed. by F.X. Olleros, M. Zhegu. Edward Elgar Publishing Limited. Cheltenham, U.K. North Hampton, MA, USA. P. 225–253.
- S&P Global Platts 2018 – S&P Global Platts. Blockchain for commodities: Trading opportunities in a digital age. 2018. 40 p.
- World Economic Forum 2017 – World Economic Forum. Digital Transformation Initiative. Oil and Gas Industry. 2017. January. Geneva. Switzerland. 36 p.
- World Energy Council 2018 – World Energy Council. The Developing Role of Blockchain, Version 1.0. London. U.K. 2018. 22 p.

References

- Barett, J., Sheth, S. and Vile, A. (2019), “From PoC to Production: Implementing an enterprise blockchain solution”, *Thought Works*, July.
- Dutsch, G., and Steinebecke, N. (2017), “Use Cases for Blockchain Technology in Energy & Commodity Trading”, *PWC*, July.
- Energy Futures Initiative (2018), “Promising blockchain applications for energy: Separating the signal from the noise”, *Energy futures initiative*, July, Washington D.C.
- EY (2017), *Overview of blockchain for energy and commodity trading*. Ernst & Young LLP.
- Giancaspro, M. (2017), “Is a ‘smart contract’ really a smart idea? Insights from a legal perspective”, *Computer Law and Security Review*, vol. 33, issue 6, pp. 825–835.
- Ivanova, N.I. (ed.) (2010), *Global'naya transformatsiya innovatsionnykh sistem* [Global transformation of innovation systems], IMEMO RAN, Moscow, Russia.
- Koeppen, M., Shrier, D. and Bazilian, M. (2017), “Is Blockchain’s Future in Oil and Gas Transformative or Transient?”, *Deloitte Development LLC*.
- Lakhanpal, V. and Samuel, R. (2018), Implementing Blockchain Technology in Oil and Gas Industry: A Review, *SPE Annual Technical Conference and Exhibition*, Dallas, Texas.
- Lu, H., Huang, K., Azimi, M. and Guo, L. (2019), “Blockchain Technology in the Oil and Gas Industry: A Review of Applications, Opportunities, Challenges, and Risks”, *IEEE Access*, vol. 7, pp. 41426–41444.
- Mittal, A., Slaughter, A. and Zonneveld, P. (2017), “Protecting the connected barrels: Cybersecurity for upstream oil and gas”, *Deloitte Insights*, London, U.K.
- Pilkington, M. (2016), “Blockchain technology: Principles and applications”, Olleros, F. X. and Zhegu, M. (eds.), *Research Handbook on Digital Transformations*, Edward Elgar Publishing Limited, Cheltenham, U.K, North Hampton, MA, USA.

- S&P Global Platts (2018), *Blockchain for Commodities: Trading Opportunities in a Digital Age*.
- World Economic Forum (2017), *Digital transformation initiative. Oil and gas industry*, Geneva, Switzerland.
- World Energy Council (2018), *The developing role of blockchain, Version 1.0*, London, U.K.
- Zenkina, E.V. (2014), "Razvitie mezhdunarodnogo biznesa v postindustrial'noj ekonomike" [Development of international business in post-industrial economy], *Izvestia MGTU «MAMI»*, Series «Economy and management», № 1 (19), pp. 34-36.

Информация об авторе

Иван А. Копытин, кандидат экономических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Профсоюзная, 23; kopytin@imemo.ru

Information about the author

Ivan A. Kopytin, Cand. of Sci. (Economics), Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997; kopytin@imemo.ru

Преимущества и риски международного инвестирования социальных проектов государственно-частного партнерства

Наталья В. Федорова

Московский гуманитарный университет, Москва, Россия, kafedra612@mail.ru

Ольга Ю. Минченкова

Московский гуманитарный университет, Москва, Россия, kafedra612@mail.ru

Виктория Г. Макеева

Государственный университет управления, Москва, Россия, kafedra612@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы и возможности использования государственно-частного партнерства для финансирования инфраструктурных проектов. Подчеркивается, что прерогативой государственных структур является обеспечение общественными благами, сохранение ряда секторов экономики в государственной собственности, в этой связи важная роль отводится управлению социальными проектами. Дефинируется термин «социальный проект». Проанализирован зарубежный опыт, позволяющий выявить проблемы, связанные с финансированием важных государственных проектов при участии частных инвесторов по ведущим странам Запада. Выделен целый ряд преимуществ сотрудничества публичного сектора и частного сектора в процессах финансового обеспечения социальных проектов. Обоснована эффективность и целесообразность (количественные и качественные критерии) применения модели государственно-частного партнерства на уровне международного инвестирования социальных проектов страны. Рассмотрены особенности взаимодействия инвесторов, не являющихся резидентами страны, реализующей крупный инфраструктурный проект. В частности отмечается, что при такой форме участия в деловом сотрудничестве возникают вопросы и риски, касающиеся соотношения качества, сроков и возврата финансов при государственном финансировании важных проектов. Сформулированы рекомендации, позволяющие сделать механизм государственно-частного партнерства более эффективным в системе управления национальными проектами.

Ключевые слова: проект, социальный проект, государственно-частное партнерство, риски, участники, качество, финансовые ресурсы

Для цитирования: Федорова Н.В., Минченкова О.Ю., Макеева В.Г. Преимущества и риски международного инвестирования социальных проектов государственно-частного партнерства // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 67–77. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-67-77

Advantages and risks of international investment in the public-private partnership social projects

Natalia V. Fedorova

Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia, kafedra612@mail.ru

Olga Yu. Minchenkova

Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia, kafedra612@mail.ru

Viktoria G. Makeeva

State University of Management, Moscow, Russia, kafedra612@mail.ru

Abstract. The article deals with the issues and opportunities of using public-private partnerships to finance the infrastructure projects. It is emphasized that the prerogative of state structures is the provision of public goods, the preservation of a number of sectors of the economy in state ownership, in this regard, an important role is given to the management of social projects. The term “social project” is defined. Foreign experience is analyzed, which allows to determine the issues associated with the financing of important government projects with the participation of private investors in leading Western countries. The article emphasizes a number of advantages for cooperation between the public sector and the private sector in the processes of financial supporting the social projects. The efficiency and appropriateness (quantitative and qualitative criteria) of applying the model of public-private partnership at the level of international investment of social projects of the country are substantiated. The features of the interaction of investors who are not residents of the country implementing a major infrastructure project are considered. In particular, it is noted that with such form of participation in business cooperation, questions and risks arise regarding the correlation of quality, duration and return of finances with public funding of important projects. Recommendations are formulated to make the mechanism of public-private partnership more effective in the system of managing national projects.

Keywords: project, social project, public-private partnership, risks, participants, quality, financial resources

For citation: Fedorova, N.V., Minchenkova, O.Yu., Makeeva, V.G. (2019), “Advantages and risks of international investment in the public-private partnership social projects”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 4, pp. 67-77, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-67-77

В современных условиях хозяйствования становится «важным направлением политики по защите национальных экономических интересов государственный контроль за ключевыми отраслями экономики и валютно-финансовой сферой, в том числе противодействие финансовым спекуляциям, проведение активной инновационной политики, всемерная поддержка экспорта, а также

“выращивание” предприятий – национальных лидеров, играющих роль локомотивов экономического роста» [Малинина 2009, с. 228].

С переходом общества и экономики к постиндустриальной стадии существенно меняются содержание и роль факторов производства в качестве источников конкурентоспособности, как на уровне отдельных предприятий, отраслей, так и стран в целом. Среди этих факторов (ресурсов, необходимых для производства товаров и услуг), как правило, выделяются три основных: земля, труд и капитал [Архипова, Родионов 2015, с. 9].

Поэтому сегодня возникает вопрос: «Как более качественно и с полной отдачей использовать все механизмы, позволяющие более эффективно применять эти факторы?» К одному из них относится государственно-частное партнерство.

Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) развивается, создавая определенные схемы финансирования, отношения собственности и методы управления, которые имеют немало преимуществ. Международное инвестирование социальных проектов ГЧП предоставляет ряд преимуществ для государства, возникающих при взаимодействии с частным сектором и использовании их финансовых, организационно-управленческих, инновационно-технологических и интеллектуальных ресурсов. Однако, с другой стороны, можно воспользоваться и преимуществами государственного участия в социальном проекте, связанными с более глубокой проработанностью проекта в срезе его соответствия общественным интересам и эффективного контроля при его реализации. Эти преимущества усиливаются при реализации крупных инфраструктурных социальных проектов высокой сложности и финансовой емкости, в частности ориентированной на сотрудничество с крупными компаниями или транснациональными корпорациями [Макеева 2017].

Известно, что обеспечение общественными благами – прерогатива государственных структур, и именно они ответственны перед обществом. Сохранение некоторых секторов экономики в государственной собственности является вопросом национальной безопасности. Однако частное предпринимательство может предоставить такие характеристики, как высокая ресурсная эффективность, гибкость и инновационность. Использование форм и методов международного инвестирования социальных проектов ГЧП позволяет получить дополнительные преимущества.

Понятие социального проекта

Социальный проект предполагает создание нового, ранее не существовавшего социально значимого продукта. В РФ реализуется значительное количество социальных проектов в таких сферах жизни, как культура, искусство, религия, экология, спорт и здоровый образ жизни, образование и наука, поддержка одаренных детей и молодежи, поддержка социально незащищенных слоев населения, социальный маркетинг [Федорова, Минченкова 2019].

Зарубежный опыт использования ГЧП в социальных проектах

Накопленный до настоящего времени арсенал этих форм позволяет часть полномочий передавать частному предпринимательству. В государственной собственности остаются наиболее важные объекты, относящиеся к строительству, эксплуатационному обслуживанию инфраструктуры в сфере производства и социального обеспечения.

И здесь интересен опыт зарубежных стран. Так, опыт США как крупнейшего в мире оператора ГЧП в секторе строительства и эксплуатации автомобильных магистралей показывает, что хотя каждый транспортный проект по-разному уникален, использование ГЧП для реализации (передаче) транспортных проектов может предоставить ряд преимуществ для инвестора [March 2007, р. 6-8]. Ключевым преимуществом международного инвестирования для транспортных проектов ГЧП является возможность использовать дополнительные финансовые ресурсы и операционную эффективность от частного сектора, чтобы ускорить развитие и сохранение инфраструктуры общего пользования, уменьшить государственные расходы при одновременном повышении эффективности. При рассмотрении вопроса о возможном применении подходов ГЧП к общественному транспорту основные возможности возникают в случае совместной разработки транзитно-ориентированных проектов, а также развития мультимодального проекта, потенциальные первичные и вторичные выгоды которых указано в таблице 1.

Оценивая преимущества партнерских отношений с частным сектором, можно отметить, что гибкие соглашения о ГЧП позволяют реализовывать социальные проекты с относительной срочностью, с отсутствием дополнительных государственных ресурсов для

Таблица 1

Преимущества государственного и частного инвесторов ГЧП в сфере транзитно-ориентированного развития (на примере США)¹

Государственный сектор	Частный сектор
Основные преимущества	
Увеличение пассажиропотока	Выше стоимость земли
Потенциал для лизинговых платежей или других доходов	Выше арендные ставки на коммерческие или жилые застройки вблизи транспортных объектов
Потенциал для специальных (dedicated) налоговых поступлений	Общие расходы на фундамент здания
Оживленные районы	Снижение потребности в местах для парковки
Развитие «разумного роста» (Smart-growth)	Более доступные возможности на жилье
Вторичные преимущества	
Уменьшение заторов	Увеличение розничных продаж
Увеличение доходов от налогов с имущества и продаж	Расширение доступа к труду
Уменьшение разрастания с помощью разумного роста (Smartgrowth)	Снижение расходов на паркинг
Снижение затрат на пути и другие объекты инфраструктуры	Повышение производительности сотрудников, которые не задерживаются в пробках на дорогах
Снижение преступности и повышение безопасности недалеко от транзитного объекта	Повышение физической активности в районе развития рядом с транзитным объектом

их завершения в заданные сроки, что представляет собой беспроигрышную ситуацию для государственных, частных, региональных и иностранных партнеров. Нереалистично ожидать, что потенциальные преимущества, вытекающие из ГЧП, автоматически превратят невыполнимый проект в осуществимый, а также что зарубежные частные инвесторы проинвестируют проекты, не имеющие потенциала, чтобы обеспечить разумную норму прибыли на свои инвестиции в проекте [Pakkala 2002, p. 32].

¹ Составлено по [Cervero 2004, p. 123].

Поэтому феномен ГЧП нельзя рассматривать с одной стороны. В зарубежной литературе скептически оценивают его эффективность из-за сложности координации механизмов и моделей инвестиционного сотрудничества. Практика свидетельствует и о проблемах реализации крупных проектов при использовании инструментов партнерства и о том, что оно не является панацеей от неэффективной финансовой политики при строительстве инфраструктурных объектов.

Среди категории проблем в ГЧП доминирующими остаются финансовые, из-за чего невозможна реализация ряда важных для государств проектов. Изучение опыта реализации ряда проектов в разных странах и анализ специальной литературы показали, что у всех стран мира практически одинаковые общие проблемы по привлечению международных инвестиций в социальные проекты ГЧП.

Резкий рост долговых обязательств и отвлекаемых средств на их обслуживание без возможности реструктуризации долговых обязательств приводит к ситуации «driedup» (с англ. «иссушение финансов»), при этом планируемый уровень доступности кредитов будет достигнут нескоро².

Кризисные явления в кредитной сфере создают проблемы для существующих проектов ГЧП из-за двух основных причин, которые целесообразно идентифицировать таким образом: во-первых, кризис снижает потенциальный доход при использовании концессии как формы ГЧП (например, платные дороги и т. п.), существенно усложняя окупаемость начальных инвестиций; во-вторых, увеличивает стоимость кредита с учетом уже имеющихся заимствований.

Это характерно, в частности, для Испании, в конце 2000-х гг. испытывающей экономический бум в сфере строительства. Вовлеченность региональной и местной власти в долгосрочные 20–30 лет проекты ГЧП по финансированию инфраструктурных объектов привела к невозможности выполнить социальные обязательства в условиях кризиса³.

Иногда проекты ГЧП сворачиваются из-за проявления кризиса – спада активности в деловой сфере и необходимости экономии

---

² Infrastructure Finance – surviving the Credit Crunch (2008) Electronic Resource: finding resources by subject [Online], available at: <https://www.pwc.com/ng/en/pdf/surviving-the-credit-crunch.pdf> (Accessed 3 July 2019).

³ S&P: Autonomous Community of Madrid Outlook Revised To Negative (2010) 'AA+/A-1+' Ratings Affirmed. Electronic resource: finding resources by subject [Online]. Retrieved from: www.standardandpoors.com/ratingsdirect (Accessed 3 July 2019). https://www.standardandpoors.com/en_EU/web/guest/article/-/view/sourceId/6183468.

бюджета. Примером таких явлений является отказ Ирландии от строительства здания тюрьмы на принципах ГЧП и туманные перспективы с метростроительством в г. Дублине⁴. В Словакии пришлось заморозить планы реконструкции дорожной сети без определения возобновления строительства, а срыв сроков конкурсов для новых платных участков привел к отказу потенциальных иностранных инвесторов участвовать в проектах ГЧП⁵.

Экономический анализ в странах с развитыми формами государственно-частного партнерства (Соединенное Королевство, Австралия, Канада и другие), выявляет возникновение новых проблем с инвестированием. Специалисты в сфере проектов ГЧП отмечают, что действующая система международного инвестирования проектов часто опирается на займы в форме облигаций, что не позволяет ей осуществлять свои функции. Их должны заменить банковские займы, но возможность использования их в проектах ограничена из-за неблагоприятных условий финансирования, в том числе в связи с неопределенностью последствий.

В некоторых секторах Соединенного Королевства (муниципальный транспорт, образование, здравоохранение, переработка отходов и вторичного сырья), где традиционно полагались на схему PFI (Private Finance Initiative) и (PF2) (Private Finance 2)⁶, в настоящее время отсутствуют какие-либо перспективы для дальнейшего привлечения международных инвестиций. Показательно, что проблемы в финансовой сфере частного инвестора лондонского метрополитена Metronet заставили сомневаться в основе государственно-частного партнерства, когда частный инвестор делит риски проекта с государством. Современная ситуация в отношении международного инвестирования проектов ГЧП (PFI, PF2) в Соединенном Королевстве такова, что в скором времени может возникнуть дефицит капитала для финансирования «частной финансовой инициативы». Это может привести, по мнению Джона Тизарда, к увеличению стоимости капитала в проектах PFI

---

⁴ Public-private partnership scheme fails: (2008), The Irish Times December 11, 2008, available at: <https://www.irishexaminer.com> (Accessed 3 July 2019).

⁵ Transport Ministry drafts alternative to PPP highway projects (2009). Slovak Spectator 7 Jan 2009. Electronic Resources: finding resources by subject [Online], Retrieved from: http://www.spectator.sk/articles/view/34022/10/transport_ministry_drafts_alternative_to_ppp_highway_projects.html (Accessed 3 July 2019).

⁶ Infrastructure Finance – surviving the Credit Crunch (2008) Electronic Resource: finding resources by subject [Online], available at: <https://www.pwc.com/ng/en/pdf/surviving-the-credit-crunch.pdf> (Accessed 3 July 2019).

и нарушению соотношения качества и цены, планируемые при проектировании⁷.

Инвестиционная привлекательность проектов ГЧП для иностранных инвесторов может снижаться также из-за сомнения в возможности долговременных партнерских отношений с правительственными структурами Соединенного Королевства и резкого спада ожидаемых поступлений от проектов, например, с 10 млрд 2016 году до 1 млрд фунтов в 2018 г. Длительный спад связан с тем, что, например, 2017/2018 годы истекли сроки контрактов, и это привело к уменьшению платежей⁸.

Особенности взаимодействия инвесторов в проектах ГЧП

Международных инвесторов особенно беспокоят процедуры взыскания на заложенное имущество и его реализацию из-за использования в практике концепции субординации требований кредиторов. Их очередность регулируется актуальным законодательством и вводит такую классификацию инвесторов как «старшие» и «младшие» с соответствующими правами очередности, при этом активизируются механизмы перекредитования младших кредиторов от старших по более низкой цене. В связи с этим целесообразным становится заключение соглашения между кредиторами в рамках проектного финансирования и определения очередности своих требований, поскольку финансирование крупного проекта ГЧП обычно включает больше одного кредитора [Офин, Протооров 2016].

В условиях, например, российских реалий и особой волатильности валютного рынка минимизация таких рисков остается сомнительной. Наиболее значимым для практики международного инвестирования социальных проектов ГЧП в целом можно считать проблему отсутствия защиты в случае форс-мажора и изменения законодательства.

---

⁷ Hall, D. (2009), "A crisis for public for public-private partnerships (PPPs)?" Public Services International Research Unit (PSIRU). January 2009. Electronic Resource: finding resources by subject [Online], available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/67412.pdf> (Accessed 3 July 2019).

⁸ Private Finance Initiative (PF2), Private Finance 2 (PF2) (2018), available at: <https://www.gov.uk/government/publications/private-finance-initiative-pfi-and-private-finance-2-pf2-budget-2018-brief> (Accessed 2 July 2019). <https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2018/01/PFI-and-PF2.pdf>.

В то же время можно констатировать не только характерную дуалистичность природы ГЧП, но и определенную амбивалентность характерных черт и проявлений ГЧП (например, эффект «отложенной оплаты» и гибкость проектов).

Выводы

Таким образом, на основе обзора международного инвестирования проектов ГЧП в кризисные и посткризисные периоды, выявлении связанных с этим преимуществ, проблем и рисков можно сформировать несколько обобщений. Во-первых, государственно-частного партнерства продолжает функционировать, несмотря на то что были выявлены его слабые места в условиях глобального кризиса финансовой системы. Впрочем, более точные выводы о недостатках и достоинствах данной системы финансирования проектов развития инфраструктуры и инноватики можно будет сделать только через некоторое время – сейчас этому мешает «абберация близости». Во-вторых, наиболее уязвимыми к факторам глобальной нестабильности оказались долгосрочные и финансовоемкие проекты ГЧП. Проблемы с распределением рисков проектов, связанных с масштабными затратами ресурсов и времени, являются иллюстрацией недостатков в сложившейся ситуации. Это важно при построении системы ГЧП в России, особенно, зная склонность органов государственной власти до кризиса к гигантизму проектов. В-третьих, при разработке новых проектов ГЧП особое внимание следует уделять прогнозированию «загрузки» создаваемого социального объекта. Это особенно актуально для строительства инфраструктурных объектов социального назначения. В-четвертых, государству необходимо провести значительный объем работ, чтобы «раскрутить маховик» международного инвестирования проектов ГЧП при отсутствии возможности у частных компаний получать дешевые кредиты. Государственные меры должны включать связанный комплекс действий по нормативно-правовой поддержке бизнеса (кроме финансовых преференций). Подытоживая, отметим, что максимально результативное использование преимуществ и уменьшение или полное элиминирование проблем и рисков в процессе международного инвестирования проектов ГЧП, по нашему мнению, требует, с одной стороны, применения адекватных финансовых моделей, индивидуализированных под каждый проект ГЧП, а с другой – формирования условий эффективной реализации модели международного инвестирования каждого отдельного социального проекта ГЧП. Они включают: во-первых, дорожные карты, положительно мотивированные системы сбалан-

сирования инвестиционных интересов участников ГЧП; во-вторых, профессиональное решение вопроса повышения инвестиционной привлекательности социальных проектов, применяя наряду с перспективным анализом эффективности прогноз и текущий мониторинг условий и влияния на реализацию проектов; в-третьих, ориентир на синергию государственных стратегий устойчивого развития и партнерства государства с частным сектором, включая мощные глобальные корпорации; в-четвертых, раскрытие ключевых точек роста экономики для решения важных социально-экономических проблем.

Литература

- Архипова, Родионов 2015 – *Архипова Н.И., Родионов И.И.* Изменение содержания и роли факторов производства как источника конкурентоспособности в современном мире // Вестник РГГУ. Серия: «Экономика. Управление. Право». 2015. № 1 (1). С. 9–16.
- Макеева 2017 – *Макеева В.Г.* Проектные офисы в системе институтов развития инновационной экономики // Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения: Сборник научных статей V Международной научной конференции. М.: Гос. ун-т управления, 2017. С. 207–210.
- Малинина 2009 – *Малинина Е.В.* Эффективность национальной политики в условиях финансовой глобализации: валютный аспект // Вестник РГГУ. Серия: «Экономика». 2009. № 3. С. 228–236.
- Офин, Провоторов 2016 – *Офин В.П., Провоторов И.А.* Преимущества и недостатки привлечения иностранных инвесторов к проектам государственно-частного партнерства в Российской Федерации // Вестник гражданских инженеров. Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. 2016. № 5 (58). С. 195–200.
- Федорова, Минченкова 2019 – *Федорова Н.В., Минченкова О.Ю.* Подходы к оценке ценности социальных проектов // Знание, понимание, умение. 2019. № 1. С. 192–200.
- Cervero 2004 – *Cervero R.* Transit-oriented development in the United States [Электронный ресурс] // TCRP Report 102, TRB, pp. 120–130. URL: <https://www.nap.edu/read/23360/chapter/1> (дата обращения 3 июля 2019).
- March 2007 – March, J.W. (2007), User Guidebook on Implementing Public-Private Partnerships for Transportation Infrastructure Projects in the United States. Transportation PPP User Guidebook”, *Industry and Economic Analysis Team Office of Policy and Governmental Affairs Federal Highway Administration (FHWA)*, Washington.
- Pakkala 2002 – *Pakkala P.* Innovative Project Delivery Methods for Infrastructure: An International Perspective. Helsinki: Finnish Road Enterprise, 2002.

References

- Arkhipova, N.I. and Rodionov, I.I. (2015), “Changing the contents and role of factors of production as a source of competitiveness in the modern world”, *RSUH/RGGU BULLETIN. “Economics. Management. Law” Series*, no. 1(1), pp. 9-16.

- Cervero, R. (2004), "Transit-Oriented Development in the United States", *TCRP Report 102*, TRB, pp. 120-13 [Online], available at: <https://www.nap.edu/read/23360/chapter/1> (Accessed 3 July 2019).
- Fedorova, N.V., Minchenkova, O.Y. (2019), "Approaches to the Value Assessment of Social Projects", *Knowledge, understanding, skill*, no. 1, pp. 192-200.
- Makeeva, V.G. (2017), "Design offices in the system of institutions for the development of an innovative economy", *Institutsional'naya ekonomika: razvitie, prepodavanie, prilozheniya*: Sbornik nauchnykh statei V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Institutional Economics: development, teaching, applications, Collection of scientific articles of the V International scientific conference], State U-ty of Management, Moscow, pp. 207-210.
- Malinina, E.V. (2009), "National policy effectiveness under financial globalization: currency aspect", *RGGU Bulletin. "Economics" Series*, no. 3, pp. 228-236.
- March, James W. (2007), "User Guidebook on Implementing Public-Private Partnerships for Transportation Infrastructure Projects in the United States. Transportation PPP User Guidebook", *Industry and Economic Analysis Team Office of Policy and Governmental Affairs Federal Highway Administration (FHWA)*, Washington, p. 145.
- Ofin, V.P. and Provotorov, I.A. (2016), "Advantages and disadvantages of attracting foreign investors to public-private partnership projects in the Russian Federation", *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov. Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi arkhitekturno-stroitel'nyi universitet* [Bulletin of civil engineers. St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering], no. 5 (58), pp. 195–200.
- Pakkala, P. (2002), "Innovative Project Delivery Methods for Infrastructure International Perspective", *Finnish Road Enterprise*, Helsinki, p. 32.

Информация об авторах

Наталья В. Федорова, кандидат экономических наук, доцент, Московский гуманитарный университет, Москва, Россия; 111395, Москва, ул. Юности, 5, корп. 3; kafedra612@mail.ru

Ольга Ю. Минченкова, доктор экономических наук, профессор, Московский гуманитарный университет, Москва, Россия; 111395, Москва, ул. Юности, 5, кор. 3; kafedra612@mail.ru

Виктория Г. Makeeva, кандидат экономических наук, доцент, Государственный университет управления, Москва, Россия, 109542; Москва, Рязанский пр-т, 99; kafedra612@mail.ru

Information about the authors

Natalya V. Fedorova, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian; bld. 3, Yunosti St., Moscow, Russia, 111395; kafedra612@mail.ru

Olga Y. Minchenkova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian; bld. 3, Yunosti St., Moscow, Russia, 111395; kafedra612@mail.ru

Viktoria G. Makeeva, Cand. Sci. (Economics), associate professor, State University of Management, Moscow, Russia; bld. 99, Ryazanskiy av., Moscow, Russia, 109542; kafedra612@mail.ru

Методологический подход к оценке эффективности экономической интеграции стран-членов СНГ

Татьяна И. Кузьмина

*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
Москва, Россия, Kuzmina.TI@rea.ru*

Наталья П. Савина

*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
Москва, Россия, Savina.NP@rea.ru*

Аннотация. Статья основана на анализе существующих научно-методологических подходов к реализации направлений формирования интеграционного потенциала и оценке экономической эффективности интеграционных объединений, представленных в трудах зарубежных и отечественных авторов, а также в отчетах и докладах международных организаций. Проведенное исследование позволило установить, что предлагаемые методики не удовлетворяют потребностям всесторонней и комплексной оценки эффективности интеграции, а выводы, получаемые на их основе, могут показывать разнонаправленные результаты. Было доказано, что темпы роста внутри интеграционной торговли превышают темпы роста торговли стран-участниц СНГ с третьими странами, т. е. эффекта отклонения торговли не наблюдается. Предложен алгоритм проведения оценки экономической эффективности интеграции на примере Содружества Независимых Государств с использованием системы оценки показателей.

Ключевые слова: союзные государства, коэффициент эффективности интеграции, оценка торговых эффектов, система оценки показателей интеграции

Для цитирования: Кузьмина Т.И., Савина Н.П. Методологический подход к оценке эффективности экономической интеграции стран-членов СНГ // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 78–91. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-78-91

© Кузьмина Т.И., Савина Н.П., 2019

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР на тему: «Разработка методологии расширения торгово-экономического взаимодействия со странами-участницами Содружества Независимых Государств (СНГ) в условиях антироссийских санкций». Приказ № 944 от 25.06.2019.

Methodological approach to evaluating the effectiveness of economic integration of CIS member states

Tatiana I. Kuzmina

*Plekhanov Russian University of Economics; Stremyanny lane 36,
Moscow, 117997, Russia, Kuzmina.TI@rea.ru*

Natalia P. Savina

*Plekhanov Russian University of Economics; Stremyanny lane 36,
Moscow, 117997, Russia, Savina.NP@rea.ru*

Abstract. This article is based on the analysis of existing scientific and methodological approaches to the ways of forming the integration potential and to the assessment of the economic efficiency of the integration associations presented in the works of foreign and Russian authors, as well as in the accounts and reports of international organizations. The study made it possible to establish that the proposed methods do not satisfy the needs of a comprehensive and integrated assessment of the effectiveness of integration, and the conclusions drawn on their basis can show mixed results. It was proved that the growth rate within the integration trade exceeds the growth rate of trade of the CIS countries with third countries, i.e. there is no effect of the trade diversion. An algorithm is proposed for assessing the economic efficiency of integration using the example of the Commonwealth of Independent States using a performance evaluation system.

Keywords: Union states, integration efficiency coefficient, assessment of trade effects, system for assessing integration indicators

For citation: Kuzmina, T.I. and Savina, N.P. (2019), "Methodological approach to the evaluation of the efficiency of economic integration of the CIS member states", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 4, pp. 78-91, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-78-91

Современные международные экономические отношения характеризуются ростом числа интеграционных объединений и региональных соглашений, а также расширением круга их участников и спектра решаемых проблем. В основе этих процессов, с одной стороны, происходит усиление взаимосвязей и взаимозависимости стран, а с другой – усиливается неравенство в доходах между странами. Более того, одни интеграционные объединения успешно развиваются не одно десятилетие, другие (как на Африканском континенте) продолжают существовать только на бумаге. Поэтому проблемы, связанные с исследованием методологических подходов к оценке эффективности экономической интеграции государств-участников объединений и формирования механизма повышения эффекта их взаимодействия, продолжают оставаться актуальными.

Значительная роль в разработке методологических подходов к определению критериев экономической интеграции и оценке интеграционных эффектов принадлежит международным экономическим организациям: Всемирному банку (Доклады о мировом развитии), Всемирной торговой организации (Отчеты о мировой торговле), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (Проекты «Региональная интеграция: наблюдаемые торговые и другие экономические последствия»), Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) (Ежегодные доклады о торговле и развитии) и др.

Подходы к оценке и анализу эффектов и последствий интеграции в разрезе конкретных региональных интеграционных объединений представлены в работах российских и зарубежных авторов. Существенный вклад в исследование интеграционных процессов на постсоветском пространстве внес авторский коллектив кафедры мировой экономики «Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова» под руководством члена-корреспондента РАН Р.И. Хасбулатова [Хасбулатов 2015].

Однако наиболее признанными теориями по оценке экономических эффектов интеграции являются теории Джекоба Вайнера и британского экономиста Дж. Мида, которые могут быть применимы к Таможенному союзу (ТС) Содружества Независимых Государств (СНГ).

В качестве основных эффектов интеграции Дж. Вайнер выделяет, во-первых, переориентацию торговли и, во-вторых, эффект отклонения торговли. Он полагал, что основной целью Таможенного союза и главным результатом (положительным или отрицательным) его функционирования может стать изменение источников поставки товаров [Viner 1937]. По мнению автора, если в результате создания Таможенного союза спросом со стороны стран-участниц пользуются товары, произведенные с наименьшими издержками за пределами ТС, то можно считать, что Таможенный союз движется к фритредерству и не возникает эффекта отклонения торговли. В случае реализации протекционистской политики странами-участницами ТС с использованием высоких ставок ввозных таможенных пошлин, более дешевые импортные товары ограничены в доступе на внутренний рынок и возникает спрос на продукцию, произведенную с большими издержками в странах-членах союза. В результате возникает эффект отклонения торговли, который выражается в сокращении объема доходов стран-членов от ввозных таможенных пошлин, что негативно сказывается на благосостоянии населения ТС.

Проанализируем данные эффекты на примере СНГ в период 2000–2018 гг. [Moiseev, Demenko, Savina 2019]. В таблице 1 представлены данные о динамике внешней торговли внутри интеграционного объединения и с третьими странами.

Таблица 1

Динамика внешней торговли стран-участниц СНГ: внутри интраэкономного объединения и с другими странами (не входящими в интраэкономное объединение), млн долл. США

Страны СНГ	2000 г.				2017 г.				2018 г.			
	всего	в том числе			всего	в том числе			всего	в том числе		
		страны СНГ	другие страны	другие страны		страны СНГ	другие страны	другие страны		страны СНГ	другие страны	другие страны
Экспорт												
Азербайджан	1744	235	1510	13812	1050	12762	18 320,4	1098,8	17221,2			
Армения	301	73	227	2238	595	1643	1692,8	470,6	1222,0			
Беларусь	7325	4399	2927	29 240	17 493	11 747	15 003	8176,6	6826,4			
Казахстан	8813	2337	6475	48 503	8299	40204	51500,9	7982,6	43 518,3			
Кыргызстан	512	214	297	1764	722	1042	977,9	463,1	514,8			
Молдова	473	276	196	2425	463	1962	2 290,9	522	1768,9			
Российская Федерация*	102	13,8	89,3	357,8	48,1	309,7	395,3	47,8	347,5			
Таджикистан	785	374	410	1198	431	767	543	268,2	274,8			
Узбекистан	3264	1172	2093	12554	4080	8474	7 452,6	2504,1	4948,5			
Украина	14 572	4498	10 075	43 265	6917	36 348	40 312,9	4756,1	35 556			
Всего по СНГ, млрд долл. США	137,7	26,3	111,4	500,3	84,1	416,2	533, 4	82,1	451,3			

Окончание табл.

Страны СНГ	2000 г.			2017 г.			2018 г.		
	всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе	
		Страны СНГ	другие страны		Страны СНГ	другие страны		Страны СНГ	другие страны
Импорт									
Азербайджан	1172	375	797	8782	2396	6386	8602,8	2150,7	6452,1
Армения	885	174	711	4097	1348	2749	3472,3	1041,7	2430,6
Беларусь	8646	6070	2576	34 235	21 071	13 164	14 113,7	8934	5179,7
Казахстан	5040	2732	2308	29 600	14 132	15 468	17 676,9	8078,3	9598,6
Кыргызстан	558	302	256	4495	2083	2412	2904,9	1185,2	1719,7
Молдова	776	260	516	4831	1206	3625	4 315	1083	3232
Российская Федерация	33,9	11,6	22,3	227,5	24,9	202,6	212,0	23,3	188,7
Таджикистан	675	560	115	2775	1656	1119	1333	769,1	563,9
Узбекистан**	2947	1125	1822	14013	5005	9008	11158,6	3972,5	7186,1
Украина	13 956	8040	5916	49 607	11478	38 129	43 929,6	10 147,8	33 781,8
Всего по СНГ, млрд долл. США	65,6	30,1	35,5	365,9	80,3	285,6	319,5	72,8	264,7

Сальдо торгового баланса										
Азербайджан	573	-140	713	5030	-1346	6376	9717,6	-1052	10 769,1	
Армения	-585	-101	-484	-1859	-753	-1106	-1779,5	-571,1	-1204,9	
Беларусь	-1320	-1671	351	-4995	-3578	-1417	889,3	-757,4	1646,7	
Казахстан	3772	-395	4167	18 903	-5833	24 736	33 824	-95,7	36 919,7	
Кыргызстан	-47	-88	41	-2731	-1361	-1370	-1927	-1092	-1809	
Молдова	-304	16	-320	-2406	-743	-1663	-2024,1	-561	-1463,1	
Российская Федерация	69,2	2,2	67,0	130,3	23,2	107,1	183,3	24,5	158,8	
Таджикистан	109	-186	295	-1577	-1225	-352	-790	-500,9	-289,1	
Узбекистан	318	47	271	-1459	-925	-534	-3706	-158	-2237,6	
Украина	617	-3542	4159	-6342	-4561	-1781	-3616,7	-5391,7	1774,2	
Всего по СНГ, млрд долл. США	72,1	-3,8	75,9	134,4	3,8	130,6	213,9	27,3	186,6	

* Данные по России в млрд долл. США.

** Данные по Узбекистану включают торговлю услугами.

Составлено авторами по материалам: «Годовые макроэкономические показатели СНГ», <http://www.cisstat.com/rus/macro02.htm>; Интернет-портал СНГ «Информация о развитии внешнеторговых отношений государств – участников СНГ в 2018 году» <https://e-cis.info/cooperation/3108/>

Анализ данных, представленных в табл. 1, показывает что за рассматриваемый период наблюдается значительное (428%) увеличение объемов экспорта стран Содружества Независимых Государств в третьи страны, и снижение на 76,9% импорта, при этом сальдо торгового баланса демонстрирует рост на 143,3%. Если сравнить аналогичные показатели с динамикой взаимной торговли стран-участниц СНГ, то рост объемов экспорта за анализируемый период увеличился на 324%, а импорта – на 266,4%. При этом если рассматривать по отдельным странам-членам СНГ, то зависимость от внутриинтеграционной торговли в 2018 г. наблюдается только: по экспорту у Беларуси (58%), Кыргызстана (42%), Армении и Таджикистана (26%); по импорту у Беларуси (61%), Таджикистана (49%), Кыргызстана, Казахстана (46%) и 11% – у России. Полученные результаты свидетельствуют о том, что темпы роста внутриинтеграционной торговли превышают темпы роста торговли стран-участниц СНГ с третьими странами. Следовательно, эффекта отклонения торговли не наблюдается. И в соответствии с теорией Дж. Вайнера, в деятельности СНГ очевидны положительные последствия создания Таможенного союза (ТС).

Ответить на вопрос Дж. Вайнера «Как соотносить потери и выгоду, возникающие в результате создания таможенного союза» пытался и британский экономист Дж. Мид¹ в своей работе «Trade and Welfare» [Мид 1955]. По мнению автора, отмена пошлин внутри таможенного союза «может отвлечь» страны, входящие в его состав, от дешевого иностранного импорта и приведет к расширению объемов взаимной торговли. Если рассматривать этот эффект Дж. Мида применительно к СНГ, то несмотря на отмену пошлин на ряд товарных групп в странах-членах Содружества², процесса «отвлечения» стран-участниц от внешней торговли со странами, не входящими в ТС, не происходит. Наоборот, исследуя динамику экспорта и импорта стран-участниц СНГ с третьими странами с 2000 г. по 2018 г., представленную на рисунках 1 и 2, можно утверждать о наличии сформировавшейся тенденции на ослабление внешнеторгового взаимодействия стран-членов Содружества внутри ТС и усилении этого взаимодействия со странами, не входящими в Таможенный союз [Навроцкая, Сопилко, Ковальчук 2015].

---

¹ Английский экономист, лауреат Нобелевской премии 1977 г. «За первопроходческий вклад в теорию международной торговли и международного движения капитала». Член Британской академии, иностранный член Национальной академии наук США.

² Страны СНГ договорились об отмене пошлин. См.: <https://www.zakon.kz/178682-strany-sng-dogovorilis-ob-otmene-poshlin.html>

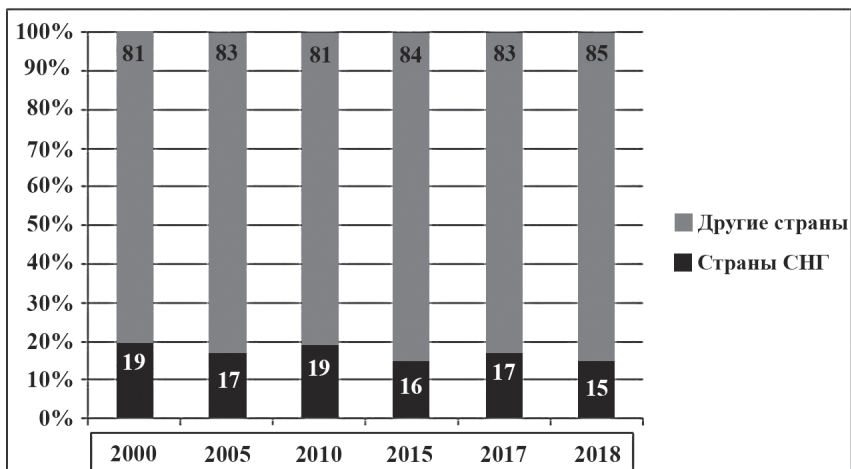

Рис. 1. Доля стран СНГ и других стран мира (не входящих в интеграционное объединение) в общем объеме импорта отдельных стран Содружества, %
 Составлено авторами по материалам: «Годовые макроэкономические показатели СНГ»: <http://www.cisstat.com/rus/macro02.htm>

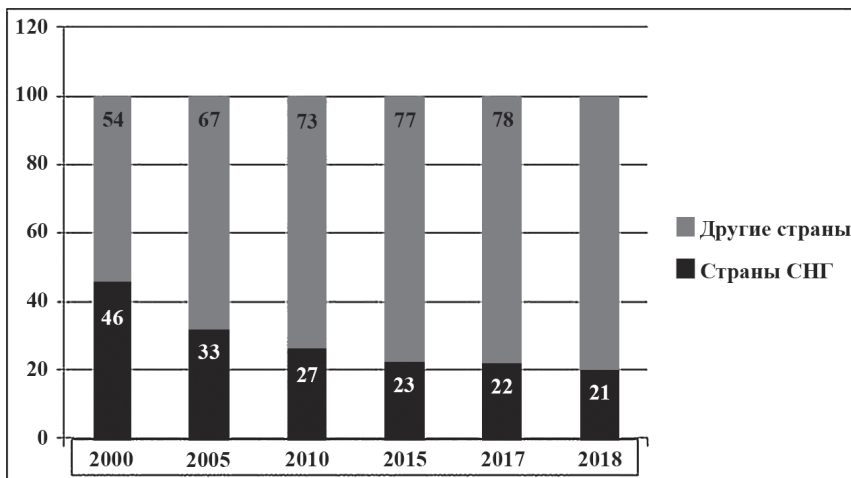

Рис. 2. Доля стран СНГ и других стран мира (не входящих в состав интеграционного объединения) в общем объеме импорта отдельных стран Содружества, %
 Составлено авторами по материалам: «Годовые макроэкономические показатели СНГ»: <http://www.cisstat.com/rus/macro02.htm>

Рассмотренные подходы к оценке эффективности экономической интеграции противоречивы и в большей мере ориентированы на оценку торговых эффектов, возникающих вследствие отмены или снижения таможенных пошлин внутри интеграционной группировки и связанных с этим изменений издержек производства [Сопилко 2015; Малинина 2009].

Однако интеграция стран Содружества в настоящее время охватывает не только сферу торгового и таможенно-тарифного регулирования, но и ряд других сфер. Например, на основе опыта ЕАЭС по созданию единого цифрового пространства [Кузьмина 2018]. В СНГ стартовал проект создания единого инновационного пространства Содружества³ [Demenko, Savina, 2019]. Первым успешно решаемым этапом реализации проекта является интеграции национальных систем НТИ (научно-технической информации) в единое информационное пространство⁴.

Значимыми для углубления интеграционных процессов являются мероприятия по усилению устойчивости валютно-финансовой сферы государств-участников СНГ и снижения рисков в валютно-финансовой сфере стран Содружества, «...последовательно вводятся единые требования к банковскому капиталу, совершенствуются подходы банковского надзора, что обеспечивает сбалансированное управление банковскими рисками и системами внутреннего банковского контроля»⁵. Следует отметить, что для оптимизации расходов на осуществление банковского надзора активно используются опыт ЦБ России по автоматизации бизнес-процессов надзорной деятельности. Другой инициативой Банка России является организация электронного обмена информацией с кредитными организациями и другими поднадзорными организациями, что существенно упрощает и ускоряет процесс сбора данных, нивелируя проблемы, связанные с территориальной удаленностью банков [Kobersy, Kuzmina, Ismagilova, Volkova 2016].

Для углубления интеграционных связей существенное значение имеет развитие межрегионального и приграничного сотрудничества стран-членов Содружества, развитие которого основано на

---

³ Интернет-портал СНГ. О состоянии электронных информационных ресурсов поддержки инновационной деятельности в государствах – участниках СНГ: <https://e-cis.info/cooperation/3210/>

⁴ Интернет-портал СНГ «О ходе реализации Соглашения о сотрудничестве в сфере межгосударственного обмена научно-технической информацией от 30 мая 2014 года» <https://e-cis.info/cooperation/3210/>

⁵ О регулятивных режимах в сфере банковского регулирования и надзора в государствах-участниках СНГ В 2018–2019 годах // Интернет-портал СНГ [Электронный ресурс]. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3079/>

исторически сложившихся социально-экономических связях регионов стран СНГ, природно-ресурсное и социально-экономическое размещение территорий и т. п. [Подбиралина 2016]⁶. Все реализуемые в рамках Содружества мероприятия и проекты оказывают влияние на экономическое развитие стран-участниц (табл. 2).

Результаты анализа динамики ВВП Содружества Независимых Государств за анализируемый период (с 2010 по 2018 г.) показывают положительную динамику (увеличение на 135,1%). Одновременно все страны Содружества демонстрируют положительную динамику ВВП, за исключением Армении, Беларуси, Казахстана

Таблица 2

Динамика экономического развития стран-участниц СНГ, %

Страны – члены Содружества Независимых Государств	Значение показателя ВВП					
	к предыдущему году			к 2010 г.		
	2016	2017	2018	2016	2017	2018
Республика Армения	99,8	107,2	105,0	111,0	119,0	121,0
Республика Азербайджан	96,9	100,7	104,8	101,2	101,9	106,7
Республика Беларусь	97,5	102,4	103,0	103,4	105,9	108,9
Республика Казахстан	99,6	102,6	102,7	127,0	129,2	131,9
Республика Кыргызстан	102,4	102,6	101,6	132,4	135,0	136,6
Республика Молдова	104,6	104,7	104,2	127,0	131,7	135,9
Российская Федерация	99,6	101,4	102,2	103,0	104,4	106,6
Республика Таджикистан	104,4	104,5	104,5	150,0	154,5	159,0
Республика Туркмени- стан	104,4	107,7	104,5	175,0	182,7	187,2
Республика Узбекистан	104,5	103,5	103,5	159,0	162,5	166,0
Республика Украина	103,0	103,0	103,9	91,0	94,0	97,9
СНГ всего	101,9	103,9	103,5	127,8	131,9	135,1

Рассчитано авторами по данным: UNCTADSTAT: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>; Интернет-портал СНГ. Обзоры социально-экономического развития – <https://e-cis.info/cooperation/3208/>

⁶ Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 года // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5135>

и России в 2016 г. по причине негативного влияния экономических санкций со стороны США и ряда европейских стран. Наибольший прирост ВВП в 2018 г. (см. табл. 2) мы видим у Туркменистана и Армении – 107,7 и 107,2%, соответственно, далее с небольшим отставанием следуют республики Азербайджан (104,8), Молдова (104,7%), Таджикистан и Туркменистан (104,5%). А замыкает «рейтинг» республика Кыргызстан, где величина роста рассматриваемого показателя в 2018 г. составила 101,6%. Несмотря на различные темпы прироста ВВП, полученные результаты отражают тот факт, что участие государств-членов СНГ в интеграционном объединении приводит к улучшению их экономического развития и, как следствие, к росту благосостояния населения [Дынкин, Телегина, Халова 2018].

Напрашивается вывод о том, что для повышения объективности и комплексности оценки экономической эффективности интеграции система оценочных индикаторов должна состоять не только из оценки эффективности экономической интеграции Содружества Независимых Государств в целом, но и включать оценку эффективности участия каждого государства в интеграционном объединении [Хасбулатов 2019]. Для комплексной оценки эффективности участия стран Содружества в интеграционном объединении предлагается использовать показатели, всесторонне характеризующие макроэкономическую стабильность государств-членов; экономический рост в странах [Греченко, Деменко, Савина 2018], а также анализ достигнутого уровня конкурентоспособности национальной экономики как своеобразного индикатора, отражающего степень устойчивости развития всех сфер экономики и качества жизни населения в государстве в сравнении с общемировыми достижениями (табл. 3) [Kuzmina 2017].

Таблица 3

Показатели комплексной оценки экономической эффективности участия стран СНГ в интеграционном объединении

Направление оценки	Показатели
Макроэкономическая стабильность	– дефицит консолидированного бюджета сектора государственного управления; – долг сектора государственного управления; – уровень инфляции (индекс потребительских цен)
Экономический рост	ВВП на душу населения
Конкурентоспособность национальной экономики	– Рейтинг страны в «The Global Competitiveness Report»* – Рейтинг страны в «Doing Business»**

* Ежегодное исследование Всемирного экономического форума, публикуемое в докладе «Отчет о глобальной конкурентоспособности».

** Ежегодное исследование Всемирного Банка, публикуемое в докладе «Ведение бизнеса».

Предлагаемый методологический подход позволяет комплексно подойти к вопросу проведения оценки эффективности экономической интеграции, как с точки зрения достижения экономической интеграции СНГ, так и с позиции экономической целесообразности участия государств-членов интеграционного объединения.

Литература

- Гретченко, Деменко, Савина 2018 – *Гретченко А.А., Деменко О.Г., Савина Н.П.* Оценка готовности экономики России к внедрению цифровых технологий // Плехановский научный бюллетень. 2018. № 2 (14). С. 14–20.
- Дынкин, Телегина, Халова 2018 – *Дынкин А., Телегина Е., Халова Г.* Роль Евразийского экономического союза в формировании большой Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 4. С. 5–24.
- Кузьмина 2018 – *Кузьмина Т.И.* Проблемы и перспективы формирования цифрового пространства ЕАЭС // Современная экономика: концепции и модели инновационного развития: IX Междунар. науч.-практ. конф. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. С. 341–346.
- Малинина 2009 – *Малинина Е.В.* Эффективность национальной политики в условиях финансовой глобализации: валютный аспект // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2009. № 3. С. 228–236.
- Навроцкая, Сопилко, Ковальчук 2015 – *Навроцкая Н.А., Сопилко Н.Ю., Ковальчук М.В.* Регионализация в условиях постглобального экономического развития // Вестник РУДН. Серия «Экономика». 2015. № 4. С. 7–15.
- Подбиралина 2016 – *Подбиралина Г.В.* Основные направления внешнеторгового сотрудничества стран Евразийского экономического союза // Международная торговля и торговая политика. 2016. № 1 (5). С. 15–26.
- Сопилко 2015 – *Сопилко Н.Ю.* Производственные связи и региональная интеграция: теоретические аспекты. М.: РУДН, 2015.
- Хасбулатов 2015 – *Хасбулатов Р.И.* Позиции России на новом этапе международной интеграции: Коллективная монография. М.: Ваш формат, 2015.
- Хасбулатов 2019 – *Хасбулатов Р.И.* Международная и континентально-региональные экономические рекомендации: формы, типы, противоречия. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2019.
- Demenko, Savina, 2019 – *Demenko O.G., Savina N.P.* Program for the development of the digital economy: Challenges and prospects // *Espacios*. 2019. Vol. 40 (Number 25), P. 25.
- Kobersy, Kuzmina, Ismagilova, Volkova 2016 – *Kobersy I.S., Kuzmina T.I., Ismagilova T.V., Volkova Y.S.* The impact of the Global Financial Crisis on Russia's Cooperation with the Countries of EurAsES // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. 6 (SI). P. 300–306.
- Kuzmina 2017 – *Kuzmina T.I.* Current state and prospects of innovative cooperation among the countries members of the EEU // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 141–143.

- Кузьмина 2018 – *Кузьмина Т.И.* Проблемы и перспективы формирования цифрового пространства ЕАЭС // Современная экономика: концепции и модели инновационного развития: IX Междунар. науч.-практ. конф. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. С. 341–346.
- Meade 1955 – *Meade J.E.* Trade and Welfare. London: Oxford University Press, 1955. P. 47–49.
- Moiseev, Demenko, Savina 2019 – *Moiseev N.A., Demenko O.G., Savina N.P.* Computation of reliable interval forecast for dynamic averaging of economic time series regression models // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2019. T. 10. № 2. P. 1594–1602.
- Viner 1937 – *Viner J.* Studies in the Theory of International Trade. A.M. Kelley, New York; London: Harper, 1937. P. 129–137.

References

- Demenko, O.G. and Savina, N.P. (2019), “Program for the development of the digital economy: Challenges and prospects”, *Espacios*, vol. 40, no. 25.
- Dynkin, A., Telegina, E. and Khalova, G. (2018), “The role of the Eurasian economic union in the formation of great Eurasia”, *World Economy and International Relations*, no. 4, pp. 5-24.
- Gretchenko, A.A., Demenko, O.G. and Savina, N.P. (2018), “Otsenka gotovnosti ekonomiki Rossii k vnedreniyu tsifrovyykh tekhnologii” [Assessment of the readiness of the Russian economy for the introduction of digital technologies], *Plekhanovskii nauchnyi byulleten'*, no. 2 (14), pp. 14-20.
- Khasbulatov, R.I. (2015), *Pozicii Rossii na novom e'tape mezhdunarodnoj integracii: kollektivnaya monografiya* [Russia's positions at the new stage of international integration], Vash format, Moscow, Russia.
- Khasbulatov, R.I. (2019), *Mezhdunarodnaya i kontinental'no-regional'nye ekonomicheskie rekomendacii: formy, tipy, protivorechiya* [International and Continental-Regional Economic Recommendations: Forms, Types, Contradictions], Plekhanov Russian Economic University, Moscow, Russia.
- Kobersy, I.S., Kuzmina, T.I., Ismagilova, T.V. and Volkova, Y.S. (2016), “The Impact of the Global Financial Crisis on Russia's Cooperation with the Countries of EurAsES”, *International Journal of Economics and Financial Issues*, 6 (SI), pp. 300-306.
- Kuz'mina, T.I. (2018), “Problemy` i perspektivy` formirovaniya cifrovogo prostranstva EAE`S”, *Sovremennaya e`konomika: koncepcii i modeli innovacionnogo razvitiya, IX Mezhd. nauch.-prakt. konf.* [Problems and prospects of formation of the digital space of the EAEU. Modern economy: concepts and models of innovative development. IX. science-pract. Conf.], Plekhanov Russian Economic University of Economics, Moscow, Russia, pp. 341-346.
- Kuzmina, T.I. (2017), “Current state and prospects of innovative cooperation among the countries members of the EEU”, *Azimet nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, vol. 6, no. 4 (21), pp. 141-143.
- Malinina, E.V. (2009), “The effectiveness of national policies in the context of financial globalization: the currency aspect”, *RSUH/RGGU BULLETIN. "Economics. Management. Law" Series*, no. 3, pp. 228-236.

- Meade, J.E. (1955), *Trade and Welfare*, Oxford University Press, London.
- Moiseev, N.A., Demenko, O.G. and Savina, N.P. (2019), "Computation of reliable interval forecast for dynamic averaging of economic time series regression models", *International Journal of Civil Engineering and Technology*, vol. 10, no. 2, pp. 1594-1602.
- Navrotskaya, N.A., Sopilko N.Yu. and Koval'chuk M.V. (2015), "Regionalizaciya v usloviyah postglobal'nogo ekonomicheskogo razvitiya" [Regionalization in the context of post-global economic development], *RUDN BULLETIN. Series Economics*, no. 4, pp. 7-15.
- Podbiralina, G.V. (2016), "Osnovnye napravleniya vneshnetorgovogo sotrudnichestva stran Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza" [The main directions of foreign trade cooperation of the countries of the Eurasian economic Union], *International trade and trade policy*, № 1 (5), pp. 15-26.
- Sopilko, N.Yu. (2015), *Proizvodstvennye svyazi i regional'naya integratsiya: teoreticheskie aspekty* [Industrial Relations and Regional Integration: Theoretical Aspects], Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.
- Viner, J. (1937), *Studies in the Theory of International Trade*, Harper, New York, London, pp. 129-137.

Сведения об авторах

Кузьмина Татьяна И., доктор экономических наук, профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия; 117997, Москва, Стремянный пер. 36; Kuzmina.TI@rea.ru

Савина Наталья П., кандидат экономических наук, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия; 117997, Москва, Стремянный пер. 36; Savina.NP@rea.ru

Information about the authors

Kuzmina Tatiana I., Dr. of Sci. (Economics), professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; bld. 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russia, 117997; Kuzmina.TI@rea.ru

Savina Natalia P., Cand. of Sci. (Economics), Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; bld. 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russia, 117997; Savina.NP@rea.ru

Состояние инновационной деятельности Российской Федерации: основные препятствия развития

Дарья В. Лебедева

*Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия, lena_leb-61@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены и проанализированы основные факторы, влияющие на развитие инновационной деятельности Российской Федерации, в том числе выявлены проблемы, препятствующие переходу от сырьевой экономики к инновационной для промышленного производства и деятельности в сфере телекоммуникаций; разработке компьютерного программного обеспечения, консультативных услуг в данной области и других сопутствующих услуг; деятельности в области информационных технологий. Затронут вопрос о необходимости интеграции бизнес-структур, образовательных и научных учреждений, а также государства, все это должно способствовать повышению качества подготовки выпускников, усилит уровень интеграции между заказчиками высокоспециализированных сотрудников и их производителями, в том числе развитию институциональной инфраструктуры. Выявлена необходимость трансформации нормативно-правовой базы в области регулирования инновационной деятельности на территории Российской Федерации. Автор статьи считает, что данные преобразования невозможны без процесса цифровизации, так как именно она выступает связующим элементом в преодолении отставания России от иных развитых стран.

Ключевые слова: инновационная деятельность, факторы, препятствующие инновациям, интеграция, меры стимулирования

Для цитирования: Лебедева Д.В. Состояние инновационной деятельности Российской Федерации: основные препятствия развития // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 92–104. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-92-104

Innovation activity in the Russian Federation: obstacles to development

Daria V. Lebedeva

Peoples' friendship University of Russia, lena_leb-61@mail.ru

Abstract. The article discusses and analyzes the main factors affecting the development of innovation in the Russian Federation. It identifies issues that prevent the transition from the raw material economy to the innovation one, to the industrial production and activities in the field of telecommunications; the development of computer software, the consulting services in that field and other related services; the activities in the field of information technology. The author touches upon the question of the need to integrate business structures, educational and scientific institutions, as well as the state, as a result, that should contribute to improving the quality of training the graduates, strengthen the level of integration between customers of highly specialized employees and their manufacturers, including the development of institutional infrastructure. The necessity of transformation of the regulatory framework in the field of regulation of innovative activity in the territory of the Russian Federation is revealed. The author believes that such transformations are impossible without the process of digitalization, as it acts as a connecting element in overcoming the lag of Russia from other developed countries.

Keywords: innovation activity, factors preventing innovation, integration, incentive measures

For citation: Lebedeva, D.V. (2019), "Innovation activity in the Russian Federation: obstacles to development", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 4, pp. 92–104, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-92-104

Введение

Согласно Глобальному инновационному индексу Российская Федерация занимает 46-е место по уровню инновационного развития, входя в группу стран с ВВП на душу населения выше среднего.

В рассматриваемом периоде наблюдается положительная динамика субиндекса «ресурсы инноваций», но в то же время «результаты инноваций» показывают потерю позиций России в общем рейтинге с 2015 г. на 10 пунктов. Также согласно данному рейтингу за 2019 г. Россия занимает 74-е место в рейтинге институтов, 23-е место в рейтинге человеческого капитала и исследований (human capital and research), 62-е место в инфраструктуре (infrastructure), 61-е место в уровне развития рынка (market sophistication), 35-е место в уровне развития бизнеса (business sophistication), в развитии технологий

Рис. 1. Динамика показателей Российской Федерации в Глобальном инновационном индексе за период с 2015 по 2019 г. (Количество стран: 2015 г. – 141, 2016 г. – 128, 2017 г. – 127, 2018 г. – 126, 2019 г. – 129)¹

и экономики знаний 47-е место (knowledge and technology outputs), творческий потенциал (creative outputs) – 72-е место. По сравнению с 2018 г. такие элементы инновационного рейтинга, как развитие технологий и экономики знаний, институты и творческий потенциал остались неизменными. В 2018 г. Россия занимала 22-е место в рейтинге человеческого капитала и исследований (–1 позиция), развития бизнеса – 33-е место (–2 позиции), развитие рынка – 56-е место (–5 позиций), инфраструктура – 63-е место (+1 позиция)².

За последние годы очевидны замедленные темпы роста показателей инновационной деятельности, наблюдается отставание Российской Федерации от развитых и развивающихся стран, что в целом носит негативный характер для экономики страны.

Анализ факторов, необходимых для осуществления инновационной деятельности

Согласно теории рыночного спроса, развитие инновационной деятельности происходит благодаря потребностям экономических агентов, данные потребности тесно связаны с тенденциями мирового и национального экономического развития.

Ряд российских авторов считает, что для осуществления инновационной деятельности важно «сопоставление размера совокуп-

¹ Global innovation index [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/home> (дата обращения 3 сентября 2019).

² Ibid.

ных издержек на инновации с результатами их освоения в материальном производстве и ожидаемый социальный и экономический эффект» [Барышева 2007; Сопилко, Мясникова, Шкатов 2018]. Они уделяют большое внимание соотношению спроса и предложения, так как при их равенстве происходит снижение издержек производства, и для максимизации прибыли инноваций недостаточно. При увеличении спроса возрастают издержки, дополнительно вовлекаются в производство резервы, которые компенсируются увеличением доходов от продаж. При уменьшении спроса происходит снижение цен. На практике уровень прибыли сохраняется за счет снижения издержек, но для этого также необходимо сокращаться средства, предназначенные для осуществления инновационной деятельности.

П. Друкер в своей работе «Рынок: как выйти в лидеры» [Друкер 1982] выделил основные внутренние и внешние источники, необходимые для реализации инновационных идей. К внутренним источникам он отнес: неожиданное событие, некогруэнтность, потребности совершенствования внутренних процессов, внезапные изменения в структуре отрасли или рынка. Также он отметил, что они являются более значимыми, так как существуют в рамках предприятия или отрасли. Одним из примеров неожиданного события может являться непредвиденный успех или неудача хозяйствующего субъекта. Под некогруэнтностью П. Друкер понимал несоответствие реальности и ожиданий. Последние два источника характеризуются получением новых знаний для удовлетворения потребностей и развитием новых технологий или модернизацией имеющихся. К внешним источникам относятся: демографические изменения, изменения в восприятии, настроениях и ценностных установках, а также новые знания. По мнению автора, основным внешним источником являются новые знания, так как инновации, основанные на новых знаниях, значительно отличаются высоким уровнем риска, временным периодом, уровнем требований к предпринимателю.

По мнению С.Н. Глаголева, к внешним факторам, которые влияют на развитие инновационной деятельности, относят: уровень состояния экономики, уровень развития рынка, уровень развитости международного разделения труда, рыночную и отраслевую ориентации, обеспеченность нормативно-правовой базы и государственно-правовой механизм [Глаголев 2002].

Л.В. Куляшова и Н.В. Собченко предлагают классификацию внешних факторов по характеру влияния на организацию, к прямым факторам, влияющим на организацию авторы относят акционеров, инвесторов, кредиторов, конкурентов, поставщиков и потребителей, к косвенным факторам относятся различные воздействия

на организацию (экономические, политические, технологические, социально-культурные и другие) [Куляшова, Собченко 2011].

1. По мнению К.С. Мананко [Мананко 2014], на инновационную деятельность оказывают влияние следующие факторы:

- технологические возможности. Предполагают эффективное использование ресурсов для осуществления инновационной деятельности;
- стимулы к использованию технологических возможностей. Находятся под влиянием структуры рынка и включают в себя условия спроса, уровень конкуренции, простоту входа для новых агентов;
- условия присваиваемости. Характеризуются возможностью получения экономической выгоды от осуществляемой инновационной деятельности;
- способности организации. Подразделяются на статические и динамические, примером статических способностей организации являются технологические, рыночные, организационные способности и другие. К динамическим способностям относится способность распознавания и оценки способностей организации, их использование, а также их постоянная модернизация и трансформация.

Наиболее интересна классификация факторов, влияющих на развитие инновационной деятельности, представленная у Г.Я. Беляковой и Ю.А. Чайран:

- группа факторов, объединенных в научно-технологический и образовательный аспект;
- группа факторов, объединенных в нормативно-правовой аспект;
- группа факторов, объединенных в организационный аспект;
- группа факторов, объединенных в институциональный аспект;
- группа факторов, объединенных в производственный аспект;
- группа факторов, объединенных в аспект кооперации и сотрудничества;
- группа факторов, объединенных в кадровый и социальный аспект;
- группа факторов, объединенных в маркетинговый аспект;
- группа факторов, объединенных в экономический и финансовый аспект;
- группа факторов, объединенных в информационный аспект [Белякова, Чайран 2014, с. 165].

По нашему мнению, классификация, предложенная Г.Я. Беляковой и Ю.А. Чайран, является наиболее полной, данный многофакторный подход позволяет учесть аспекты инновационной деятельности организации, которые стимулируют или препятствуют ее инновационному развитию.

Основные факторы, препятствующие инновационному развитию российской экономики

Согласно исследованиям Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» совместно с Федеральной службой государственной статистики и Министерством экономического развития Российской Федерации, основными факторами, препятствующими технологическим инновациям, по оценкам организаций промышленного производства являются: недостаток собственных денежных средств (20,5%), высокая стоимость нововведений (15,3%), высокие финансовые риски (10,3%), недостаток финансовой поддержки со стороны государства (10%).

Также низкий инновационный потенциал организаций (7,4%), недостаток квалифицированного персонала (5,4%), по видам эко-

Рис. 2. Рейтинг экономических факторов, препятствующих инновациям 2015–2017 гг. *Источник:* составлено автором на основании статистического сборника 2019 «Индикаторы инновационной деятельности»³

³ Индикаторы инновационной деятельности: Стат. сб. М., 2019. Рейтинг факторов, препятствующих инновациям. Стр. 153–154. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2019/05/06/1501882833/ii_2019.pdf (дата обращения 1 сентября 2019).

номической деятельности услуг: недостаток собственных денежных средств (10,4%), высокая стоимость нововведений (8,3%), недостаток финансовой поддержки со стороны государства (6,9%), высокие финансовые риски (5,6%).

Основными факторами, препятствующими развитию инновационной деятельности Российской Федерации, относятся к экономической группе.

Также можно выделить недостаточность законодательных и нормативных правовых документов, регулирующих и стимулирующих инновационную деятельность, неопределенность экономической выгоды от использования интеллектуальной собственности, низкий инновационный потенциал организации (для промышленного производства), недостаток квалифицированного персонала (для промышленного производства).

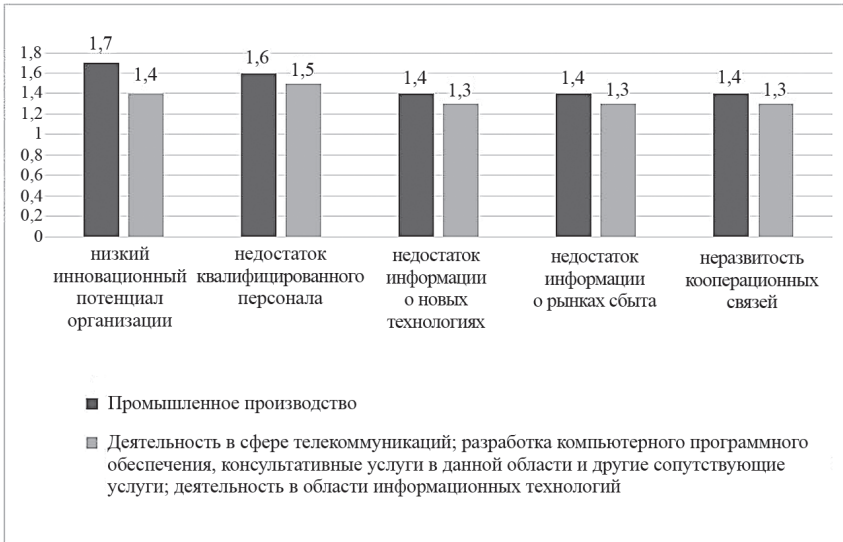

Рис. 3. Рейтинг внутренних факторов, препятствующих инновациям 2015–2017 г. *Источник:* составлено автором на основании: статистического сборника 2019 «Индикаторы инновационной деятельности»⁴

⁴ Индикаторы инновационной деятельности: Стат. сб. М., 2019. Рейтинг факторов, препятствующих инновациям. Стр. 153–154. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2019/05/06/1501882833/ii_2019.pdf (дата обращения 1 сентября 2019).

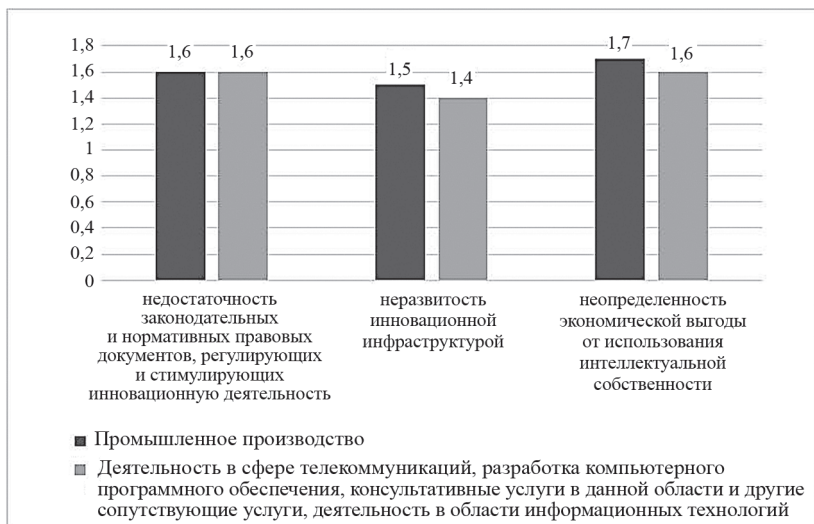

Рис. 4. Рейтинг иных факторов, препятствующих инновациям 2015–2017 гг.
 Источник: составлено автором на основании статистического сборника 2019 «Индикаторы инновационной деятельности»⁵

Более того, предприниматели не могут спрогнозировать размеры и срок отдачи инвестиций в НИОКР, в связи с тем что инвестиции приносят новые знания, которые по истечению некоторого времени могут быть трансформированы в экономический результат.

По мнению автора, преодоление данной проблемы может быть только благодаря взаимовыгодному сотрудничеству государства и производителя. Государство обладает возможностью вкладывать денежные средства в разработку инноваций, так как риски данных вложений слишком ощутимы для предпринимателя. В том числе ситуация с иностранными инвестициями только усугубляется.

По итогам 2018 года, объем прямых инвестиций (вложений иностранцев в российские компании и проекты), по данным ЦБ, составил \$1,9 млрд. Это самый низкий показатель за 11 лет, и в 14 раз меньше 2017 г.⁶

⁵ Там же. С. 153–154. URL: https://www.hse.ru/data/2019/05/06/1501882833/ii_2019.pdf (дата обращения 1 сентября 2019).

⁶ Musina A. Russia has experienced the collapse of foreign direct investment Eurasianet [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.eurasianet.org> (дата обращения 12 апреля 2019).

Полагаясь на международный опыт, увеличение инновационной активности может происходить за счет малых инновационных предприятий, развитых форм организации инновационной деятельности и передачи технологий из военной и ракетно-космической сферы в гражданскую сферу по истечению определенного срока.

По мнению многих отечественных ученых, а именно О.В. Валиевой, А.О. Баранова, Г.В. Бобылева, О.Г. Голиченко, В.Я. Горфинкель, Т.Г. Попадюк и других авторов, изменения состояния инновационной деятельности Российской Федерации допустимо при участии науки, образования и бизнеса [Баранов, Бобылев, Валиева и др. 2014; Голиченко 2017; Горфинкель 2017; Попадюк 2018].

За последние годы в России появилось множество новых бизнес-инкубаторов, технопарков, различных инновационных центров, значительная часть из них была создана при поддержке государства, более того, во многих ведущих вузах страны сформированы инновационные структуры, все это направлено на создание благоприятного инвестиционного климата и активизации инновационной деятельности в России.

Мировая практика показывает, что именно бизнес-структуры играют ключевую роль в разработке и внедрении инноваций. Доля затрат иностранных корпораций на исследования и разработки в общенациональных затратах на НИР превышает 65%, а в среднем по странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) приближается к 70%⁷.

Недостаток квалифицированного персонала обуславливается тем, что в настоящее время коммерческие структуры развиваются более динамично, чем система образования, в этой связи знания, приобретенные в высших учебных заведениях, быстро теряют свою актуальность, выпускники вузов не обладают необходимыми компетенциями, вследствие этого предприятия испытывают дефицит человеческих ресурсов. По этой причине в процессе формирования будущих кадров должны принимать участие как образовательные учреждения, так и бизнес-структуры.

В мировой практике молодежные инновации реализуются на базе университетов, лабораторий, научно-исследовательских центров и в малых инновационных компаниях [Архипова, Чернухина 2012, с. 170].

---

⁷ Expert RA [Электронный ресурс]. URL: <http://raexpert.ru/researches/expert-inno/part1> (дата обращения 14 августа 2019).

Также существует проблема с нормативно-правой базой, так как существует только Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸, проект Федерального закона № 344994-5 «Об инновационной деятельности в Российской Федерации» не вступил в силу, исходя из этого можно сделать вывод об отсутствии правовой базы, что влечет за собой возникновение риска и укрепляет безынициативность экономических субъектов [Долженкова 2012; Кабачевская 2016; Филонин 2018].

Заключение

Преодоление вышеперечисленных проблем несомненно активизирует инновационную деятельность, но существенным драйвером является цифровизация, она выступает как инструмент повышения инновационности знания, как инструмент адаптации и обработки знаний для использования в качестве ресурса инновационной деятельности, иными словами, цифровизация выступает «проводником» между человеком и материальным активом.

Необходимо понимать, что ключевыми моментами для стимулирования и развития инновационного предпринимательства России являются:

- меры поддержки инновационного предпринимательства;
- развитие инфраструктуры, которая будет выполнять обслуживающую функцию для предпринимательства, и в дальнейшем поэтапное усложнение данной инфраструктуры с целью приближения к международным лидерам;
- защита интеллектуальной собственности;
- переход к цифровой экономике.

Значимым фактором, который стимулирует инновационную активность и способствует формированию инновационной модели экономики, является высокий уровень конкуренции на товарных рынках [Новикова 2019, с. 3].

Государство должно взять на себя бразды правления в вопросе об инновациях, так как все инновационные процессы являются дорогостоящими и содержат довольно высокий процент риска. Не все

---

⁸ См.: КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/innovacionnaya_deyatelnost/

предприниматели готовы к этому, но почти точно можно заявить, что при благоприятных инновационных условиях ситуация изменится. Именно поэтому государство должно занять роль мягкого регулятора, и стимулирование должно осуществляться по средствам экономических льгот (налоговые, получение инновационных разработок и др.). В том числе создание нормативно-правовой базы для плодотворного функционирования экономических субъектов, механизмов коммерциализации инноваций и выстраивание модели «тройной спирали». Переход к цифровой экономике повысит интеграционные процессы, увеличит конкурентоспособность, стимулирует мотивацию экономических субъектов для использования инноваций, благодаря цифровизации информация становится более доступной, что дает доступ к более точному прогнозированию и сохранению финансовой устойчивости при минимизации издержек, и многое другое. Без цифровизации невозможно преодоление факторов, препятствующих инновационной деятельности, а значит, будут неосуществимы глубокие системные изменения, что в результате повлечет за собой отставание России от развитых и быстроразвивающихся стран.

Благодарности

Автор выражает признательность научному руководителю – Ольге Борисовне Дигилиной, доктору экономических наук, профессору кафедры политической экономии экономического факультета РУДН.

Gratitudes

The author expresses his gratitude to the research supervisor – Olga Borisovna Digilina, doctor of economic Sciences, professor, professor of chair of political economy of economic faculty of PFUR.

Литература

- Архипова, Чернухина 2012 – *Архипова Н.И., Чернухина И.А.* Совершенствование методов государственной поддержки молодежных инновационных проектов // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2012. № 10 (90). С. 170–185.
- Баранов, Бобылев, Валиева 2014 – *Баранов А.О., Бобылев Г.В., Валиева О.В. и др.* Формирование инновационной экономики: концептуальные основы, методы и модели. Новосибирск: Ин-т экономики и организации промышленного производства Сибирского отд. РАН, 2014. 345 с.

- Барышева и др. 2007 – *Барышева А.В., Балдин и др.* Инновации. М.: Дашков и К°, 2007. 382 с.
- Белякова, Чайран 2014 – *Белякова Г.Я., Чайран Ю.А.* Факторы, влияющие на развитие инновационной деятельности // Креативная экономика. 2014. № 11 (95). С. 162–170.
- Глаголев 2002 – *Глаголев С.Н.* Экономический механизм гибкого развития промышленного предприятия. СПб.: Химиздат, 2002. 173 с.
- Голиченко 2017 – *Голиченко О.Г.* Государственная политика и провалы национальной инновационной системы // Вопросы экономики. 2017. № 2. С. 97–108.
- Горфинкель 2017 – *Горфинкель В.Я., Антонова О.В. и др.* Экономика предприятия. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 663 с.
- Долженкова, Горшенина, Ковалева 2012 – *Долженкова О.В., Горшенина М.В., Ковалева А.М.* Проблемы внедрения инноваций в России. Пути их решения // Молодой ученый. 2012. № 12. С. 208–210.
- Друкер 1982 – *Друкер П.* Рынок: как выйти в лидеры: Практика и принципы. М.: Бук Чембэр Интернэшнл, 1982. 349 с.
- Кабачевская 2016 – *Кабачевская Е.А.* Нормативно-правовое регулирование инновационной деятельности [Электронный ресурс] // Концепт: Научно-методический электронный журнал. 2016. № 41. Сент. С. 110–115. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56927.htm> (дата обращения 14 сентября 2019).
- Куляшова, Собченко 2011 – *Куляшова Л.В., Собченко Н.В.* Факторы, влияющие на инновационную деятельность хозяйствующих субъектов [Электронный ресурс] // КубГАУ. 2011. № 71 (07). Июль. С. 1–10. URL: <http://ej.kubagro.ru/2011/07/pdf/23.pdf> (дата обращения 28 сентября 2019).
- Мананко, 2014 – *Мананко К.С.* Микроэкономические основы инноваций // Экономика и предпринимательство. 2014. № 1 (1). С. 159–165.
- Новикова, 2019 – *Новикова В.С.* Проблемность инновационного развития российской экономики // Вектор экономики. 2019. № 2 (32). С. 35.
- Попадюк 2018 – *Попадюк Т.Г.* Развитие инновационного предпринимательства в России: проблемы и перспективы // Теория и практика развития предпринимательства: современные концепции, цифровые технологии и эффективная система: VI Междунар. науч. конгресс: Труды. М.: Дашков и К°, 2018. С. 9–13.
- Сопилко, Мясникова, Шкатов, 2018 – *Сопилко Н.Ю., Мясникова О.Ю., Шкатов Н.Г.* Подходы к управлению инновационным развитием предприятий высокотехнологичной отрасли // Экономика и предпринимательство. 2018. № 5 (94). С. 156–159.
- Филонин 2018 – *Филонин И.Е.* Ключевые проблемы инновационного развития в России [Электронный ресурс] // Бизнес и общество. 2018. № 4 (20). Декабрь. С. 1–5. URL: http://business-society.ru/2018/num-4-20/4_filonin.pdf (дата обращения 25 октября 2019).

References

- Arkhipova, N.I. and Chernukhina, I.A. (2012), “Improvement of governmental methods to support innovation projects of youth scientists”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Management” Series*, no. 10 (90), pp. 170–185.
- Baranov, A.O., Bobylev, G.V., Valieva, O.V. et al. (2014), *Formirovanie innovatsionnoi ekonomiki: kontseptual’nye osnovy, metody i modeli* [Formation of innovative economy: conceptual bases, methods and models], In-t ekonomiki i organizatsii promyshlennogo proizvodstva Sibirskogo otd. RAN, Novosibirsk, Russia.

- Barysheva, A.V., Baldin, K.V., et al. (2007), *Innovatsii* [Innovations], Dashkov i K°, Moscow, Russia.
- Belyakova, G.Ya., Chairan, Yu.A. (2014), "Factors influencing the development of innovative activity", *Kreativnaya ekonomika* [Creative economy], vol. 11 (95), pp. 162-170.
- Dolzhenkova, O.V., Gorshenina, M.V. and Kovaleva, A.M. (2012), "Problems of innovation implementation in Russia. Ways to solve them", *Young scientist*, vol. 12, pp. 208-210.
- Drucker, P. (1982), *Rynok: kak vyiti v lidery: Praktika i printsipy* [Innovation and entrepreneurship. Practice and Principles], Buk Chamber Interneshnl, Moscow, Russia.
- Filonin I.E. (2018), "Key issues of innovative development in Russia", *Business and society*, vol. 4 (20). Dec., [Online], available at: http://business-society.ru/2018/num-4-20/4_filonin.pdf (Accessed 25 October 2019).
- Glagolev, S.N. (2002), *Ekonomicheskii mekhanizm gibkogo razvoitiya promyshlennogo predpriyatiya* [Economic mechanism for flexible development of the industrial enterprise], Khimizdat, Saint Petersburg, Russia.
- Golichenko, O.G. (2017), "State policy and failures of the national innovation system", *Economic Issues*, no. 2, pp. 97-108.
- Gorfinkel, V.V., Antonova O.V. et al. (2017), *Ekonomika predpriyatiya* [Enterprise Economics], YuNITI-DANA, Moscow, Russia.
- Kabachevskaya, E.A. (2016), "Normative and legal regulation of innovative activity", *Scientific and methodical electronic journal "Concept"*, vol. T41, Sept., [Online], available at: <http://e-koncept.ru/2016/56927.htm> (Accessed 14 Sept 2019).
- Kulyashova, L.V., Sobchenko, N.V., (2011), "Factors influencing the innovative activity of economic entities", *Scientific journal of KubGAU*, vol. 71 (07), Jul., [Online], available at: <http://ej.kubagro.ru/2011/07/pdf/23.pdf> (Accessed 28 Sept 2019).
- Mananko, K.S. (2014), "Microeconomic foundations of innovation", *Economics and entrepreneurship*, no. 1 (1), pp. 159-165.
- Novikova, V.S. (2019), "Problematical character of innovative development of the Russian economy", *Vector of economy*, no. 2 (32), p. 35.
- Popadyuk, T.G. (2018), "Development of innovative entrepreneurship in Russia: Issues and prospects", *Proc. 6th Int. Scient. Cong. "Theory and practice of entrepreneurship development: modern concepts, digital technologies and effective system"*, Moscow, 2018, pp. 9-13.
- Sopilko, N.Yu., Myasnikova, O. Yu., Shkatov, N.G. (2018), Approaches to a management of the enterprises innovative development in the high-tech industry", *Economics and entrepreneurship*, vol. 5 (94), pp. 156-159.

Сведения об авторе

Дарья В. Лебедева, аспирант, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, lena_leb-61@mail.ru

Information about the author

Daria M. Lebedeva, postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklay Str., Moscow, Russia, 117198; lena_leb-61@mail.ru

Перспективы развития интеграционных процессов государств Евразийского экономического союза

Наталья Ю. Сопилко

*Российский государственный социальный университет;
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
Москва, Россия, sheremett73@gmail.com*

Андрей В. Кулаков

Москва, Россия, kulakov1967@gmail.com

Аннотация. В представленной статье проанализированы основные направления развития интеграционных процессов государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Отмечено, что изначально страны начинают взаимодействие, как правило, в определенных областях экономики, которые имеют стратегическое значение для них. А в случае успешного сотрудничества рассчитывают на получение интеграционных эффектов, которые в дальнейшем дадут импульс к развитию межотраслевых связей в смежных экономических сферах, а затем и в других сегментах экономики. Подчеркнуто, что для государств ЕАЭС вопросы перспектив взаимного сотрудничества приобретают особую актуальность, поскольку с 2016 г. наблюдается формирование и развитие общих рынков товаров и услуг, а именно рынка лекарственных средств и медицинских изделий, электроэнергетического рынка, также в перспективе рынков нефти и природного газа, финансового рынка. Особая роль взаимных интересов выделена в топливно-энергетическом комплексе (ТЭК) стран ЕАЭС и обоснована целесообразность формирования общего энергетического рынка с возможным участием стран, сопредельных региону. Сделано предположение о том, что развитие проекта «Энергетического кольца» в Евразии станет новым генеральным трендом мировой энергетики и сформирует новое измерение ТЭК.

Ключевые слова: международная интеграция, ЕАЭС, общие рынки, энергетическая интеграция

Для цитирования: Сопилко Н.Ю., Кулаков А.В. Перспективы развития интеграционных процессов государств Евразийского экономического союза // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 105–115. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-105-115

Developing integration processes for the Eurasian Economic Union

Natalya Yu. Sopilko

Russian State Social University, Moscow, Russia, sheremett73@gmail.com
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, sheremett73@gmail.com

Andrey V. Kulakov

Moscow, Russia, kulakov1967@gmail.com

Abstract. This article analyzes the development of integration processes for the Eurasian Economic Union (EAEU). Initially, mutual cooperation between countries develops in specific economic areas of strategic importance, and it is assumed that in case of successful convergence, certain integration effects will be obtained, prompting cooperation to spread from related economic sectors to other areas.

It is emphasized that for the EAEU countries, the issues of prospects for mutual cooperation are becoming particularly relevant, as since 2016 there have been observed the formation and development of common markets for goods and services, namely the market for medicines and medical products, the electricity market and in the future oil and natural gas markets and also financial market.

The fuel and energy complex of the Eurasian Economic Union countries plays a special role of mutual interest, and so the authors justify the expediency of forming a common energy market with the possible participation of countries adjacent to the region. It is assumed that the “Energy ring” project in Eurasia will become a major trend in the world energetics and will form a new dimension of the fuel and energy sector.

Keywords: international integration, Eurasian Economic Union, common markets, energy integration

For citation: Sopilko, N.Yu. and Kulakov, A.V. (2019), “Developing integration processes for the Eurasian Economic Union”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Right” Series*, no. 4, pp. 105-115, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-105-115

На протяжении длительного времени исследование интеграционных процессов в международной экономике формировалось и развивалось многими научными школами с целым рядом как общих теоретических направлений интеграции, так и целым комплексом специфических особенностей в них. В науке сложилось два ключевых теоретических подхода к сущности интеграционных процессов – институциональный и федералистский. Можно отметить, что ни одно из них нельзя считать единообразным,

поскольку внутри этих подходов существует множество точек зрения различных ученых-теоретиков, а также имеет место теоретическое эволюционирование и совершенствование научной мысли в трудах современников.

Так, можно выделить ряд развивающихся подходов, которые не сформированы полностью в настоящее время – дискурсный, сетевой, гибкой интеграции и т. д. [Waever 2005, с. 33–34; Diez, Wieper 2018, pp. 15–17]. Среди отечественных работ можно выделить исследование А. Либмана и Б. Хейфица [Либман и Хейфец 2011], в рамках которого авторами развивается подход к интеграции, по своей сути близкий к неофункциональному. Рассматриваются интеграционные модели двух типов: интеграция «сверху» и «снизу».

Важно отметить, что понятие международной экономической интеграции неразрывно связано с понятиями интернационализации, глобализации и регионализации [Сопилко 2015]. Эти понятия объединяет то, что все они обозначают усиление взаимосвязей между отдельными государствами и обществами в различных сферах деятельности. При этом нет единого общепринятого взгляда на формы, сущность и временные рамки этих процессов. Ряд исследователей, как российских, так и зарубежных, считают, что глобализация как процесс началась в последней четверти XX столетия, когда произошел прорыв в области информационных технологий, либерализация международных экономических отношений и торговли, резкий рост взаимозависимости и взаимосвязанности стран и регионов мира [Валлерстайн 2001; Косолапов 2001]. Глобализация в рамках данного подхода понимается в качестве новейшей фазы интернационализации. Некоторыми учеными – сторонниками другого подхода отмечается, что глобализация не является принципиально новым процессом, а развивается на протяжении нескольких тысяч лет, принимая все более сложные формы [ГригорьевУрожаева, Иванов 2011].

Несмотря на разницу в подходах к глобализации, можно выделить ряд ее универсальных черт. В первую очередь, глобализация напрямую связана и была бы невозможна без научно-технического прогресса и развития коммуникаций. Кроме того, глобализация подразумевает рост открытости общественных систем, устранение различных барьеров на пути перемещения товаров, услуг, капитала, технологий и людей. В процессе глобализации происходит все более интенсивный культурный обмен между нациями, распространение и универсализация моделей социального и политического устройства, методов экономического регулирования и способов хозяйствования [Навроцкая, Сопилко, Ковальчук 2015].

Принимая во внимание историю создания и опыт развития многих интеграционных объединений, можно выделить некоторые основные признаки международной экономической интеграции:

- процесс интеграции является выгодным каждому участнику и объединению в целом, то есть имеет место синергический эффект;
- интеграционная общность выделяется как новая единица, и безбарьерная среда внутри такой общности автоматически означает создание общих барьеров снаружи;
- это процесс сознательный и добровольный, но при этом подразумевается политическая составляющая в виде обязательного участия правительств государств;
- международная интеграция затрагивает внутреннюю и внешнюю политику государств-членов;
- в отличие от международных организаций, интеграция оказывает воздействие на все сферы общественной жизни;
- интеграционный процесс подразумевает создание общих органов и нормативно-правовой базы, единой для всех участников;
- процесс международной интеграции, основываясь на общности культурно-исторического кода, предполагает, что все участники объединения связаны взаимными долгосрочными стратегическими обязательствами в отношении друг друга.

В настоящее время процессы международной интеграции продолжают активно развиваться в различных регионах мира. Но необходимо отметить, что новый импульс был придан этим процессам благодаря формированию Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Непродолжительное время существования ЕАЭС, региональной общности, созданной в 2015 г. на евразийском пространстве, позволяет в настоящее время подводить итоги, анализировать результаты ее деятельности, а также рассматривать перспективы. Так, за этот период были разработаны и согласованы множество различных документов как на наднациональном уровне, так и в рамках межгосударственного, внутригосударственного и международного согласования нормативных правовых актов отраслевого и регулирующего характера, достигнуты определенные результаты в различных сферах деятельности¹.

---

¹ Отчет ЕЭК за 2018 год. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/%D0%93%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%202018.pdf> (дата обращения 22 сент. 2019).

Стратегически планируется в ближайшем будущем (в перспективе 1–3 года) завершить начавшиеся действия относительно формирования правовых, организационных и институциональных условий для развития ЕАЭС, а также реализацию необходимых мер по продолжению системной работы в области минимизации изъятий и ограничений и в конечном итоге, устранению различных барьеров. В итоге ожидается получение дополнительного стимула к развитию всех отраслей промышленности и экономических сфер хозяйствования в странах региона, поскольку масштаб рынка является важным фактором развития практически для всех членов Союза.

На более долгосрочный период 3–5 лет (среднесрочная перспектива) планируется усилить эффекты синергизма, значимости кооперационных проектов и их реализации в рамках интеграционного сотрудничества во многих экономических сферах, особенно в реальном секторе экономики, транспорте и развитии инфраструктуры. Этому будет способствовать имеющийся ресурсный потенциал, в том числе промышленный и научно-технический, который создаст предпосылки расширения интеграционного взаимодействия и позволит увеличить в перспективе перечень областей экономики и всевозможных рыночных ниш, где государства Евразийского союза занимают ведущие места в мире. Именно в среднесрочной перспективе, по мнению многих экспертов [Магомедалиев, Сопилко 2018], ожидается проявление эффекта взаимодополняемости экономик в полной мере, который основан на конкурентных преимуществах каждого государства ЕАЭС.

И, наконец, в долгосрочной перспективе (5–15 лет) предполагается уже результативность экономического развития регионального объединения ЕАЭС в мировом масштабе в части глобальной конкурентоспособности. Выбранный интеграционный вектор, определяемый как драйвер роста экономик евразийского региона [Саркисян 2017], по мнению специалистов [Телегина, Халова, Сопилко 2019, с. 27], должен усиливаться на основе координационных действий, которые будут формировать ключевые условия для усиления эффектов проявления интеграции, а именно – снижение неравного положения в экономическом развитии стран ЕАЭС, адаптация к процессам интеграции в глобальную экономическую структуру, обеспечение «четырёх свобод» и, наконец, рост конкурентоспособности экономик.

Развитие ЕАЭС в перспективе, возможно, будет содействовать совершенствованию экономических структур государств ЕАЭС за счет создания новых рыночных сегментов. Поэтапное уничтожение торговых и других барьеров внутри региона приведет к усилению

торгово-экономического взаимного сотрудничества в формате единого рынка. Особая роль отводится во взаимной торговле товарами промежуточного назначения, поскольку именно она отражает уровень внутриотраслевой торговли, кооперации, что положительно отразится на эффективности использования ресурсной базы, ее переработке внутри ЕАЭС. Все эти направления – совместная реализация инфраструктурных, промышленных, инновационных и других проектов в долгосрочной перспективе будет стимулировать рост экспорта и сокращение доли импорта из третьих стран.

А поскольку, как определено лидерами государств ЕАЭС, наиболее важным элементом перспективного развития стран региона является формирование общих рынков и скоординированных политик, намечены реальные перспективные пути, в частности, в 2019–2025 гг. должно будет произойти объединение энергетических рынков, создание общего валютного и финансового рынка с одновременным формированием наднационального финансового регулятора, а также при этом широкая унификация законодательства всех государств-членов ЕАЭС.

Следует подчеркнуть, что основой процесса экономической интеграции ЕАЭС главами государств определено развитие энергетической сферы как ключевой отрасли экономики [Грибанич, Суханов 2019]. Стратегически значимая отрасль промышленности – ТЭК, имеет особое значение для всех стран ЕАЭС. Для России и Казахстана, которые обладают значительными запасами энергетических ресурсов, энергетическая интеграция позволяет оптимально распределять имеющийся энергетический потенциал и решать вопросы с возникающими излишками электроэнергии. Для Беларуси, Кыргызстана и Армении, стран, импортирующих энергоресурсы, это возможность эффективно участвовать в таком пространственном распределении и решать проблемы с дефицитом энергоресурсов. То есть развитие энергетической интеграции ЕАЭС, помимо экономических выгод, способствует решению проблемы обеспечения энергетической безопасности и может стать основой для формирования общего энергетического пространства стран, позволяющего оптимально перераспределять как энергетические риски стран-участниц, связанные с различными неблагоприятными ситуациями (авариями, перебоями поставок энергоресурсов и т. д.), так и формировать гибкую ценовую политику, удовлетворяющую их экономические интересы и решающую проблему уравнивания спроса и предложения.

В настоящее время процесс формирования общих энергетических рынков в регионе государств ЕАЭС начат и постепенно развивается. В период 2015–2016 гг. в рамках Союза была проделана

огромная работа относительно разработки и принятия целого ряда документов и актов, которые в дальнейшем и послужили основой для создания общих рынков электроэнергетики, нефти, нефтепродуктов и природного газа. По мнению специалистов [Телегина, Халова 2017; Дынкин, Телегина, Халова 2018], расширение взаимного сотрудничества в области ТЭК позволит получать дополнительные эффекты наряду с повышением его конкурентоспособности в мире.

Энергетическая интеграция ЕАЭС предполагает формирование единого общего энергетического пространства, не исключая его расширения за счет сопредельных государств Северо-Восточной Азии в целях повышения уровня энергетической безопасности евразийского региона в целом. Научный интерес представляет изучение возможностей такого расширения, его обоснованность как технологически, так и экономически. Хотя при этом отмечается сильное влияние и геополитических факторов на эти процессы.

Накопленный странами ЕАЭС опыт, еще в годы существования СССР, к настоящему времени сформировал хорошую базу для новой единой концепции азиатского энергетического кольца, то есть, по сути – объединенной энергетической системы стран ЕАЭС и Северо-Восточной Азии для обеспечения энергетической безопасности всего континента.

Исходя из существующего опыта по разработке такого рода проектов, а также с учетом существующих потребностей в оптимальном распределении энергии, развитие такой системы является целесообразной. Например, по расчетным данным Системного оператора Единой энергетической системы (АО «СО ЕЭС») в 2016 г., генерация всех объектов, которые находятся в управлении филиала «Объединенное диспетчерское управление Востока», в сумме составляла 31,8 млрд киловатт-час в год, из которых Россия экспортировала на Запад в энергокластеры и на Восток, непосредственно в Китай, свыше 11% (3,6 млрд киловатт-час). И несмотря на такую значительную величину экспорта, недогрузка установленных мощностей на Дальнем Востоке отмечается на уровне 12–14%.

Одновременно ситуация с потреблением и выработкой электроэнергии у соседних с ЕАЭС стран – противоположна. Так, у Китая, как отмечается экспертами [Харланов 2019], в часы пик наблюдается дефицит электроэнергии, который может достигать цифры порядка 40 млн киловатт-час в месяц. Соседняя Монголия, которая имеет годовую потребность потребления более 900 мегаватт-час, производит лишь около 800 мегаватт-час. В Японии нехватка электроэнергии достигает 20%, а в Южной Корее – порядка 15%. В этой

связи отчасти расчеты по технико-экономическому обоснованию проекта создания энергетического кольца осуществлялись со стороны Южной Кореи (южнокорейской государственной энергокомпанией КЕРСО) [Абрамов и др. 2017]. Так, по данным ее расчетов, такой проект потребует вложений от Южной Кореи порядка 6,2–7,6 млрд долл.

Актуален этот проект и для Японии после аварии на АЭС «Фукусима», и для Китая, о чем свидетельствует меморандум, который был подписан в 2016 г. в Пекине компаниями России, Китая, Южной Кореи и Японии. В рамках данного документа предполагается совместное, взаимосвязанное продвижение энергетической системы, которая охватывала бы практически всю Северо-Восточную Азию [Агеев, Логинов 2017]. Участие в энергокольце также обсуждалось и со стороны Монголии.

К осуществлению энергопроекта могут подтолкнуть экономические и геополитические факторы, а именно то, что азиатские страны – потребители энергетических ресурсов в последние годы сильно озабочены проблемой диверсификации собственного импорта энергии и энергоносителей, снижением зависимости от поставок нефти и СПГ из стран Ближнего Востока. В данном контексте проект энергетического кольца также оказывается экономически обоснованным решением.

Рассматривая этот проект с точки зрения чистого экспорта / импорта энергии, можно отметить японское направление как наиболее перспективное. Ввиду высокой стоимости генерации энергии в Японии (особенно вследствие стагнации развития японской атомной отрасли) создание энергетического моста для импорта российской энергии является вполне экономически целесообразным. Потенциально высокими могут оказаться возможности Монголии, которая также может стать еще одной точкой генерации энергии и буфером для сглаживания пиков и спадов (материалы IV Восточного экономического форума).

В перспективе проект энергетической интеграции в Азии будет способствовать формированию собственной системы международных финансовых, экономических и политических институтов в регионе, вероятность успешного развития которой является крайне высокой. В этой системе будут участвовать, с одной стороны, две крупнейшие экономики и две наиболее населенные страны мира – Китай и потенциально – Индия (входят во ВРЭП и ШОС), а также Пакистан (реализует масштабный интеграционный проект *CPEC (China–Pakistan Economic Corridor)* с Китаем). С другой стороны, Россия со странами ЕАЭС, а также другие страны региона, не входящие в ЕАЭС, но потенциально способные участвовать в интегра-

ции, в совокупности обладают почти половиной мировых запасов природного газа, четвертью мировых запасов нефти, а также большей частью мировых запасов урана, формируя энергетическую основу для евразийского пространства. С третьей стороны, Япония и Южная Корея, обладающие мощным технологическим потенциалом, развитым сектором услуг и емким рынком также будут вовлечены в орбиту интеграционных процессов в Евразии.

Участие крупнейших экономик Евразии в формировании взаимосвязанной энергетической системы будет способствовать интенсивному развитию всех форм экономического сотрудничества между странами. Разделяя между собой нагрузку и риски в энергетике, государства Евразии будут формировать устойчивые и защищенные рынки товаров, услуг и капитала на всем пространстве Евразии, поскольку топливно-энергетический комплекс является фундаментальной основой экономического развития для всех государств региона.

Литература

- Абрамов и др. 2017 – *Абрамов В., Берлин С., Логинов Е., Шкоута А., Сорокин Д.* Российские экономические интересы в реализации перспектив инфраструктурных проектов в энергетике в Восточной Азии // *Финансы: Теория и практика.* 2017. № 21 (5). С. 82–89.
- Агеев, Логинов 2017 – *Агеев А., Логинов Е.* Азиатское энергокольцо – формирование на основе единой энергосистемы России объединенного энергоинфраструктурного каркаса для кластера ключевых стран Восточной Азии // *Экономические стратегии.* 2017. № 5. С. 50–63.
- Валлерстайн 2001 – *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.
- Грибанич, Суханов 2019 – *Грибанич В.М., Суханов А.А.* Развитие энергетического сотрудничества государств Евразийского экономического союза // *Инновации и инвестиции.* 2019. № 7. С. 65–67.
- Григорьев, Урожаева, Иванов 2011 – *Григорьев Л.М., Урожаева Ю.В., Иванов Д.С.* Синтетическая классификация регионов: основа региональной политики. М.: ТЕИС, 2011.
- Дынкин, Телегина, Халова 2018 – *Дынкин А., Телегина Е., Халова Г.* Роль Евразийского экономического союза в формировании большой Евразии // *Мировая экономика и международные отношения.* 2018. № 4. С. 5–24.
- Косолапов 2001 – *Косолапов Н.* Глобализация: сущностные и международно-политические аспекты // *Мировая экономика и международные отношения.* 2001. № 3. С. 69–73.
- Либман, Хейфец 2011 – *Либман А.М., Хейфец Б.А.* Модели региональной интеграции. М.: Экономика, 2011.
- Магомедалиев, Сопилко 2018 – *Магомедалиев А.С., Сопилко Н.Ю.* Ход формирования общих энергетических рынков Евразийского экономического союза: результаты, задачи и перспективы // *Инновации и инвестиции.* 2018. № 3. С. 93–96.

- Навроцкая, Сопилко, Ковальчук 2015 – *Навроцкая Н.А., Сопилко Н.Ю., Ковальчук М.В.* Регионализация в условиях постглобального экономического развития // Вестник РУДН. Серия «Экономика». 2015. № 4. С. 7–15.
- Саркисян 2017 – *Саркисян Т.С.* Создание общих рынков энергетических ресурсов в ЕАЭС: этапы и содержание // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 11 (103). С. 65–69.
- Сопилко 2015 – *Сопилко Н.Ю.* Производственные связи и региональная интеграция: Теоретические аспекты. М.: РУДН, 2015.
- Телегина, Халова 2017 – *Телегина Е.А., Халова Г.О.* Перспективы энергетического сотрудничества ЕАЭС со странами Северо-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 4. С. 50–59.
- Телегина, Халова, Сопилко, Иллерицкий 2019 – *Телегина Е.А., Халова Г.О., Сопилко Н.Ю., Иллерицкий Н.И.* Евразийский экономический союз: формирование, становление и развитие. М.: КноРус, 2019.
- Харланов 2019 – *Харланов А.С.* Сотрудничество России и Казахстана в области космоса и высоких технологий // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 2. С. 59–68.
- Diez, Wiener 2018 – *Diez T., Wiener A.* Introducing the Mozaic of Integration Theory // KFG Working Paper Series. 2018. no. 88. P. 1–32.
- Waever 2005 – *Waever O.* Discursive Approaches, European Integration Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.

References

- Abramov, V., Berlin, S., Loginov, E., Shkouta, A. and Sorokin, D. (2017), “Rossiiskie ekonomicheskie interesy v realizatsii perspektiv infrastrukturykh proektov v energetike v Vostochnoi Azii” [Russian economic interests in implementing the prospects for infrastructure projects in the energy sector of East Asia], *Finansy: Teoriya i praktika*, no. 21 (5), pp. 82–89.
- Ageev, A. and Loginov, E. (2017), “Aziatskoe energokol'tso – formirovanie na osnove edinoi energosistemy Rossii ob"edinennogo energoinfrastrukturnogo karkasa dlya klastera klyuchevykh stran Vostochnoi Azii” [Asian Energyring – the formation on the basis of a unified energy system of Russia of a unified energy infrastructure within the cluster of key East Asian countries], *Ekonomicheskoe strategii*, no. 5, S. 50–63.
- Diez, T. and Wiener, A. (2018), “Introducing the Mozaic of Integration Theory”, *KFG Working Paper Series*, no. 88, pp. 1–32.
- Dynkin, A., Telegina, E. and Khalova, G. (2018), “Rol' Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza v formirovanii bol'shoi Evrazii” [The role of the Eurasian Economic Union in the formation of Greater Eurasia], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4, pp. 5–24.
- Gribanich, V.M. and Sukhanov, A.A. (2019), “Razvitie energeticheskogo sotrudnichestva gosudarstv evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza” [Development of the energy cooperation between states of the Eurasian Economic Union], *Innovatsii i investitsii*, no. 7, pp. 65–67.
- Grigor'ev, L.M., Urozhaeva, Yu.V. and Ivanov, D.S. (2011), *Sinteticheskaya klassifikatsiya regionov: osnovna regional'noi politiki* [Synthetic classification of regions: the basis of regional policy], TEIS, Moscow, Russia.
- Kharlanov, A.S. (2019) “Cooperation of Russia and Kazakhstan in the space and high technologies”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 2, pp. 59–68.

- Kosolapov, N. (2001), "Globalization: essential and international political aspects", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3, pp. 69-73.
- Libman, A.M. and Kheifets, B.A. (2011), *Modeli regional'noj integracii* [Regional Integration Models], Ekonomika, Moscow, Russia.
- Magomedaliev, A.S. and Sopilko, N.Yu. (2018), "Development of common energy markets of the Eurasian economic Union: results, tasks and prospects", *Innovatsii i investitsii*, no. 3, S. 93-96.
- Navrockaya, N.A., Sopilko N.Yu. and Kovalchuk, M.V. (2015), "Regionalization in terms of post-global economic development", *BULLETIN of Russian Peoples' Friendship University. "Economics" Series*, no. 4, pp. 7-15.
- Sarkisyan, T.S. (2017), "Sozдание obshchikh rynkov energeticheskikh resursov v EAES: etapy i sodержanie" [Formation of the common energy resource markets in the EAEU: Stages and character], *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no. 11 (103), S. 65-69.
- Sopilko, N.Yu. (2015), *Proizvodstvennye soyazi i regional'naya integraciya: teoreticheskie aspekty* [Industrial relations and regional integration: Theoretical aspects], RUDN, Moscow, Russia.
- Telegina, E. and Khalova, G. (2017), "Prospects for energy cooperation between the EAEU and the countries of North-East Asia", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4, S. 50-59.
- Telegina, E.A., Khalova, G.O., Sopilko, N.Yu. and Illeritskii, N.I. (2019), *Evraziiskii ekonomicheskii soyuz: formirovanie, stanovlenie i razvitie* [The Eurasian Economic Union: Formation, Establishment and Development and Development], KnoRus, Moscow, Russia.
- Vallerstain, I. (2001), *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world], Universitetskaya kniga, St. Petersburg, Russia.
- Waeber, O. (2005), *Discursive Approaches, European Integration Theory*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Сведения об авторах

Наталья Ю. Сопилко, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия; 129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4; Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Стремянный пер., 36; sheremett73@gmail.com

Андрей В. Кулаков, Москва, Россия; 119146, Россия, Москва, Фрунзенская набережная, 36/2; kulakov1967@gmail.com

Information about the authors

Natalya Yu. Sopilko, Cand. of Sci. (Economy), associate professor, Russian State Social University, Moscow, Russia; bld. 4, Vil'gelm Pick Str., Moscow, Russia, 129226; Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; Stremyanny Lane 36, Moscow, Russia, 117997; sheremett73@gmail.com

Andrey V. Kulakov, bld. 36/2, Frunze Embankment, Moscow, Russia, 119146; kulakov1967@gmail.com

70 лет КНР: от «большого скачка» к технологическому «прорыву»

Евгений Ф. Авдокушин

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, aef2005@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена 70-летию образования Китайской Народной Республики. В ней анализируются экономические результаты китайских реформ с середины 50-х гг. XX в. Попытки китайских властей ускоренно перейти к социализму путем «скачкового» развития провалились. «Культурная революция» закрепила периферийное положение Китая в мире. Новые социально-экономические реформы, начавшиеся в Китае с конца 70-х гг. XX в., проводимые постепенно, на основе углубленных теоретических исследований и накопленного опыта, в ходе многочисленных экспериментов, способствовали переходу Китая в авангард мировой экономики. Результаты этих реформ были оценены мировым сообществом как китайское «экономическое чудо». После мирового финансово-экономического кризиса, который Китай преодолел вполне успешно, китайское руководство нацелилось на формирование основ для нового «экономического чуда» – экономическую реформу 2.0, базирующуюся на технологическом прорыве, превращение Китая из «мировой фабрики» товаров в «мировой рынок» технологий и высокотехнологичных товаров с высоко развитым внутренним спросом. В статье раскрываются концептуальные основы и практические шаги обеспечения этих целей, раскрываются риски и проблемы, могущие помешать выполнению поставленных задач.

Ключевые слова: экономическая реформа, курс «трех красных знамен», «культурная революция», экономическая модель, социализм с китайской спецификой, открытость экономики, инклюзивное развитие, инновационность, технологический прорыв, цифровые технологии, электронная коммерция, цифровизация, Интернет, искусственный интеллект, Новый шелковый путь

Для цитирования: Авдокушин Е.Ф. 70 лет КНР: от «большого скачка» к технологическому «прорыву» // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 116–132. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-116-132

© Авдокушин Е.Ф., 2019

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Теоретико-методические основы формирования инклюзивного развития экономики РФ» №17-02-00040 «а».

70 years of China: from “Big leap” to technological “breakthrough”

Evgenii F. Avdokushin

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, aef2005@yandex.ru

Abstract. Article is devoted to the 70 anniversary of formation of People’s Republic of China. It analyses the economic results of Chinese reforms since the mid-1950s. Attempts by the Chinese authorities to accelerate the transition to socialism through “jump” development failed. The “Cultural Revolution” cemented China’s peripheral position in the world. The new socio-economic reforms have been initiated in China since the late 1970s. Being carried out gradually, on the basis of in-depth theoretical research and experience gained, in the course of numerous experiments, they contributed to China’s transition to the vanguard of the world economy. The results of those reforms were assessed by the international community as a Chinese “economic miracle.” After the global financial and economic crisis, which China overcame quite successfully, the Chinese leadership aimed to lay the foundations for a new “economic miracle” – economic reform 2.0, based on a technological breakthrough, China’s transformation from a “world factory” of goods into a “world market” of technologies and high-tech goods with high domestic demand. The article describes the conceptual framework and practical steps to achieve those goals, and reveals risks and difficulties that could impede the achievement of the objectives.

Keywords: economic reform, the course of “three red signs”, “cultural revolution”, the economic model, socialism with Chinese specificity, openness of the economy, inclusive development, innovation, technological breakthrough, digital technologies, e-commerce, digitalization, Internet, artificial intelligence, a new silk road

For citation: Avdokushin, E.F. (2019), “70 years of China: from ‘Big leap’ to technological ‘breakthrough’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 4, pp. 116-132, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-116-132

Свое 70-летие Китайская Народная Республика отмечает выдающимися результатами, развивающейся, несмотря на все трудности, экономикой, ростом благосостояния населения, растущим авторитетом на международной арене и планами на еще более весомые достижения в будущем.

Социально-экономическое развитие страны за 70 лет нельзя назвать беспроблемным, страна в своем развитии, как часто отмечается в китайских СМИ, прошла «извилистый путь»¹. На этом

---

¹ Это известное изречение Мао Цзэдуна, использованное им, в частности, в его докладе «О десяти важнейших взаимоотношениях» (Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1976. С. 35).

«извилистом пути» можно выделить одну закономерность – на каждом из его этапов Китай ставил амбициозные цели, стремясь посредством тех или иных по своей успешности реформ добиться высоких результатов на основе проявления национального духа трудолюбия, упорства в достижении поставленных целей, поиска, «нащупывания» новых форм и механизмов в реализации поставленных задач. 70 лет существования КНР – это путь реформ, социально-экономических инноваций, далеко не всегда удачных, особенно на первом этапе движения к построению нового общества, но с нарастающим желанием учиться, анализировать позитивный и негативный опыт социально-экономических преобразований, внедрять наиболее эффективные модели, механизмы, институты на втором этапе своего движения по пути реформ².

Успехи первой пятилетки в КНР в начале 50-х гг. стали причиной амбициозных, но волюнтаристских решений по всемерному ускорению социально-экономических преобразований в стране. Эти решения были положены в основу политики «трех красных знамен» – генеральной линии, «большого скачка» и народных коммун. Два «красных знамени» – «большой скачок» и народные коммуны представляли своеобразную шоковую инновацию «скачка» от отсталой социально-экономической системы в Китае («полукOLONIALной, полуфеодальной») к социализму. Суть этой инновации «упорно бороться 3 года и добиться перемен в облике большинства районов страны», т. е. осуществить ускоренный переход к социализму. Эта цель выразилась в лозунге «три года упорного труда – 10 тысяч лет счастья».

Политика «большого скачка» представляла собой комплекс политических, экономических и социальных мер, направленных на увеличение объемов производства промышленной продукции методом «народной стройки» с использованием огромных масс трудового населения. Трудовые «армии» были задействованы в ирригационном строительстве, «малой металлургии», транспортировке грузов и т. п. «Народные коммуны» охватывали практически всю сельскую местность посредством объединения имеющихся кооперативов и некооперированного крестьянства в гигантские хозяйственные единицы, представляя собой огромные территориально-производственные образования. «Народные коммуны» получили определенное распространение и в городах Китая.

---

² По мнению широко известного в стране и за рубежом китайского экономиста Линь Ифу, «70 лет экономического развития КНР можно разделить на два этапа» // Китай. 2019. № 10. С. 28.

Стремление к ускоренному переходу к новому обществу имело объективную основу, Китай после «века позора», начиная с «опиумных войн» начала 40-х и середины 50-х гг. XIX в., обрел возможность поиска и реализации собственного пути в современном мире, и его руководители стремились как можно быстрее добиться успехов в построении нового общества. Однако продавленные Мао Цзэдуном и его группой ускоренные методы развития походили на «вытягивание ростков из земли для ускорения их роста». Вместо скачка вперед пришлось сделать «кувырок назад», как «оступившийся» персонаж «золотой обезьяны» (Царь обезьян) из средневекового китайского романа «Путешествие на Запад» Сунь Укуня, и перейти к «политике урегулирования». Известный китайский экономист Линь Ифу впоследствии вынес вердикт «большому скачку»: «Стратегия скачка – это очень малоэффективный и весьма расточительный путь развития» [Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу 2001, с. 134]. Интересно, что примерно в этот же период в СССР пропагандировался собственный «скачок» – «догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения», который также завершился крахом, пришлось в регионах вводить продовольственные карточки.

После недолгого периода «урегулирования» Китай был потрясен еще одной «реформой» – «великой пролетарской культурной революцией», продолжавшейся в стране 10 лет (1966–1976), которое впоследствии было оценено в Китае как «десятилетие хаоса». «Культурная революция», если отбросить ее внутреннюю составляющую – борьбу за власть, в экономике была нацелена на развитие в духе автаркической трактовки принципа «опоры на собственные силы» (цзыли гэншэн) на основе идеалов «казарменного коммунизма». Эта модель развития китайской экономики, во многом исходившая из идеологии «трех красных знамен», была отброшена после кончины «великого кормчего» и теоретически разгромлена³.

К действительно инновационному варианту развития на основе собственного опыта и использования теорий и опыта строительства «рыночного социализма» Китай приступил с конца 70-х гг., после знаменитого декабрьского пленума ЦК КПК 1978 г., провозгласившего курс на проведение экономических реформ и внешней открытости. С этого времени начался и «великий поход» Китая по пути введения системы «двойного управления» (правительством и рынком), конвергенции плана и рынка, формирования модели «социализма с китайской спецификой».

---

³ См., напр.: Лю Югуан, Ван Тайсун. Реформа экономической системы Китая. Бэйзин: Женьминь чубаньшэ, 1982 (на китайском языке).

Методологические подходы к строительству социализма путем широкомасштабных социально-экономических реформ в стране и ее открытости внешнему миру заметно изменились по сравнению с предшествующим периодом существования КНР.

Во-первых, произошел отход от кавалерийских «скачковых» методов осуществления различных реформ, от попыток методами «народных строек» добиться экономических успехов, перестроить общество и экономику за счет «революционизации сознания», за счет «передовых производственных отношений» добиться развития производительных сил. На первый план была выдвинута стратегия постепенного, поэтапного, экспериментального осуществления преобразований на основе принципа «переходя бурный поток, осторожно нащупывать камни».

Во-вторых, это открытость внешнему миру взамен автаркии, проповедуемой членами «банды 4-х» и ее идеологами. При этом открытость также предполагала не распаханность, а постепенный, поэтапный допуск иностранных факторов производства на китайский рынок. Открытость предполагала и активное изучение зарубежного опыта, его адаптацию для условий Китая. Ширилась практика заимствования, копирования зарубежных достижений, зачастую откровенная кража интеллектуальной собственности. В начале XXI в. эта политика получила идеологическое обоснование как теория «духа Шаньчжая».

Вместе с тем следует отметить, что экономическая реформа началась с достаточно решительных шагов по ликвидации института «народных коммун», повсеместного внедрения подворного, бригадного подряда. Быстрая ликвидация «народных коммун» была обеспечена во многом движением снизу – большинство китайских крестьян уже открыто не желали жить и работать в этих анклавах. Хотя отдельные «народные коммуны» сохранялись в некоторых районах Китая и в начале XXI в.

Ударным звеном, помимо подворного подряда, в экономической реформе на селе стали волостно-поселковые предприятия, «сельская промышленность». Именно эти предприятия заложили основу обеспечения китайского населения, насыщения китайского рынка товарами ширпотреба, массового спроса, одновременно формируя базу для развития растущего китайского экспорта. Именно «сельская промышленность» стала основой будущего китайского «экономического чуда».

В-третьих, это смена вектора или, как указывал Мао Цзэдун, «ветра», на «который нужно держать нос» [Мао Цзэдун 1976, с. 31], с северного, т. е. СССР, на западный. При этом держа в уме, что в перспективе «восточный ветер одолеет западный». Иными словами,

формула «опора на собственные силы» модифицировалась с «опоры на собственные силы + помощь СССР» на «опоры на собственные силы + использование доступных ресурсов Запада», т. е. капитала, технологий, управленческого опыта.

В-четвертых, отказ от копирования опыта строительства социализма в СССР и других моделей социализма (но с учетом их опыта) и поиск собственной, национальной модели. Здесь следует отметить большое внимание китайского руководства к различным теоретическим моделям социализма, приглашение в страну ряда зарубежных ученых с лекциями о «рыночном социализме», «кооперативном социализме» и других моделях этого общественного устройства. Появились и призывы на страницах китайской печати повернуться к опыту классического капитализма. С начала 1980 г. в Китае активно развивалась дискуссия о необходимости «пройти урок капитализма». Но к концу года, видимо, по отмашке сверху, дискуссия была прекращена. В результате была выдвинута и последовательно реализовавшаяся концепция строительства социализма с китайской спецификой [Пивоварова 2011, с. 352].

«Социализм с китайской спецификой» представляет собой модель смешанных, переходных форм, соединенных в единое целое. Здесь, видимо, преобладающим является использование конфуцианского учения о сочетании разного и раздвоении единого, нежели идеи В.И. Ленина об использовании переходных форм в движении к социализму, хотя последние нельзя сбрасывать со счетов. Формируя «единое целое» из разнородных, но адаптированных к условиям Китая форм и механизмов открытости и опоры на собственные силы, плана и ранка, импортозамещения и экспортной ориентации, сочетания различных форм собственности и хозяйствования, создатели этого китаизированного симбиоза извлекали энергию, становящуюся драйвером роста и развития. Симбиоз противоречивых форм и механизмов перерастал в их креативное единство. «Социализм с китайской спецификой» – это и есть креативное единство внешне противоречивых структур и отношений при определяющей и направляющей целевой установке государства. Китай, как отмечал Линь Ифу, нащупал свой особый путь в ходе проведения политики реформ открытости [Линь Ифу 2019, с. 29].

В-пятых, реформы осуществлялись на основе заветов Мао Цзэдуна в отношении того, что нужно «быть скромными и осмотрительными, учиться у других и не задирать нос» [Мао Цзэдун 1976, с. 34]. Эта идея была интерпретирована «архитектором» реформ Дэн Сяопином как «до поры до времени держаться в тени, не демонстрируя своих намерений». Несмотря на то что Китай с начала

XXI в. все более «из тени в свет перелетает», он по-прежнему позиционирует себя как «развивающаяся страна». Объективными факторами такого сочетания некоторые китайские экономисты считают, во-первых, большой разрыв в развитии разных территорий страны; 2) доходы на душу населения еще ниже среднемировых; 3) развитый сегмент обрабатывающей промышленности находится в нижнем звене глобальной производственной цепочки. При этом экспорт является результатом «физического труда», а импорт – «умственного труда». Кроме того, более 300 млн жителей Китая требуют государственной поддержки [Цю Цзин 2019].

40 лет социально-экономических реформ в Китае постепенно привели к блестящим результатам, которые многие исследователи оценили как «экономическое чудо». Его основные характеристики достаточно хорошо известны, поэтому упомянем лишь некоторые. Это прежде всего двузначные темпы экономического роста на протяжении ряда лет (пик – 14,2% в 2007 г.), да и в настоящее время темпы в пределах 6% – мечта для большинства стран. ВВП Китая вырос в 1980–2018 гг. в 70,8 раза до 13,6 трлн долл., ВВП на душу населения, в свою очередь, в 138 раз до 64,664 долл. (данные Мирового банка). Китай стал «всемирной фабрикой», лидером в международной торговле. В стране 2-процентная инфляция и 5% безработица, что также достаточно впечатляюще. Происходит процесс сокращения численности живущих ниже черты бедности (2,3 тыс. юаней в год). Осенью 2017 г. их количество составляло порядка 43 млн человек, сократившись с 2012 г. на 55,6 млн. При этом в стране возник средний класс – согласно данным ГСУ КНР, в 2017 г. он составлял более 400 млн человек. Эти результаты, показатели можно было бы продолжать, но ограничимся десятью наиболее значимыми, на мой взгляд, достижениями Китая за годы реформ.

10 достижений Китая за 40 лет экономической реформы

1. Разработка и практическая реализация концепции «социализма с китайской спецификой».
2. Высокие устойчивые темпы экономического роста и развития, способствующие формированию китайского «экономического чуда».
3. Выход в лидеры мировой экономики, превращение страны в «мировую фабрику» по производству товаров.
4. Устойчивый и неуклонный рост благосостояния населения страны, возникновение массового среднего класса, существенное сокращение числа бедных.

5. Формирование основ инновационной модели развития.
6. Создание сетевой структуры ОЭЗ.
7. Массированное привлечение иностранного капитала в экономику страны.
8. Успешная адаптация зарубежных технологий широкого применения (ТШП) к китайским реалиям. Эффективное использование плюсов экономической глобализации.
9. Повышение авторитета китайской валюты – вхождение юаня в корзину СДР.
10. Выдвижение стратегической инициативы «один пояс, один путь», ее разработка и использование как альтернативы западной модели глобализации в «версии 2.0». Формирование концепции «цифрового шелкового пути» (ЦШП) как формы ОПОП (ЭПШП) и в целом как стратегии инновационного развития Китая с превращением его к 2050 г. в ведущее инновационное государство мира.

Новые цели – новые реформы

В начале 10-х гг. XXI в. «экономическое чудо», достигнутое в основном за счет использования экстенсивных факторов, перестало удовлетворять амбициозных китайских лидеров. В 2013 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва (который китайские обществоведы по значимости сравнивают с 3-м пленумом ЦК КПК, состоявшимся в октябре 1984 г. и объявившем об углублении проводимых реформ) было одобрено «Решение ЦК КПК о некоторых важных вопросах по всестороннему углублению реформ». Фактически это означало начало новой волны экономических реформ в версии 2.0. Была поставлена новая цель: к 2020 г. удвоить показатели ВВП и отказаться от политики опоры лишь на некоторые передовые технологически развитые отрасли промышленности на основе заимствованных зарубежных технологий. Намечались новые рубежи по тотальному переходу к опоре на высокотехнологичное производство на основе собственных инноваций, нарастания локализации передовых зарубежных образцов производства, выпуска высококачественной наукоемкой продукции с высокой добавленной стоимостью с использованием преимущественно национальных разработок и науки.

Общая цель – превратить Китай в мировой рынок высокотехнологичных товаров. Это был новый переломный этап в реализации экономической реформы в Китае. Он сопровождался выдвижением двух программ: «Сделано в Китае – 2025», которая была внесена в план 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) и обнаружена в мае

2015 г., и Государственной программы стратегии инновационного развития, предполагаемой к реализации на трех этапах: первый этап 2016–2010 гг.; второй – до 2030 г. и третий – до 2050 г. В этой программе инновации провозглашались ведущей силой развития, залогом государственной мощи, сильной, растущей экономикой.

Программа «Сделано в Китае – 2025» позиционируется как «дорожная карта» по переходу от прежней модели экстенсивного развития, принесшей Китаю выдающиеся социально-экономические результаты, но начавшей пробуксовывать, к новой высокотехнологичной интенсивной модели с опорой на внутренние инновации, при этом не отказываясь от заимствования зарубежных технологий, а также внутренний спрос, не снимая с повестки удовлетворение внешнего спроса.

Программа «Сделано в Китае – 2025» (далее – Программа – 2025) делала существенный шаг вперед от плана по развитию инноваций, действовавшего с 2006 г., рассчитанного, как указывалось выше, до 2020 г. Этот шаг означал отказ от представлений о том, что можно опираться на развитие только определенных передовых технологий, сохраняя статус «мировой фабрики», выпускающей значительные объемы дешевой, но некачественной продукции. Программа – 2025 нацеливала на коренную модернизацию обрабатывающей промышленности на основе требований в «4-й промышленной революции», с тотальной ликвидацией старого промышленного фундамента, с доведением локализации всего национального производства к 2020 г. до 40%, а к 2025 г. до 70%.

Стратегической целью программы стало превращение промышленности Китая из «большой в сильную», становление «великой промышленной державы». Хотя Программа – 2025 рассчитана на 10 лет, однако достижение стратегической цели предполагает дальнейшую реализацию соответствующей политики на срок до середины XXI в. В первый период до 2025 г. основные усилия в ее реализации концентрируются на обеспечении попадания Китая в группу наиболее развитых в экономическом отношении стран. Второй этап – достижение среднего уровня производства, сравнимого с уровнем производства в этих странах. И, наконец, третий этап – достижение общих показателей развития сопоставимых с уровнем развитых стран.

К особенностям этих этапов можно отнести следующие:

- на первом этапе до 2020 г. будут заложены основы инновационной экономики. Это означает, что некоторые отрасли промышленности должны занять сравнительно высокое положение в глобальных цепочках создания стоимости товаров.

Программа должна быть нацелена на создание отдельных

- инновационных предприятий и отраслей, имеющих высокую международную конкурентоспособность. Одновременно стимулировать в стране дух креативности и развертывания научно-технологической революции в индустрии;
- на втором этапе (2020–2030 гг.) планируется обеспечить занятия прочных высоких мест ведущих отраслей индустрии Китая в средних и высших звеньях глобальных стоимостных цепочек, добиться непрерывной генерации отечественных технологий и новых продуктов. Материальной основой этих результатов должна стать более высокая доля расходов на НИОКР – 2,8% ВВП;
  - на третьем этапе до 2050 г. усилия по реализации программы концентрируются на создании условий для превращения Китая в научно-технологическое инновационное государство, отвечающее параметрам «четвертой промышленной революции».

Госпрограмма стратегии инновационного развития фактически вбирала в себя программу «Сделано в Китае – 2025», будучи документом перспективного развития страны как будущей глобальной инновационной державы, превращения Китая из «большого в сильное государство».

Новая стратегия инновационного развития предполагала и активизацию деятельности Китая на зарубежных рынках. С одной стороны, требовалось и дальше наращивать коммерциализацию статуса «мировой фабрики», увеличивая товарную экспансию на зарубежные рынки, а с другой – создавать прочные плацдармы для продвижения за рубежом китайских технологий и высокотехнологичных товаров. На реализацию этих планов и была направлена инициатива председателя КНР Си Цзиньпина «Экономический пояс шелкового пути», с которой он выступил осенью 2013 г. в Казахстане. Через некоторое время эта инициатива вобрала в себя новые географические направления, превратившись в инициативу «Один пояс, один путь» (пояс и путь – П и П). Инициатива П и П поначалу делала значительный упор на решение внутриэкономических проблем развития северо-западных провинций Китая, которые заметно отставали от его центральных и юго-западных провинций, но со временем приобрела заметный интернациональный, глобальный характер [Лю Ижу, Авдокушин 2019].

После мирового кризиса 2008 г. в результате стагнирования мировой экономики («новая нормальность»), нарастания протекционистской политики многих стран, разрыва ряда глобальных производственных цепочек создания товаров и некоторых других факторов, процесс глобализации сигнализировал о своем кризис-

ном состоянии. Инициатива П и П свидетельствовала о том, что Китай начал «выходить из тени», заявляя о своих намерениях на лидерство в современном глобализационном процессе. По мере набирания концептуального веса инициативой П и П Китай все более позиционировал себя как нового драйвера и архитектора начавшегося процесса глобализации.

Китай провозгласил себя сторонником «новой глобализации» (выступление Си Цзиньпина на Давосском форуме) – глокальной, инклюзивной, справедливой. Если раньше, в начале XXI в., Китай только «высовывался из тени», примеряя на себя новую роль глобального игрока, проводя политику «идти вовне», формируя армию «национальных чемпионов» – китайских международных корпораций, которые должны были занять места среди ведущих мировых ТНК, то теперь эта политика дополнилась новыми чертами: большей целенаправленностью и агрессивностью компаний Китая, претендующих на безусловные лидерские позиции на мировых рынках. Политика открытости, которая проводилась Китаем с начала экономических реформ, приобрела новую «архитектонику»: помимо постепенной открытости Китая внешнему миру, Китай перешел к реализации политики открытости в версии 2.0, открытию мира для китайских ТНК. Инициатива П и П была самым непосредственным образом связана с новой версией открытости, реализуемой Китаем. Эта политика четко определяла цели Китая как глобального игрока, ведущего субъекта современной мировой экономики и международных экономических отношений. Можно констатировать, что к концу 10-х гг. XXI в. Китай окончательно «вышел из тени».

Таким образом, три стратегических документа, принятых в Китае в 10-х гг. XXI столетия – «Сделано в Китае – 2025», «Государственная стратегия инновационного развития» и инициатива «один пояс, один путь» представляют собой идеологическую основу и конкретную «дорожную карту» общей политики Китая в реализации новых целей экономических реформ и в версии 2.0. Эти цели включают построение среднезажиточного общества («сяокан») с последующим переходом к обществу «всеобщего благоденствия» (дагун) в 2050 г. и реализации генеральной цели – осуществлению «китайской мечты», т. е. достижения того «золотого», «блестящего» состояния, в котором Китай пребывал в период династии Тан и Сун в начале Средних веков. Соответственно, с поправкой на достижения современного научно-технического прогресса, связанных с императивами «4-й промышленной революции». Соответствие требованиям этой технологической революции и ее ядра – цифровым технологиям и является одной из основных

целей современной экономической политики Китая в период экономической реформы в версии 2.0.

Начало этого периода в какой-то степени напоминает ситуацию социально-психологических преобразований в Китае в начале 80-х гг. Отличает их, конечно, отсутствие острой политической борьбы с противниками социально-экономических реформ – деятелями КПК, сохранившими левацкие взгляды на построение социализма, и отсутствие четкой «дорожной карты» преобразований, наличие многочисленных острых дискуссий о соотношении плана и рынка, социалистической собственности, социалистической конкуренции и др. Современный курс реформ намечен, цели ясны, основные механизмы определены, стимулирующие рычаги активно используются. Народу дан образ будущего страны, к которому надо всемерно стремиться. Конечно, имеется целый ряд препятствий и вызовов внутреннего и внешнего порядка, однако для идеологически единого китайского руководства они вряд ли видятся непреодолимыми.

Китай нацелен на достижение лидерства в экономической, технологической гонке в ближайшие десятилетия. Атмосфера нынешнего этапа экономических реформ во многом напоминает бурлящий экономический котел со многими его ингредиентами, готовыми к употреблению для самого взыскательного пользователя.

Технологический прорыв осуществляется на основе тотальной цифровизации Китая. Цифровая трансформация как центральное звено инновационного преобразования Китая на этапе экономической реформы 2.0 включает следующие составляющие: развитие цифровой инфраструктуры (электронные торговые, логистические площадки, Интернет+, искусственный интеллект)⁴, использование новых технологий, опирающихся на цифровые решения, включая квантовые технологии, киберфизические системы, нейротехнологии и др. Приоритетом в политике инновационной трансформации китайской экономики является превращение Китая в ведущую интернет-державу. Важный акцент здесь делается на развитие китайских глобальных компаний, технологических лидеров, таких как Huawei, Tencent, Alibaba, ZTE и др., которые входят в десятку мировых лидеров интернет-коммерции и являются авангардом технологической экспансии на глобальном рынке.

---

⁴ Интернет + – это интегрированный Интернет, включающий мобильный Интернет, облачные вычисления, технологии больших данных, Интернет вещей. Интернет+ нацелен на онлайнизацию и цифровизацию существующего производства.

Цифровая составляющая китайской экономики уже приносит существенные результаты. По оценке Китайской Академии информационных и телекоммуникационных технологий (САИСТ), вклад цифровизированных отраслей в ВВП КНР в 2018 г. составил 38%. МВФ в обзоре, посвященном цифровизации Китая (январь 2019 г.), прогнозирует, что при сохранении текущих темпов цифровизации китайский рынок станет крупнейшим к 2025 г. Объем информационного потребления в стране постоянно растет по мере увеличения внутреннего спроса, который имеет существенный потенциал роста.

Важную роль в цифровизации экономики Китая играет «мобильная коммерция». Стиль жизни в городах и во все большей степени в сельской местности определяется приложением к мобильным телефонам. 61% населения страны оплачивает покупки с помощью смартфона.

Бурное развитие в стране получила электронная торговля, по объемам которой Китай является безусловным лидером. По прогнозам, ее объемы в 2020 г. превысят показатели США, Великобритании, Франции, Германии, вместе взятые. Китайские экономисты справедливо полагают, что электронная торговля стала одним из «столпов китайской экономики». В сфере электронной торговли активно используются электронные технологии, включая анализ больших данных, облачные технологии, искусственный интеллект.

Китай делит лидерство с США в области искусственного интеллекта, будучи одним из лидеров в разработке и внедрении технологии 5G, одновременно догоняя США в области квантовых компьютеров, робототехнике и других цифровизированных сферах⁵.

Можно и дальше перечислять достигнутые результаты и перспективы развития китайской экономики на этапе ее тотальной цифровизации. Этот этап только начался, впереди новые достижения и многие проблемы, но уже сейчас можно констатировать, что процесс цифровизации экономики идет по восходящей линии. К 2025 г., как полагают эксперты МВФ, объемы цифровой экономики в ВВП Китая сравняются с японскими показателями (46% в 2018 г.) (обзор МВФ о цифровизации экономики Китая – 2019 (январь)).

Можно констатировать, что Китай находится на пороге вступления в статус технологической сверхдержавы, и это можно рассматривать как новое «экономическое чудо» страны, в экономике

---

⁵ Google займется развитием ИИ в Китае, создан новый центр во всей Азии // Regnum. 2017. 14 дек. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.regnum.ru/news.2357196.html> (дата обращения 25 сент. 2019).

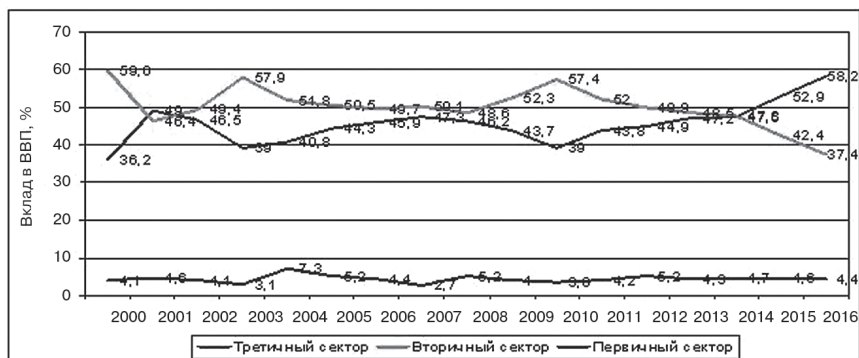

Рис. 1. Вклад секторов экономики в рост ВВП Китая в 2000–2016 гг., %
 Источники: составлено автором по базе: China Statistical Yearbook 2000–2017
<http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2017/indexch.htm>

которой еще пару десятков лет назад преобладала продукция сельского хозяйства и промышленности.

Экономическая реформа 2.0 – это изменение модели роста, перехода его на использование интенсивных, качественных, экономных, низкоэкологических факторов, опор на внутренний спрос. Переход к этой модели опирается в Китае не только на модернизацию промышленности и ее цифровизацию, а также интенсификацию сельского хозяйства, изменение структуры внешней торговли, но и на значительный рост сферы услуг, в т. ч. цифровых. Именно сфера услуг становится важным драйвером в поддержании темпов экономического роста и развития. По данным ГСУ КНР, доля третичного сектора (услуги) в экономику Китая выросла с 39,8% в 2000 г. до 52,2 в 2018 г., а вклад в экономический рост вырос с 36,2% за тот же период до 58,8% в 2017 г. (рис. 1). Это наибольший вклад сектора услуг в ВВП со времени образования КНР, и он становится в настоящее время основной движущей силой экономического роста в стране⁶.

Развитие сферы услуг сопровождается модернизацией, возрастанием доли финансовых, образовательных, консалтинговых, информационных услуг. Под влиянием цифровизации меняется и такая традиционная отрасль услуг, как торговля, становясь все более технологичной, информационной. Именно цифровизация

⁶ Сфера услуг становится движущей силой экономического развития Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://finance.people.com.cn/n1/2018/0416/c1004-29926955.html> (дата обращения 25 сент. 2019).

способствовала резкому подъему сферы финансовых услуг за счет развития финансовых технологий (финтех), а торговли – за счет Интернета. Успехи электронной торговли Китая достаточно хорошо известны, и выше о них уже говорилось. А в отношении финансовых технологий в КНР известно значительно меньше. Между тем Китай является в этой сфере безусловным мировым лидером. Он занимает первые места по объемам операций с помощью финтех-сервисов во всех его четырех категориях: цифровые платежи (35% от мировых объемов), управление персональными финансами (15%), альтернативное кредитование (91%) и альтернативное финансирование (54% от мировых объемов). Кроме того, Китай является лидером по числу пользователей финтех сервисов – в 2018 г. их число составило 798 млн человек⁷.

Активно растут услуги в области потребления информатизации. Так, по итогам 2018 г. объем потребления информатизации в Китае по данным САИСТ составил порядка 5 трлн юаней (около 730 млрд долл. США), увеличившись на 13% по сравнению с 2017 г. «Появление новых форматов, новых технологий и новых продуктов обеспечивает для информационного потребления огромный потенциал развития» – цитирует китайское издание «Цзинцзи цанькоа бао» исследователя из САИСТ Чжана Ли⁸.

На юбилей обычно принято говорить об успехах юбиляра. И здесь можно еще многое сказать о ряде блестящих достижений Китая за 40 лет масштабных преобразований. Вместе с тем движение Китая на путях экономической реформы 2.0 вряд ли будет похоже на движение экспресса по ВСМ Пекин-Шанхай. Перед страной и ее руководителями стоит ряд проблем и вызовов как внутреннего, так и внешнего порядка, которые предстоит решать, чтобы достичь поставленных высоких и амбициозных целей.

К числу этих проблем прежде всего следует отнести общеэкономические, связанные со сменой исчерпавшей себя модели развития, основанной на экстенсивных факторах использования сырьевых и трудовых ресурсов, на модель технологичного, инклюзивного, «зеленого» роста и развития. Сделать это, как отмечает сотрудник Института мировой экономики и политики Академии общественных наук КНР Цю Цзи, будет нелегко [Цю Цзин 2019].

Одной из надвигающихся серьезных проблем для Китая является «ловушка среднего дохода», которая может принести свои

---

⁷ Overview of FinTech market in China/Statista – статистический портал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/outlook/295/117/fintech/china> (дата обращения 25 сент. 2019).

⁸ Цзинцзи цанькоа бао. 2019. 7 янв.

негативные составляющие в общий тренд на снижение темпов экономического роста. Остаются проблемы в секторах недвижимости, задолженности государственных предприятий, до сих пор сохраняются так называемые зомби-предприятия, висящие серьезным грузом на китайском бюджете. Не решены и такие макропроблемы, как диспропорции в развитии и уровнях жизни отдельных китайских регионов, высокая экологоемкость китайской экономики и другие проблемы.

Помимо внутренних проблем, которые постепенно решаются в той или иной степени, но выглядят хроническими на фоне общих результатов китайского «экономического чуда», Китай столкнулся с серьезными внешними вызовами. Особенно после того, как он открыто объявил о своих претензиях на место лидера в процессах затухающей глобализации, продемонстрировал технологические прорывы, вступив в конкурентную борьбу с международными технологическими грандами. Торгово-технологическая война, объявленная Китаю США, находится пока в позиционном состоянии. Вводимые США санкции против Китая могут создать серьезные трудности для некоторых экспортно-ориентированных районов Китая, но вряд ли заставят его отказаться от реализации своих планов, скорее подтолкнут к ускоренному поиску выхода из сложившейся ситуации. Санкции, как правило, опасны для больной, слабой экономики, а здоровая, растущая экономика, имеющая достаточно серьезный потенциал, сумеет их «переварить», найдя то или иное «противоядие». В этой связи «новая эпоха», в которую вступил Китай, потребует и новых нестандартных подходов и механизмов в ответ на ее вызовы.

Принимая во внимание указанные и другие проблемы и вызовы для Китая на пути движения к великой цели «возрождения китайской нации», можно констатировать, что впереди страну ждет далеко не шелковый путь. Однако разогнавшийся высокоскоростной поезд китайской экономики, несмотря на снижение его скорости в последние годы, вряд ли удастся остановить. Преобразования будут продолжаться, но их осуществление, видимо, опять будет идти извилистым, но целенаправленным путем к реализации поставленных задач.

Литература

Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу 2001 – *Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу*. Китайское чудо: Стратегия развития и экономическая реформа. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2001. 367 с.

- Линь Ифу 2019 – *Линь Ифу*. Чудо китайского экономического развития // Китай. 2019. № 10.
- Лю Ижу, Авдокушин 2019 – *Лю Ижу, Авдокушин Е.Ф.* Проект «Один пояс, один путь» 2.0 – стратегия стимулирования экспансии Китая // Мир новой экономики. 2019. № 1.
- Мао Цзэдун 1976 – *Мао Цзэдун*. О десяти важнейших взаимоотношениях. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1976. С. 34.
- Пивоварова 2011 – *Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой. М.: Форум, 2011.
- Цю Цзин 2019 – *Цю Цзин*. Почему Китай – развивающееся государство // Китай. 2019. № 6.

References

- Lin Yifu, Fang Cai and Zhou Li (2001), *Kitaiskoe chudo: Strategiya razvitiya i ehkonomicheskaya reforma* [The China Miracle: Development Strategy and Economic Reform], Institut Dal'nego Vostoka RAN, Moscow, Russia.
- Lin Yifu (2019), "The Miracle of Chinese Economic Development", *China*, no. 10.
- Lyu Izhu, Avdokushin, E.F. (2019), "One Belt, One Way". Project 2.0. – China 's Expansion Strategy, *Mir novoi ehkonomiki*, no. 1.
- Maо Tse-Tung (1976), *O desyati vazhneishikh vzaimootnosheniyakh* [On the Ten Most Important Relationships], *Izd literaturny na inostrannykh yazykakh*, Pekin, China.
- Pivovarova Ya.P. (2011), *Socialism s kitayskoi specifikoi* [Socialism with Chinese specificity]. Moscow. ID "Forum". p. 325.
- Qiu Jing (2019), *Pochemu Kitai – razvivayushcheesya gosudarstvo* [Why China is a Developing State], *China*, no. 6.

Информация об авторе

Евгений Ф. Авдокушин, доктор экономических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, дом 1, строение 1; aef2005@yandex.ru

Information about the author

Evgenii F. Avdokushin, Dr. of Sci. (Economics), professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; 119991, 1/1 Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russia, aef2005@yandex.ru

УДК 347.73

DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-133-142

Квалифицированный инвестор: международный опыт

Светлана В. Львова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lvovav@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу зарубежного опыта применения института квалифицированного инвестора в США, Евросоюзе, Бразилии и Израиле. Дана сравнительная характеристика квалифицирующих признаков института квалифицированного инвестора, отмечены позитивные моменты зарубежного законодательства, которые могут быть имплементированы в Российское законодательство.

Ключевые слова: квалифицированный инвестор, институт квалифицированного инвестора, зарубежное законодательство, законодательство США, законодательство ЕС

Для цитирования: Львова С.В. Квалифицированный инвестор: международный опыт // Вестник РГГУ. Серия «Серия Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 133–142. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-133-142

A qualified investor: the international experience

Svetlana V. Lvova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, lvovav@mail.ru

Abstract. The article analyzes the foreign experience in applying the institution of a qualified investor in the United States, the European Union, Brazil and Israel. A comparative characteristic of the qualifying features of the institution of a qualified investor is given, positive aspects of foreign legislation that can be applied in the Russian legislation are noted.

Keywords: a qualified investor, the institution of a qualified investor, foreign legislation, US legislation, EU legislation

For citation: Lvova, S.V. (2019) "A qualified investor: the international experience", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 4, pp. 133-142, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-133-142

Введение

Обосновывая необходимость введения на рынке ценных бумаг нового субъекта – квалифицированного инвестора, Правительство РФ в свое время¹ ссылалось на международный опыт. Банк России спустя 10 лет после этого в качестве обоснования нового подхода к категорированию и определению перечня инструментов для инвестирования в своем докладе² также прибег к анализу международного опыта на примере таких стран как Бразилия, страны Европейского союза и Мексика.

Изложенное позволяет констатировать не только актуальность, но и потребность в исследовании опыта применения института квалифицированного инвестора в зарубежных странах с тем, чтобы дать анализ лучших результатов этого опыта и предложить его внедрение в российское законодательство.

Квалифицированный инвестор в Бразилии

В Бразилии под квалифицированным инвестором понимается такой инвестор, который за счет образования, опыта и капитала приобрел навык или способность оценивать риск финансовых вложений. Категории квалифицированных инвесторов определяются в Инструкции МВО № 554 – категории инвесторов³, принятой Комиссией по ценным бумагам⁴. Из положений законодательства Бразилии вытекает, что к отдельной категории инвесторов, так же как и по законодательству РФ, относят профессиональных инвесторов – закрытый перечень из восьми видов юридических лиц, к которым, в частности, относятся:

---

¹ Распоряжение Правительства РФ от 01.06.2006 № 793-р «Стратегия развития финансового рынка на 2006–2008 годы» // Собрание законодательства РФ. 09.06.2006. № 24. Ст. 2620.

² Совершенствование системы защиты инвесторов на финансовом рынке посредством введения регулирования категорий инвесторов и определения их инвестиционного профиля: Доклад Банка России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/50723/report_30062016.pdf (дата обращения 23 ноября 2019).

³ Комиссия по ценным бумагам. Инструкция по CVM 554 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cvm.gov.br/legislacao/instrucoes/inst554.html> (дата обращения 23 ноября 2019).

⁴ Комиссия по ценным бумагам [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cvm.gov.br/index.html> (дата обращения 23 ноября 2019).

I – финансовые учреждения и другие учреждения, уполномоченные работать на Центральный Банк Бразилии;

II – страховые компании и инвестиционные фонды;

III – открытые и закрытые частные пенсионные фонды;

IV – физические или юридические лица, финансовые инвестиции которых составляют сумму более чем 10.000.000,00 (десять миллионов реалов) и дополнительно подтвердившие в письменной форме, что обладают достаточными знаниями о финансовых рынках и понимают последствия неприменения правовых и регулятивных защит, предоставляемых инвесторам, которые не являются квалифицированными;

V – инвестиционные фонды;

VI – инвестиционные клубы, при условии, что управляющим портфеля ценных бумаг является лицо, уполномоченное на это комиссией по ценным бумагам;

VII – агентов автономных инвестиций, портфельных менеджеров, аналитиков и консультантов, ценных бумаг, разрешенных МВА, в отношении своих собственных ресурсов;

VIII – инвесторов-нерезидентов.

В отличие от законодательства Бразилии, в действующем российском законодательстве физические лица не относятся к категории тех, кто признается квалифицированными инвесторами в силу Закона.

К квалифицированным инвесторам, по законодательству Бразилии, также как и в законодательстве России, относится закрытый перечень лиц:

I – профессиональные инвесторы (исчерпывающе перечисленные в Законе);

II – физические лица или юридические лица, имеющие финансовые инвестиции на сумму более чем 1.000.000,00 (один миллион реалов) и дополнительно подтвердившие в письменной форме, что обладают достаточными знаниями о финансовых рынках и понимают последствия неприменения правовых и регулятивных защит, предоставляемых инвесторам, которые не являются квалифицированными;

III – физические лица, которые сдали соответствующий квалификационный экзамен или имеющие сертификаты, перечень которых утверждается Комиссией по рынку ценных бумаг (МФО);

IV – инвестиционные клубы, при условии, что портфель управляется одним или несколькими акционерами, которые являются квалифицированными инвесторами.

Квалифицированный инвестор в Евросоюзе

Действующее российское законодательство базируется на законодательстве Европейского союза, что вытекает из пояснительной записки к проекту Федерального закона, которым как раз и были введены нормы о квалифицированном инвесторе [Львова 2017, с. 75]. Институт квалифицированного инвестора, правовое регулирование которого установлено положениями статьи 51.2 ФЗ № 39-ФЗ⁵ основывается, как и законодательство Европейского союза, на существовании двух видов квалифицированных инвесторов: в силу Закона (п. 2 ст. 51.2) и в силу признания (п. 4 ст. 51.2).

Основной принцип классификации инвесторов в Европейском союзе – опыт и знания, которыми должен обладать претендент, ставящий своей целью самостоятельно принимать решения об инвестировании в соответствующие финансовые инструменты и оценивать сопутствующие им риски, что прямо вытекает из Директивы № 2014/65/EU от 15.05.2014 (далее – Директива)⁶.

В «Приложении № 2 к Директиве под профессиональным клиентом понимается лицо, обладающее опытом и знаниями, достаточными для принятия самостоятельных инвестиционных решений и правильной оценки рисков, которым он подвергается»⁷.

При наличии явных отличий в сути подхода относительно опыта и знаний претендента (заявителя) на статус квалифицированного инвестора, в российском законодательстве и законодательстве Европейского союза, у нас есть одно общее – общий принцип формирования перечня лиц, признаваемых квалифицированными инвесторами в силу закона (считающиеся профессионалами) и лиц, которые могут быть признаны квалифицированными инвесторами (могут рассматриваться в качестве профессионалов по их просьбе). А принципиальное отличие сводится к тому, что по законодательству Европейского союза любая из организаций, признаваемой Директивой в качестве профессионального инвестора имеет право на снижение «планки ответственности» через механизм требования предоставить ей статус непрофессионального инвестора, а инвестиционные компании вправе дать им согласие на

---

⁵ Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О рынке ценных бумаг» // Российская газета. 1996. 25 апр.

⁶ Директива 2014/65/EU Европейского Парламента и Совета от 15 мая 2014 г. о рынках финансовых инструментов с поправками к Директиве 2002/92/ЕС и Директиве 2011/61/EU [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbr.ru/statichtml/file/11141/mifid2.pdf> (дата обращения 23 ноября 2019).

⁷ Там же.

предоставление более высокого уровня защиты, что фиксируется в соответствующем договоре с указанием конкретного финансового инструмента, сделки или услуги (абз. 3, 4 п. 4 Приложения № 2 Директивы). В нашем законодательстве такой механизм отсутствует, но законопроект № 618877-7⁸, который был 29.05.2019 г. принят Государственной Думой ФС РФ в первом чтении, предусматривает физическим лицам возможность перехода в более защищенную категорию квалифицированных инвесторов.

В соответствии с правилами Директивы (раздел II Приложения № 2 Директивы), к категории квалифицированных инвесторов или, как дословно установлено в Директиве, к «клиентам, которые могут рассматриваться в качестве профессионалов по их просьбе», относятся лица, соответствующие двум из перечисленных в Директиве критериев, а не одному, как это предусмотрено российским законодательством. При этом два из трех относятся к цензу, характеризующий опыт и знания претендента (совершение сделок не реже чем 10 в квартал на значительную сумму или наличие профессионального опыта работы в финансовом секторе от года), а один характеризует имущественный ценз (наличие активов на сумму свыше 500 000 евро)⁹.

Квалифицированный инвестор в США

Законодательство США, в отличие от европейского, исходит из более жесткого подхода к квалификации инвестора, что было заложено еще в Законе о ценных бумагах 1933 г. (SECURITIES ACT OF 1933)¹⁰.

Так, на официальном сайте Американской комиссии по рынкам и ценным бумагам содержится информация о том, что основная задача института квалифицированных инвесторов – определить лиц, которые в состоянии нести экономические риски инвестиций в ценные бумаги, не зарегистрированные регулятором. Отдельно

---

⁸ Проект Федерального закона № 618877-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О рынке ценных бумаг” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/618877-7> (дата обращения 23 ноября 2019).

⁹ Директива 2014/65/EU Европейского Парламента и Совета от 15 мая 2014 года о рынках финансовых инструментов с поправками к Директиве 2002/92/ЕС и Директиве 2011/61/EU. URL: <https://www.cbr.ru/statichhtml/file/11141/mifid2.pdf> (дата обращения 23 ноября 2019).

¹⁰ SECURITIES ACT OF 1933 [Электронный ресурс]. URL: <http://legcounsel.house.gov/Comps/Securities%20Act%20Of%201933.pdf> (дата обращения 24 ноября 2019).

подчеркивается, что инвестор должен знать о том, что такие продукты сопряжены с особыми рисками, в том числе возможностью потери инвестиций¹¹.

Е. Жук, проводя сравнительную характеристику квалифицированных инвесторов по законодательству ЕС и законодательству США, отмечал, что «ключевым отличием европейской методологии от американской является разделение всех квалифицируемых инвесторов на 2 группы: 1) квалифицированные инвесторы (профессиональные клиенты) по умолчанию (*de jure*) и 2) квалифицированные инвесторы (профессиональные клиенты) по признанию (*ad hoc*)» [Жук 2008, с. 18]. В США большое внимание уделяется защите неквалифицированных инвесторов, которые не имеют опыта инвестиций на рынке ценных бумаг. Аккредитованные инвесторы в США делятся на 4 группы, каждая из которых имеет свою компетенцию по вопросам инвестирования на рынке ценных бумаг.

В Отчете от 31.01.2019 г. «Бюллетень для инвесторов: аккредитованные инвесторы», размещенного на официальном сайте регулятора – Комиссии по ценным бумагам и биржам США (далее – SEC) приводится подробная информация о сути «аккредитованного инвестора»¹². В частности, указывается, что на основании действующего законодательства США в размещении отдельных ценных бумаг могут участвовать только лица, являющиеся аккредитованными инвесторами. Одной из причин, по которой эти предложения ограничены аккредитованными инвесторами, является обеспечение того, чтобы все участвующие инвесторы были финансово подготовленными и могли оценить риск потери инвестиций. В отличие от предложений, зарегистрированных в SEC, в которых требуется раскрывать определенную информацию, компании и частные фонды, такие как хедж-фонд или венчурный фонд, участвующие в этих льготных предложениях, не должны раскрывать информацию аккредитованным инвесторам. Эти предложения связаны с уникальными рисками, и предполагается, что аккредитованные инвесторы должны знать, что могут потерять все свои инвестиции.

Под аккредитованным инвестором – физическим лицом понимается лицо, которое соответствует следующим критериям:

- имеет доход, который превысил \$ 200,000 (или \$ 300,000 вместе с супругом) за каждый из предыдущих двух лет, и разумно ожидает того же самого в текущем году, или

---

¹¹ Updated Investor Bulletin: Accredited Investors. URL: <https://www.investor.gov/additional-resources/news-alerts/alerts-bulletins/updated-investor-bulletin-accredited-investors> (дата обращения 23 ноября 2019).

¹² Там же.

– имеет активы стоимостью более 1 миллиона долларов США, либо отдельно, либо вместе с супругом (сюда не включается стоимость актива в виде жилого дома или квартиры по основному месту жительства лица).

Аккредитованный инвестор именуется «искушенным», т. е. это такое лицо, которое владеет компанией или частным фондом, предлагающими ценные бумаги, обоснованно предполагается, что у этого человека есть достаточные знания и опыт в финансовых и деловых вопросах для оценки достоинств и рисков предполагаемых инвестиций.

Установлены также особые правила для расчета собственного капитала. Для того, чтобы квалифицироваться в качестве аккредитованного инвестора в соответствии с тестом чистой стоимости, лицо должно иметь чистую прибыль (доход), которая превышает 1 млн долл. либо в одиночку, либо с супругом. При расчете совместной чистой стоимости (прибыли) с супругом нет необходимости в совместном владении имуществом. Расчет чистой стоимости включает в себя сложение всех активов претендента и вычитание всех его обязательств. Полученная сумма – это и есть его собственный капитал.

Из этих правил есть исключения. В частности, стоимость недвижимости по основному месту жительства не включена в расчет чистой стоимости. Кроме того, любой ипотечный или иной кредит на приобретение жилого помещения не считается обязательством до справедливой рыночной стоимости жилья. Если сумма кредита превышает справедливую рыночную стоимость, то сумма кредита, превышающая справедливую рыночную стоимость, считается обязательством по тесту чистой стоимости.

Кроме того, любое увеличение суммы кредита за 60 дней до покупки ценных бумаг (даже если сумма кредита не превышает стоимость проживания) также будет считаться обязательством. Причина этого заключается в том, чтобы предотвратить искусственное завышение чистой стоимости путем преобразования собственного капитала в денежные средства или другие активы¹³.

Из общего анализа законодательства США вытекает, что в основу квалификации положено не общее понятие квалифицированного инвестора, как это, например, принято в Российском законодательстве и законодательстве ЕС, а применяется дифференцированный подход. Это выражается в том, что в каждом ключевом

---

¹³ Updated Investor Bulletin: Accredited Investors. URL: <https://www.investor.gov/additional-resources/news-alerts/alerts-bulletins/updated-investor-bulletin-accredited-investors> (дата обращения 23 ноября 2019).

сегменте рынка (инвестиционные фонды и компании, управляющие компании, биржевая торговля) существует свой тип квалифицированного инвестора с установленными правилами квалификации, которые являются различными для каждой из групп квалифицированных (аттестованных) инвесторов.

Исследования показали, что за последние несколько лет политика американского регулятора в отношении института квалифицированного (аккредитованных) инвесторов претерпела существенные изменения. В 2013 г. регулятор принял решение о либерализации этой сферы, отменив запрет на рекламу ценных бумаг и ПФИ, предназначенных для квалифицированных (аккредитованных) инвесторов, при условии проверки, что продукты, действительно, реализуются квалифицированным (аккредитованным) инвесторам. В начале 2016 г. Комитет финансовых услуг и Палата представителей США подавляющим большинством (347 – за, 8 – против, 78 – воздержались) проголосовали за поправку, которая позволит расширить определение квалифицированного (аккредитованного) инвестора за счет введения образовательной компоненты. В частности, теперь квалифицированными (аккредитованными) инвесторами могут быть признаны специалисты, имеющие лицензии для работы на финансовых рынках, а также лица, чье образование и опыт работы будут признаны достаточными регулятором или саморегулируемой профессиональной организацией¹⁴.

Квалифицированный инвестор в Израиле

В соответствии с Законом Израиля о ценных бумагах 1968 г., с учетом изменений, внесенных в Закон 24.02.2016 г., физическое лицо может быть признано квалифицированным инвестором в случае подачи письменного запроса и удовлетворения как минимум двум критериям:

- является обладателем финансовых активов, ценных бумаг, сбережений, наличных средств на общую сумму 12 млн шекелей (более 3 млн долл.);
- имеет опыт и навыки работы на финансовых рынках или имеет как минимум одногодичный стаж работы на должности, требующей наличие квалификации на рынках капитала;

---

¹⁴ Updated Investor Bulletin: Accredited Investors. URL: <https://www.investor.gov/additional-resources/news-alerts/alerts-bulletins/updated-investor-bulletin-accredited-investors> (дата обращения 23 ноября 2019).

– совершил(а) как минимум 30 сделок с ценными бумагами в течение квартала на протяжении последних четырех кварталов. Данное требование не распространяется на сделки, совершенные доверительным управляющим без участия клиента¹⁵.

Из анализа законодательства вытекает, что в конце 2014 г. израильский регулятор опубликовал рекомендации в отношении мер, которые должен предпринимать эмитент для удостоверения в том, что инвестор действительно соответствует требованиям, предъявляемым к квалифицированным инвесторам. Рекомендации касались прежде всего физических лиц, которым ранее было достаточно лишь проставить галочки в предложенных формах. С 2014 г. эмитенты должны заручаться письменным свидетельством адвоката или бухгалтера, удостоверяющего размер состояния потенциального инвестора. Похожим образом эмитенту необходимо заручиться свидетельством брокера для подтверждения необходимого числа транзакций. И, наконец, чтобы удостовериться в наличии у инвестора необходимых знаний и опыта, эмитенту рекомендуется запросить у инвестора детализированное описание совершенных им сделок.

Примечательно, что инвестор должен соответствовать данным требованиям на момент предложения ему высокорискованных ценных бумаг, что удостоверяется соответствующим заявлением. К моменту совершения сделки эмитент обязан удостовериться, что указанная информация соответствует действительности¹⁶.

Заключение

Анализ зарубежного законодательства показал, что институт квалифицированных (аккредитованных или профессиональных) инвесторов присутствует во всех странах с развитыми финансовыми рынками. Проецируя опыт законодательного регулирования института квалифицированного инвестора в Бразилии, Европейском Союзе, США, Израиля на Российскую Федерацию, можно утверждать, что, несмотря на национальные особенности, цель

---

¹⁵ Relief in Criteria for Individual Classified Investors in Connection with Private Offering of Securities in Israel. URL: http://www.gkh-law.com/מבוק-מברואר-ופיננסים-ביטוח-בנקאות-2016/#_ftn1 (дата обращения 23 ноября 2019).

¹⁶ Ofer Hanoh, Yigal Binyamini. Relief in Criteria for Individual Classified Investors in Connection with Private Offering of Securities in Israel // Client Alert - Banking, Insurance and Finances, March 2016. URL: http://www.isa.gov.il/Download/IsaFile_6025.pdf (дата обращения 23 ноября 2019).

присвоения статуса квалифицированного инвестора везде одинакова и состоит в защите интересов потенциальных инвесторов. Во многих странах синонимами слова «квалифицированный» во фразе «квалифицированный инвестор» выступают такие слова, как «аккредитованный», «искушенный» или «опытный». Как правило, при присвоении статуса квалифицированного инвестора учитываются три критерия – имущественный статус кандидата, наличие у него знаний в сфере финансовых рынков и наличие достаточного опыта в совершении сделок с ценными бумагами на фондовом рынке. При этом в большинстве стран при квалификации учитываются два критерия из трех. Россия является исключением, у нас для присвоения статуса квалифицированного инвестора достаточно соответствовать одному критерию из названных в законе, что нуждается, на наш взгляд, в исправлении на законодательном уровне, исходя из практики международного опыта применения института квалифицированного инвестора.

Литература

- Жук 2008 – Жук Е. Квалифицированный инвестор в Евросоюзе, США и РФ: правовые модели // Рынок ценных бумаг. 2008. № 5 (356). С. 16–20.
 Львова 2017 – Львова С. С квалификацией, но без опыта, или Квалифицированные инвесторы на скорую руку // Юридическая работа в кредитной организации. 2017. № 3. С. 74–82.

References

- Lvova, S. (2017), “With the qualification, but without any experience, or Qualified investors in a hurry”, *Yuridicheskaya rabota v kreditnoi organizatsii*, no. 3, pp. 74-82.
 Zhuk, E. (2008), “A Qualified Investor in the EU, USA and Russia: the Legal Models”, *Rynok tsennykh bumag*, no. 5 (356), pp. 16-20.

Информация об авторе

Светлана В. Львова, кандидат юридических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; lvovasv@mail.ru

Information about the author

Svetlana V. Lvova, Cand. of Sci. (Law), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; lvovasv@mail.ru

УДК 343.97(049.32)

DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-143-147

Рецензия на монографию:
Ю.М. Антонян «Тоталитарная преступность».
М.: Юрлитинформ, 2020. 312 с.

Ирина В. Воробьева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vorobyeva.iv@rggu.ru*

Аннотация. Автор подготовленной монографии Юрий Миранович Антонян – заслуженный деятель науки России, заслуженный работник Министерства внутренних дел России, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Российского государственного гуманитарного университета.

Данная рецензия представляет собой анализ монографического исследования «Тоталитарная преступность», посвященного весьма сложной и мало исследованной в криминологии проблеме. Тоталитаризм как система устройства общества и государства, оказав огромное влияние на всю историю человечества, породил особый вид преступности, которая является ярчайшей и едва ли не самой главной характеристикой тоталитарного режима.

Особое внимание автор исследования уделяет раскрытию правовой сущности и содержанию тоталитарной преступности, ее причин, места в причинном комплексе тоталитарных лидеров.

В монографии раскрываются понятие и истоки тоталитаризма, его основные формы, механизмы образования и роста. Определяется понятие «тоталитарная преступность», рассматриваются развернутые портреты преступных вождей. Выявляется влияние тоталитаризма на общество, творчество, литературу и искусство, в целом – на культуру, а также особый порядок отношений между людьми и отношение к человеку в частности. В условиях высокого уровня преступности, а также беспрецедентной по своему многообразию и усложненности криминальной активности, углубленное криминологическое исследование тоталитарной преступности является исключительно актуальным и важным как в научном, так и в практическом отношении.

Монография представлена известным и признанным ученым, автором многих научных трудов в области криминологии, психологии и криминологии, многолетний опыт которого подтвержден фундаментальной

© Воробьева И.В., 2019

исследовательской, научно-педагогической, а также практической правоохранительной деятельностью.

Ключевые слова: государство, власть, лидер, политический режим, тоталитарная преступность, типология тоталитаризма

Для цитирования: Воробьева И.В. Рецензия на монографию: Ю.М. Антонян. «Тоталитарная преступность». М.: Юрлитинформ, 2020. 312 с. // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 143–147. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-143-147

Monograph review:
Yu.M. Antonyan. “Totalitarian crime”,
Yurlitinform, Moscow, 2020. 312 p.

Irina V. Vorobeva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, vorobyeva.iv@rggu.ru

Abstract. The author of the Monograph Yuriy Miranovich Antonyan is Honored Russian Scientist, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Russian State University for the Humanities.

This review is an analysis of a monographic study “Totalitarian Crime”, dedicated to a very complicated and little studied problem in criminology. Totalitarianism as a system of social and government organization, having a tremendous influence on the entire history of mankind, it gave rise to a special type of crime, which is the most striking and perhaps the most important characteristic of totalitarianism.

Special attention of the study is based on the disclosure of the legal nature and content of totalitarian crime, its causes and place in the causal complex of totalitarian leaders.

In conditions of a high crime rate, as well as an unprecedented in its diversity and complexity of criminal activity, an in-depth criminal-psychological study of totalitarian crime is extremely relevant and important both scientifically and in practice.

The monograph is presented to well-known and honored scientists, authors of many scientific works in the field of criminology, psychology and criminalistics, whose rich experience is confirmed by fundamental research, scientific and pedagogical, as well as practical law enforcement.

Keywords: state, power, leader, political regime, totalitarian crime, typology of totalitarianism

For citation: Vorobeva, I.V. (2019), “Monograph Review: Yu.M. Antonyan. ‘Totalitarian crime’, Yurlitinform, Moscow”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 4, pp. 143-147, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-143-147

В настоящее время в мировом сообществе в свете рассмотрения особенностей тоталитарного режима высказаны различные, порой взаимоисключающие точки зрения, созданы различные концепции. В этой связи, по мнению автора монографии, термин «тоталитаризм» представляет собой не просто правовой режим, а режим всеобщего наступления на цивилизацию.

В основу монографии были заложены идеи К.Г. Юнга о коллективном бессознательном. Данные взгляды автор определяет как, к сожалению, забытый опыт человечества, который впоследствии отражает в себе социальные, социологические, культурные аспекты, что, по мнению автора монографии, в дословном понимании, звучит как «этот опыт прорывается наружу, в том числе в виде жестокого насилия».

Анализируя деяния диктаторов XX в. и специфику их режимов, «трудно отделаться от впечатления, что это действуют дикари, но в современных ситуациях машин, электричества, многотысячных городов».

Автор подчеркивает, что деспотичные режимы в своей глубинной сути порождаются архаичными, давно изжитыми формами жизни, и парадокс заключается в том, что условия для их существования общество создает само.

По мнению автора монографии, один из выдающихся испанских философов Х. Ортега-и-Гассет еще в тридцатые годы двадцатого столетия писал о появлении в Европе определенного типа человека, который не считал нужным оправдывать свои претензии и поступки перед другими и даже перед собой, он просто любой ценой добивался своей цели. Что породило право (новое и небывалое) действовать без всяких на то прав.

В политическом поведении большинства общества раскрывалась грубо и откровенно структура таких «новых» людей, и в этом ключе автор монографии отмечает глубинные истоки тоталитаризма.

Ю.М. Антонян разграничивает тоталитарное государство и тоталитарное общество. При этом предвестником тоталитарного режима определяет деспотизм, абсолютизм, монархию. Основными чертами, по мнению автора, тоталитарного государства являются: отсутствие демократических свобод – свободы слова, собраний, избирательных органов власти и управления; превращения судебной системы в «марионетку» господствующей власти; ведение агрессивной внешней политики, подавление свободной мысли во всех сферах общественной жизни, культ государства; культ лидера, именуемого вождем; геноцид, создание лагерей смерти.

Ключевыми элементами тоталитарной системы признаются: назначение на государственные посты исключительно членов

правлящей партии; в элите высшие государственные и партийные посты занимают одни и те же лица; повседневный партийный контроль над всеми государственными учреждениями, предприятиями, армией; передача государственных функций непосредственно партийным органам; обширный и разветвленный карательный и сыскной аппарат; полный контроль государства над судом; господство нацистской и фашистской идеологий; тотальный охват населения официальными и так называемыми общественными организациями.

Тоталитарное общество в целом одобрительно относится к проводимой тоталитарным государством внутренней и внешней политике, одобрение идет в основном от масс, которые и приводят к власти тоталитаризма. Нейтральные и равнодушные люди становятся управляемым большинством, а тоталитарный режим функционирует по своим правилам, активно признаваемым лишь меньшинством. Народ при тоталитаризме постоянно мобилизован, все время на что-то нацелен и находится в так называемом движении.

При этом прошлое представляется чистой «доской», на которой надо создать нечто принципиально новое. Общество и государство сливаются в единое целое, что подавляет личность как таковую.

Автор обосновывает суть политической власти в тоталитарных системах, в частности, – нацистской Германии, Италии периода Муссолини, Испании при Франко. Анализ свидетельствует о том, что основные формы тоталитаризма чрезвычайно схожи друг с другом. Однако в современных тоталитарных режимах могут отсутствовать «всепобеждающие» идеи и культ вождя. Это фактически частично тоталитарные страны, делает вывод автор и выдвигает концепцию типологии тоталитаризма, имея в виду, что классический тоталитаризм представлен, в основном, фашизмом и нацизмом. При этом ошибочно думать, что они отжили свой век. Нацизм вполне может возникнуть, в частности, в Африке, где геноцид отдельных народностей широко практикуется.

Ю.М. Антонян отмечает, что важной характеристикой тоталитаризма является целостность, к которой имманентно и бессознательно стремятся и сам строй, и его вожди. Тенденция к целостности есть показатель слабости деспотической системы и ее лидеров.

Анализ социальных, экономических, социально-психологических, политических и иных условий взрывов глобального насилия тоталитарных систем дает основания полагать, что соответствующие периоды истории многих стран характеризовались всеохватывающими кризисами. Например, немцы бессознательно ждали прихода вождя-избавителя. Два события резко изменили само-

оценку данной нации: объединение Германии в единую страну под руководством Бисмарка и ее победа над Францией в 1870 г. Идеи превосходства немцев рождались не только в самой гуще народа, они формировались ведущими мыслителями Германии. Тоталитарная преступность, по мнению автора, влечет за собой появление палачей, бессовестных и жестоких судей, прокуроров и следователей, создание обширной сети концлагерей.

Анализ проблем тоталитарного режима позволил автору определить новый вид преступности – тоталитарный. Его отличительные черты: преступления совершаются государством или от его лица его же представителями; масштабы этой преступности намного превосходят масштабы любого другого ее вида. Тоталитарная преступность носит организованный характер.

К данному виду преступности автор монографии относит корыстные преступления, среди которых: разграбление покоренных стран или части их территории, вывоз техники, включая предприятия, произведения искусства; присвоение имущества репрессированных народов.

Ю.М. Антонян исследует причины тоталитарной преступности в свете архетипической психологии, характеризует тоталитаризм как торжество некрофилии, а тоталитарных тиранов – некрофилами, садистами, убийцами.

Данная монография будет полезна широкому кругу читателей, ученым-исследователям, юристам, преподавателям, аспирантам и студентам высших учебных заведений, а также историкам, политологам, психологам.

Не вызывает сомнения, что результаты исследования, представленные в монографии, окажут существенную помощь в разработке и реализации необходимых профилактических анти-криминогенных мер борьбы с преступностью.

Информация об авторе

Ирина В. Воробьева, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; vorobyeva.iv@rggu.ru

Information about the author

Irina V. Vorobeva, Cand. of Sci. (Law), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; vorobyeva.iv@rggu.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова
Корректор
Ж.П. Григорьева
Компьютерная верстка
Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 15.12.2019.
Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 9,7.
Тираж 1050 экз. Заказ № 789

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru